ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№7 (134), 2021**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, магистр права
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Максимов Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Овакимян Михаил Амиранович, кандидат экономических наук, доцент
Осипов Юрий Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Дудукалов Егор Владимирович, кандидат экономических наук, доцент
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Котов Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Любашиц Валентин Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Магомедов Гусейн Багавдинович, кандидат юридических наук, доцент
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна, доктор политических наук, профессор
Никитина Анна Александровна, кандидат юридических наук
Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Пономарев Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Шмалий Оксана Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Яценко Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2021

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Н.С. Григорьева, Д.В. Черник Развитие предприятий в условиях прогрессии цифровой экономики 7

Ю.Ю. Дубина Анализ существующей системы финансового обеспечения сферы здравоохранения в Российской Федерации 10

В.В. Канаки, Л.В. Исик Современное состояние инвестиционной деятельности в Ростовской области 14

Ю.З. Насиров, Т.И. Шпак, П.В. Скрипин Некоторые вопросы оценки состояния продовольственной безопасности России 18

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Е.Н. Беляева, И.В. Савон Внешняя торговля Южного федерального округа в контексте экономической безопасности 21

Л.В. Исик, В.В. Канаки Проблемы экономической безопасности личности в современных реалиях 27

ЛОГИСТИКА

А.А. Кизим, С.З. Бекирова, Р.А. Чаплыгин Маркетинговое исследование применения инструментов маркетинговой логистики для B2B рынка 31

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М.В. Кича Кризис западного либерализма 36

Г.В. Меженская К вопросу о генезисе науки юридической техники 40

Ю.А. Чижикова Формирование Объединенного казаче-крестьянского правительства войска Донского 44

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

А.А. Жегалова Влияние конституционной реформы 2020 года на муниципализм и муниципально-правовую культуру в России 47

М.В. Мархгейм Гражданство Российского государства: интерпретационные традиции и конституционно-правовые новеллы 50

А.В. Полтавцева Защита прав человека: от истории к современности 53

П.С. Самыгин, С.И. Самыгин, А.М. Шевченко Социальное государство в России: цели и задачи в период пандемии Covid-19 56

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Л.Ю. Емченко, В.Н. Колодкина Пособия семьям, имеющим детей, как инструмент социально-ориентированной политики государства 60

Н.Г. Шатверян, Е.А. Сбитнева Цифровизация в трудовом праве 63

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

О.В Алимова, Е.В. Слобожанский Моральный вред в международном частном праве 67

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Д.А. Берестовой Преступная причастность к аутоагрессивным актам в местах изоляции от общества: криминологические и уголовно-правовые аспекты 70

А.Н. Карлаш, А.Л. Клочкова Особенности отграничения злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий (ст.ст. 285 и 286 УК РФ) 74

А.И. Королевский, Н.Г. Осадчая Специфика правоприменительной практики, связанной с институтом причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление 77

Е.Ю. Коруненко, Л.А. Кочергина Проблемы реализации отдельных видов освобождения от уголовного наказания 82

Г.Ю. Лесников, С.Н. Безуглый, И.М. Цуриков К вопросу об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения 86

Е.А. Сазанова, Е.В. Собакарева Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ): проблемные аспекты законодательного конструирования и практики применения 90

Е.В. Серегина, С.И. Улезько, Е.А. Кочергина О возрасте наступления и дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних в зарубежных странах 94

С.К. Сулейманов Оказание противоправного влияния на результаты официального спортивного соревнования: криминологические аспекты 100

С.И. Улезько, А.С. Гордиенко К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за преступления террористической направленности 103

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

И.И. Короленко, Л.П. Горбатюк Уголовно-процессуальные особенности производства обыска и выемки 106

С.Г. Матинов, А.В. Николаев, А.А. Арзуманян Вещественные доказательства как важный элемент доказательства по уголовным делам 110

Р.Г. Непранов, С.А. Зотова Особенности рассмотрения уголовных дел частного обвинения мировым судьей 113

Р.Г. Непранов, И.А. Эсмурзиев О порядке проведения допроса и его доказательственное значение 116

Л.И. Полтавцева, С.Р. Сапрунов Актуальные проблемы государственной защиты свидетелей и потерпевших в рамках уголовного судопроизводства в России 120

И.Г. Рогава, А.О. Аревян Процессуальный статус суда в уголовном судопроизводстве 124

В.Н. Севумян, А.А. Арзуманян Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе 129

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.П. Фоков Концепция развития электронного правосудия в Российской Федерации: настоящее и будущее 132

Т.Г. Новикова, Ю.В. Федоренко О перспективах обновления системы источников арбитражного процессуального права 136

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

А.М. Старостин Создание эффективной системы высшего образования как ресурс для парирования глобальных пандемических угроз (на примере Юга России) 139

Т.А. Мосиенко Защита прав детей в постковидный период в России 144

CONTENTS

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY ADMINISTRATION

N.S. Grigorieva, D.V. Chernik Models of enterprise development in the context of digital economy progression 7

Yu.Yu. Dubina The analysis of the current system of the financing of the health care sphere in the Russian Federation 10

V.V. Kanaki, L.V. Isik The current state of investment activity in the Rostov region 14

Yu.Z. Nasirov, T.I. Shpak, P.V. Skripin Some issues of the assessment of food security state of Russia 18

ECONOMIC SECURITY

E.N. Belyaeva, I.V. Savon Foreign trade of the Southern Federal District in the context of economic security 21

L.V. Isik, V.V. Kanaki Problems of economic security of personality in modern realities 27

LOGISTICS

A.A. Kizim, S.Z. Bekirova, R.A. Chaplygin Marketing research of the application of marketing logistics tools for the B2B market 31

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

M.V. Kicha The crisis of Western liberalism 36

G.V. Mezhenskaya On the genesis of legal technique science 40

Yu.A. Chizhikova The formation of the United Cossacks-and-peasants government of the Don army 44

CONSTITUTIONAL LAW

A.A. Zhegalova The impact of the 2020 constitutional reform on municipalism and municipal-law culture in Russia 47

M.V. Markhgeym Citizenship of the Russian state: interpretative traditions and constitutional-law novelties 50

A.V. Poltavtseva Protection of human rights: form history to our time 53

P.S. Samygin, S.I. Samygin, A.M. Shevchenko The social State in Russia: goals and tasks during the Covid-19 pandemic 56

CIVIL LAW

L.Yu. Emchenko, V.N. Kolodkina Benefits to families with children as an instrument of social policy of the state 60

N.G. Shatveryan, E.A. Sbitneva Digitalization in labour law 63

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

O.V. Alimova, E.V. Slobozhansky Emotional damage in private international law 67

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

D.A. Berestovoy Criminal involvement in autoaggressive acts in places of isolation from society: criminological and criminal-law aspects 70

A.N. Karlash, A.L. Klochkova Special features of differentiation between abuse of powers and misuse of powers (Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) 74

A.I. Korolevsky, N.G. Osadchaya The specificity of law enforcement practice related to the institution of causing harm while detaining a person who has committed a crime 77

E.Yu. Korunenko, L.A. Kochergina Problems of implementation of some types of exemption from criminal punishment 82

G.Yu. Lesnikov, S.N. Bezugly, I.M. Tsurikov On liability of persons who have committed a crime in the state of intoxication 86

E.A. Sazanova, E.V. Sobakareva Involvement of a minor in the commission of a crime (Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic aspects of legislative design and practice of application 90

E.V. Seregina, S.I. Ulezko, E.A. Kochergina On the age of emergence and differentiation of criminal liability of the minors in foreign countries 94

S.K. Suleymanov Illegal influence on the results of an official sports competition: criminological aspects 100

S.I. Ulezko, A.S. Gordienko On differentiation of criminal liability for terrorist crimes 103

CRIMINAL PROCEDURE

I.I. Korolenko, L.P. Gorbatyuk Criminal procedural features of search and seizure 106

S.G. Matinov, A.V. Nikolaev, A.A. Arzumanyan Material evidence as an important element of evidence in criminal cases 110

R.G. Nepranov, S.A. Zotova Special characteristics of considering criminal cases of private prosecution by a magistrate 113

R.G. Napranov, I.A. Esmurziev On the procedure of questioning and its evidential significance 116

L.I. Poltavtseva, S.R. Saprunov Current problems of state protection of witnesses and victims in criminal proceedings in Russia 120

I.G. Rogava, A.O. Arevyan Procedural status of the court in criminal proceedings 124

V.N. Sevumyan, A.A. Arzumanyan Testimony of the suspect, the accused, the victim and the witness in the criminal process 129

JUDICIAL PRACTICE

A.P. Fokov The concept of e-justice development in the Russian Federation: present and future 132

N.G. Novikova, Yu.V. Fedorenko On prospects of updating the system of sources of arbitration procedural law 136

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNIQUES

A.M. Starostin Creating the effective system of higher education as a resource for fending off global pandemic threats (the example the South of Russia) 139

T.A. Mosienko Protection of children's rights during the postcovid period in Russia 144

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 338

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ПРОГРЕССИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2021 г. Н.С. Григорьева, Д.В. Черник

Южный университет (ИУБиП)
344068, Россия, г. Ростов-на-Дону,
Михаила Нагибина, 33а/47

Southern University (IMBL)
33a/47, Mikhaila Nagibina,
Rostov-on-Don, 344068

Сегодня новые цифровые технологии, инновационные бизнес-модели проникают во все сферы хозяйственной жизни общества, оказывая влияние на саму суть экономики, формируя в ней качественные структурные изменения. В результате формируется цифровая экономика как подсистема экономики традиционной, отличающаяся активным использованием цифровых технологий и оборотом специфических электронных товаров. Уровень развития цифровой экономики тесно коррелирует со страновой конкурентоспособностью, что требует особого внимания государства и бизнеса к ее развитию. В статье исследуются ключевые элементы и особенности цифровой экономики, основанной на развитии информационно-коммуникационных технологий и их влияние на развитие предприятий. Установлено, что на сегодняшний день цифровая экономика уже выходит за рамки сугубо хозяйственных процессов. Цифровизация внедряется в социальные процессы, от нее во все большей степени зависит успешная жизнедеятельность людей, кроме того, происходит широкомасштабное внедрение цифровых технологий в работу бизнес единиц.

Ключевые слова: *предприятие, цифровая экономика, цифровые технологии, цифровизация*

Today, new digital technologies, innovative business models penetrate all spheres of the economic life of the society, influencing the very essence of the economy, forming qualitative structural changes in it. As a result, the digital economy is being formed as a subsystem of the traditional economy, characterized by the active use of digital technologies and the circulation of special electronic goods. The level of development of the digital economy closely correlates with national competitiveness, which requires special attention of the state and business to its development. The article examines the key elements and features of the digital economy based on the development of information and communication technologies and their impact on the development of enterprises. It has been established that today the digital economy is already going beyond purely economic processes. Digitalization is being introduced into social processes, the successful life of people increasingly depends on it, in addition, there is a large-scale introduction of digital technologies into the work of business units.

Key words*: enterprise, digital economy, digital technologies, digitalization.*

Установленного определения термина «цифровая экономика» (от англ. digital economy) не существует, и различные ученые подходят к трактовке данного понятия с разных позиций [9]. В частности, авторы исследований определяют цифровую экономику как совокупность технологий, преобразующих систему социально-экономических отношений.

Внедрение и активная реализация программы «Цифровая экономика» в России способствует к прорыву во всех отраслях экономики. Цифровая трансформация промышленных производств приведет к повышению их эффективности и укреплению позиции среди конкурентов мирового рынка.

Например, по подсчетам РИА Рейтинг в 2017 году российское машиностроение увеличило выпуск продукции на 3,4%, но в 2016 году, по отношению к которому фиксировался этот рост, во многих секторах отрасли был зафиксирован многолетний минимум выпуска продукции [1]. Ряд экспертов полагает, что цифровой трансформации промышленных предприятий в России препятствуют слишком серьезные объективные трудности и ее исход крайне сомнителен. Яркий пример – перерабатывающая промышленность.

Пандемия COVID-19 затронула все компании. Ведущие мультинациональные предприятия в отраслях с интенсивной производственно-сбытовой цепочкой одними из первых пострадали от сбоев в цепочке поставок [2]. Ожидаемая трансформация международного производства также открывает некоторые возможности для развития: содействие инвестициям, направленным на обеспечение устойчивости; создание региональных производственно-сбытовых цепочек; выход на новые рынки с помощью цифровых платформ. Но использование этих возможностей потребует изменения стратегии развития, трансформации предприятий [3].

Цифровая трансформация предполагает переход организации в новое состояние постоянных изменений. Для проведения этих изменений в жизнь необходима подготовленная команда и цифровая культура.

Большинство компаний концентрируют огромную часть своих усилий по цифровой трансформации на своей основной деятельности. Если говорить о процентах компаний, которые планировали, тестировали, внедряли цифровую трансформацию в каждой сфере, то по отраслям можно привести следующие данные: 56 % – финансовый сектор, 40 % – промышленность, 37 % – торговля, 36 % – логистика, 32 % – здравоохранение. Многие опрошенные компании достигли бизнес-результатов благодаря своим инициативам по цифровой трансформации [4]. В процентном соотношении проекты цифровой трансформации, которые уже дали положительные результаты по отраслям, распределились следующим образом: 29 % – финансы, 28 % – торговля, 25 % – логистика, 21 % – промышленность, 14 % – здравоохранение [5].

Российские компании осознали важность и преимущества цифровой трансформации. В два раза больше компаний, чем в 2018 году, подходят к вопросу системно и осуществляют преобразования в рамках специальной стратегии [6]. Логичным следствием является рост цифровой зрелости компаний. В настоящий момент в среднем по всем отраслям и компаниям оцифровано около половины бизнес-процессов. Второе по значимости направление – работа с данными. В связи с этим наблюдается рост. Да и в целом работа с данными начинаются использовать для более сложных задач.

Использование цифровой экономики для развития предприятия очень выгодно, так как цифровая трансформация позволяет сокращать издержки на разработку и время выхода на новые рынки. Тем самым цифровая трансформация стимулирует разработку внутри компаний, что укрепляет значение этого направления для конкурентоспособности компаний. Мы наблюдаем рост R&D на 6% за два года. В свою очередь, копирование практик с рынка при создании «новых» решений снизилось на 15% [7].

Решающими факторами для развития предприятий в условиях цифровой экономки являются:

– сокращение издержек;
– повышение производительности;
– увеличение скорости адаптации к внешним изменениям.

Учитывая активную позицию государства в вопросах развития предприятий в условиях цифровой экономики, дополнительно популяризует ее среди всех игроков национальной экономики. В рамках нацпроекта до 2024 года, в частности, планируется: запустить электронный паспорт РФ, единую государственную облачную платформу и инфраструктуру «Цифровой профиль» для обмена информацией между государством, гражданами и организациями; подключить 97% домохозяйств к широкополосному доступу в Интернет, запустить сети связи 5G и на 85% перейти на отечественный софт в госорганизациях. Государство планирует увеличить затраты на развитие цифровой экономики в ВВП в 3 раза [8].

Развитие предприятие в условиях цифровой экономики распространяется по разным отраслям.

Диаграмма дает представление о статусе цифровой трансформации в России по разным отраслям и на основе усредненных данных. Сферы жилищно-коммунального обслуживания, государственного управления, нефтегаза и ритейла показали наибольшую динамику относительно показателей предыдущего исследования от 2019 года [9].

Российские предприятия развивают прежде всего цифровизацию бизнес-процессов и управление на основе данных, а также управление клиентским опытом. Эти направления являются базовыми для трансформации и напрямую влияют на основную операционную деятельность организации.

Недооцененными остаются направления, которые в долгосрочной перспективе вносят важный вклад в инновационный потенциал и конкурентоспособность компании – развитие человеческого капитала и компетенций (цифровая культура) и создание собственных новых продуктов [8].

Цифровизация экономики открывает перед предприятиями новые возможности и перспективы. Использование цифровых технологий позволяет субъектам малого и среднего бизнеса снизить издержки, повысить эффективность и конкурентоспособность предприятия, осуществлять выпуск новых видов продуктов, занимая определенные ниши на рынке цифровых товаров и услуг. Но, несмотря на это, в реализации стратегии цифровой трансформации ключевым сдерживающим фактором является нехватка компетенций у сотрудников предприятий, а также сопротивление изменениям. В половине компаний отсутствует единый орган управления трансформацией, и нет стратегии цифровой трансформации. Основными факторами успеха реализации цифровой трансформации компании считают развитие компетенций сотрудников предприятия и четкую систему управления и стратегии [10].

В настоящее время появляются технологии и решения, которые значительно сказываются на эффективности предприятий, приводят к росту продаж на десятки процентов, ведут к росту лояльности и прибыльности клиентов. Это достигается за счет повышения доступности товаров, оптимального их представления на полках, экономии на всех этапах выбора и получения заказов.

Таким образом, развитие предприятий в условиях цифровой экономики являются благоприятными для предприятий, даже несмотря на влияние такого дестабилизирующего фактора как COVID-19.

Литература

1. Дынник Д.И., Брюханова Н.В., Русакова Н.В. Оценка эффективности бюджетных расходов в программно-целевом управлении региональным развитием // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 29-35.
2. Григорьева Н.С., Дынник Д.И. Маркетинговое сопровождение в проектном управлении: применение в бизнесе и государственном секторе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 11-15.
3. Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Проблемы и перспективы развития сферы туризма в условиях цифровой экономики // В сборнике: Вопросы формирования и проблемы реализации национальной технологической инициативы в регионах. сборник докладов участников I международной научно-практической конференции. 2019. С. 276-279.
4. Dinnik D.I., Grigoryeva N.S., Galoyan Y.E. IMPROVING PROJECT MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION WITH THE USE OF SOFT COMPUTING // Advances in Intelligent Systems and Computing (см. в книгах). 2020. Т. 1095 AISC. С. 214-220.
5. Григорьева Н.С. Возможности и перспективы развития сельского туризма в Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 24-28.
6. Григорьева Н.С. Проблемы и перспективы развития туризма в Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 3 (106). С. 31-35.
7. Григорьева Н.С. Проблемы и перспективы развития сферы туризма в условиях цифровой экономики // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2019. Т. 5. № 2. С. 47-52.
8. Григорьева Н.С. Образовательные технологии в подготовке кадров для сферы туризма // Правовестник. 2019. № 3 (14). С. 75-78.
9. Grigoreva N.S. TAXATION AND EMPLOYMENT: CONSIDERING RELATIONSHIPS AND FACTORS OF EFFICIENCY // В сборнике: INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE ON EDUCATIONAL & SOCIAL INNOVATIONS AC-ESI-2018. conference proceedings . 2018. С. 318-322.
10. Grigoreva N.S., Kolycheva Zh.Ya., Ushakov D.S. // BUDGETARY ADMINISTRATION AND MACROECONOMIC SYSTEMS' SOCIAL EFFECTIVENESS // Advanced Science Letters. 2018. Т. 24. № 9. С. 6311-6313.

УДК 336.6 338

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. Ю.Ю. Дубина

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматривается действующая система финансового обеспечения сферы здравоохранения в Российской Федерации, проведен анализ моделей финансирования здравоохранения, раскрыты особенности функционирования фонда обязательного медицинского страхования. Статистической базой исследования выступают данные федеральной службы государственной статистики. В работе выделены основные пути реформирования системы обязательного медицинского страхования с целью совершенствования наиболее приоритетных направлений сферы здравоохранения.

Ключевые слова: *сфера здравоохранения, финансирование здравоохранения, фонд обязательного медицинского страхования, расходы бюджета на здравоохранение, государственный бюджет, медицинские услуги.*

The article discusses the current system of financial support for the healthcare sector in the Russian Federation, analyses the models of healthcare financing and reveals the features of mandatory health insurance fund functioning. The statistical base of the study is the data of the Federal State Statistics Service. The main ways of reforming the system of compulsory health insurance in order to improve the most priority areas of the health sector are highlighted in the article.

Keywords: *healthcare sector, health care financing, compulsory health insurance fund, budget expenditures on health care, state budget, medical service.*

Одним из приоритетных направлений социальной политики любого государства является развитие здравоохранения, поскольку достижение глобальных стратегических целей неразрывно связано с улучшением показателей здоровья нации, оказывающих влияние на эффективность трудовой деятельности, воспроизводство человеческого капитала, темпы социально-экономического развития страны в целом.

В 2020 году увеличились совокупные государственные расходы на медицину в связи с дополнительными затратами на предотвращение распространения коронавирусной инфекции с 3,5 до 4,1% ВВП.

В зависимости от источников средств обеспечения системы здравоохранения выделяют несколько моделей финансирования, которые являются преобладающими в той или иной стране.

В России финансирование здравоохранения осуществляется преимущественно на основе функционирования Федерального фонда обязательного медицинского страхования, хотя используются также бюджетные средства.

В 2020 году из бюджета Российской Федерации было выделено 841,9 млрд рублей, что составляет примерно 36% от общей суммы 2369 млрд рублей средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования [2].

Сочетание страховой и бюджетной моделей финансирования здравоохранения в Российской Федерации характеризуется тем, что обеспечение гарантированной медицинской помощи регулируется государством посредством нормативно-правовых актов, определяющих источники финансирования, объемы и порядок администрирования выделяемых средств, а также те услуги, которые будут «бесплатно» предоставляться населению.

Источником финансирования модели ОМС являются фиксированные взносы застрахованных граждан, которые регламентируются законом, бюджетной – формируемые за счет налоговых поступлений бюджетные отчисления.

Механизм доведения до медицинской организации консолидированных общественных средств осуществляется страховыми организациями (фондами) с учетом множества показателей, таких как число застрахованного населения, возраст, заболеваемость и т.д., а также федеральными и региональными органами управления здравоохранением при формировании бюджета [3].

Рисунок 1. Модели финансирования здравоохранения [1]

Такая система финансирования медицинских услуг является более сложной, так как включает в себя большее количество участников, в том числе частные страховые медицинские организации, которые непосредственно осуществляют проверку и оплату счетов, выставляемых учреждениями здравоохранения за оказание медицинской помощи, проводят мониторинг качества предоставляемых населению услуг, отвечают за выдачу страховых полисов.

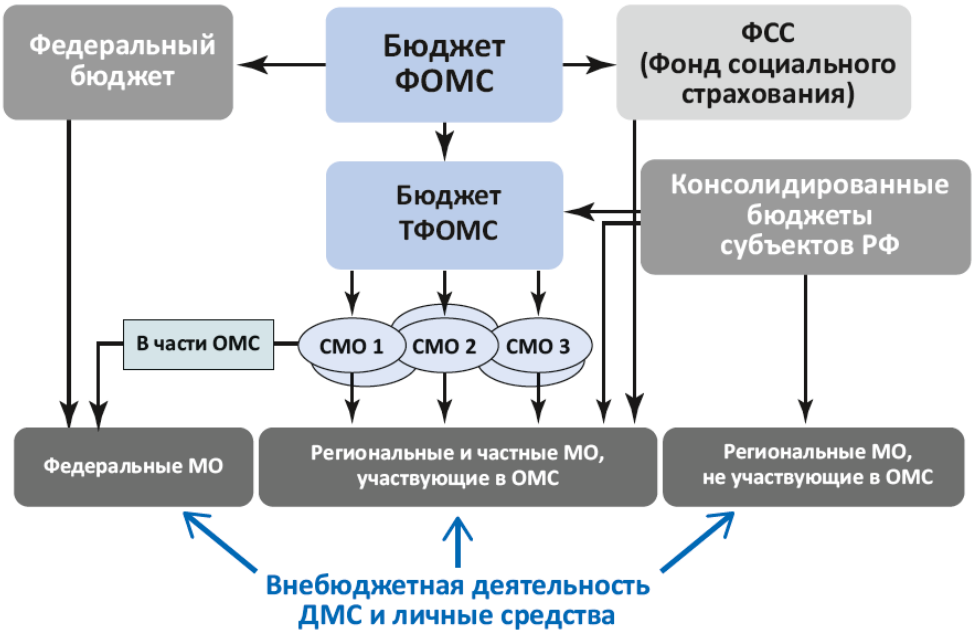

Рисунок 2. Система финансирования медицинских услуг в Российской Федерации

В рамках функционирования страховой системы здравоохранения, при которой основной объем расходов консолидируется в системе обязательного медицинского страхования, работает принцип, согласно которому деньги из ОМС следуют в лечебное учреждение «вслед за пациентом». Это означает, что относительно финансово обеспечены лишь больницы и поликлиники, расположенные в крупных населенных пунктах, с большим числом посетителей. Такая модель подходит для небольших стран с равномерной заселенностью и является заведомо неэффективной в российских условиях.

Таким образом, в полном объеме не обеспечивается право граждан на бесплатную медицинскую помощь в рамках Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [4].

Отсутствие баланса гарантий государства и их конкретизации, а также ненадлежащее качество бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных больницах приводит к возможности медицинским учреждениям взимать плату за оказание услуг. Тем не менее, большинству россиян платные медицинские услуги пока еще недоступны.

Эффективность системы здравоохранение оценивается на основе полученных результатов в процессе реализации государственных программ – улучшению здоровья населения, доступности медицинской помощи, учета удовлетворенностью пациентов.

Рассмотрим динамику заболеваемости населения по основным классам болезней в 2000 – 2019 годах.

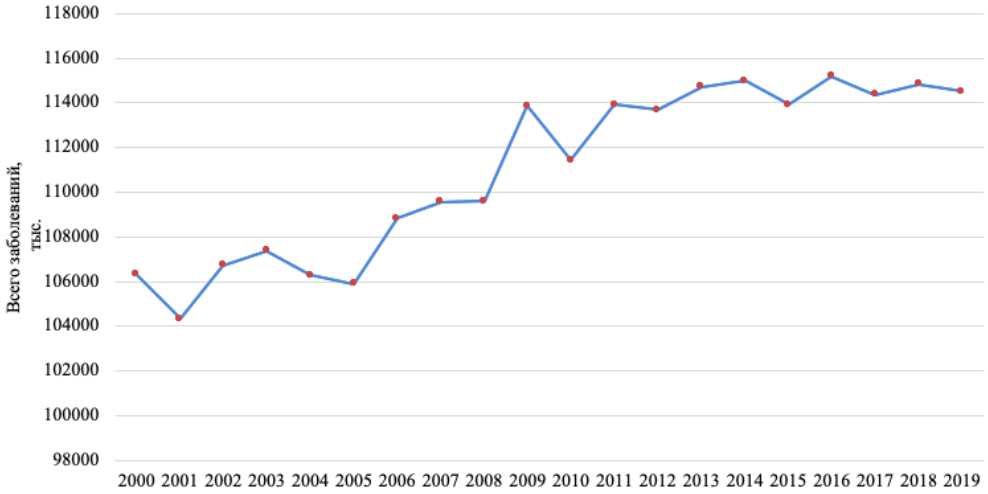

Рисунок 3. Заболеваемость населения по основным классам заболеваний в 2000 – 2019 гг. [5]

Рост заболеваемости населения в рамках основных классов заболеваний связан не только с введением системы обязательного медицинского страхования, но и с проведением реформы здравоохранения путем оптимизации расходов за счет закрытия ряда больниц и расширения использования высокотехнологичных медучреждений.

При расчетах пропускной способности системы здравоохранения не были учтены потребности населения в объемах медицинской помощи, фактическая транспортная доступность медицинских организаций, нормативы труда медицинских работников, уровень использования коечного фонда и другие критерии, влияющие на функционирования системы здравоохранения в целом как при страховой, так и бюджетной модели.

В период с 2000 по 2015 год количество больниц в России уменьшилось в два раза, а количество поликлиник за тот же период снизилось на 12,7%, причем, оставшиеся медучреждения недостаточно модернизированы и не соответствуют требованиям сегодняшнего дня по оказанию медицинских услуг [6].

При этом в 2012 году государственные медицинские организации получили право на законодательном уровне на оказание платных медицинских услуг населению, что способствовало созданию трехуровневой системы здравоохранения: государственная, муниципальная, частная, которые взаимно дополняют друг друга.

Государственные учреждения здравоохранения для большинства населения страны являются единственной возможностью получения бесплатной медицинской помощи. Изменения в сфере здравоохранения негативно воспринимаются со стороны населения страны, поскольку для большинства обратившихся за медицинской помощью в течение последних лет отсутствует возможность полностью или частично оплатить услуги коммерческих медучреждений или платных услуг, которые оказывают государственные поликлиники и больницы, и их качество также оставляет желать лучшего [7].

Необходимое финансирование здравоохранения является основной составляющей успешного развития всей системы, а следовательно, и сферы здравоохранения, но на сегодняшний день единая методология финансового планирования отсутствует, а именно этот показатель является основным элементом в управлении любой системой.

На данном этапе реформирования здравоохранения отсутствует соответствие потребностей населения в медицинской помощи и фактических показателей единиц медицинской помощи, не в полном объеме осуществляется экономически обоснованное распределение ресурсов в расчете на душу населения.

Несмотря на то, что система обязательного медицинского страхования является более затратной и сложной в администрировании по сравнению с бюджетной моделью, действующая система здравоохранения нуждается не в изменении модели финансирования, а в существенном увеличении объемов финансирования.

На сегодняшний день в качестве приоритетных направлений, которые особенно нуждаются в реформировании, можно выделить:

- методически обоснованное и справедливое распределение финансового обеспечения между регионами, способствующее устранению дифференциации в объемах предоставляемой гарантированной медицинской помощи;
- внедрение оплаты медицинских услуг таким образом, который будет мотивировать исполнителей к снижению непроизводительных издержек и улучшению качества оказываемой помощи;
- обновление материально-технической базы в учреждениях здравоохранения;
- повышение заработной платы работников сферы здравоохранения, а также контроль за соблюдением установленных норм и доведением до медицинского персонала дополнительно выделенных средств из бюджета.

В рамках совершенствования системы обязательного медицинского страхования для повышения эффективности необходимо:

1) сократить количество страховых представителей и перенаправить сэкономленные средства на оплату труда медицинских работников;

2) устранить норму выплаты той части средств, которая направляется страховым медицинским организациям по итогам контроля качества, соблюдения всех сроков и условий предоставления медицинской помощи;

3) внедрение поэтапного перехода на оплату деятельности медицинских организаций по методу бюджетирования на основе показателей объема и качества предоставляемой медицинской помощи.

Таким образом, для эффективного функционирования системы здравоохранения необходимо обеспечить максимально возможный уровень финансирования, в первую очередь не с учетом конкурентной рыночной среды, а на основе обоснованного государственного планирования и распределительного механизма. Данная сфера представляет собой не только стратегически важное направление политики любой страны, но и является достаточно восприимчивой к ограниченности располагаемыми ресурсами системой, что негативно сказывается на здоровье нации как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

Литература

1. Составлено автором на основе данных Кюрджиев С.П. Возможные варианты модернизации экономической модели здравоохранения в РФ / С.П. Кюрджиев, Ф.С. Бова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 9. С. 87-92.
2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов // Министерство финансов Российской Федерации. URL: http://www.komitet-bn.km.duma.gov.ru/upload/site7/ONBNiTTP(2).pdf (дата обращения: 29.01.2021).
3. Шишкин С.В., Шейман И.М., Потапчик Е.Г., Понкратова О.Ф. Анализ состояния страховой медицины в России и перспектив ее развития. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 94 с.
4. Постановление Правительства РФ от 28.12.2020 № 2299 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Справочно-правовая система «ГАРАНТ» // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400065890/
5. Официальные статистические показатели заболеваемости населения по основным классам заболеваний в 2000 – 2019 гг. // Единая межведомственная информационно-статистическая система // URL: https://www.fedstat.ru (дата обращения: 29.01.2021).
6. Оптимизация российской системы здравоохранения в действии / Центр экономических и политических реформ, 2017. С. 3.
7. Всероссийское социологическое исследование мнения населения о доступности и качестве медицинской помощи // URL: http://www.zdrav.ru/articles/practice/detail.php?ID=79106

УДК 331.5

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2021 г. В.В. Канаки, Л.В. Исик

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассмотрены роль и значение инвестиций в экономике страны и региона, раскрываются основные проблемы и мероприятия по привлечению инвестиций в регионы, в частности в Ростовскую область, анализируются результаты инвестиционной деятельности Ростовской области и рейтинговые значения региона по привлечению инвестиций, предпринята попытка сформулировать и обосновать резервы в осуществлении инвестиционной программы Ростовской области.

***Ключевые слова**: инвестиции, инвестиционная политика, инвестиционный потенциал, привлекательность региона, инвестиционные возможности, инвестиционный проект.*

The article examines the role and importance of investments in the economy of the country and the region, reveals the main problems and measures to attract investments to the regions, in particular to the Rostov region, analyzes the results of investment activities of the Rostov region and the rating values of the region to attract investments, an attempt is made to formulate and substantiate the reserves in the implementation of the investment program of the Rostov region.

***Keywords:** investments, investment policy, investment potential, attractiveness of the region, investment opportunities, investment project.*

Современные экономические условия таковы, что вопросам привлечения инвестиций требуется уделять особое внимание. Такая ситуация возникла из-за того, что инвестиции – это важнейший инструмент для развития территорий. Стоит отметить, что возможности инвестиционной федеральной помощи довольно ограничены. Поэтому как субъекты РФ, так и муниципальные формирования должны ориентироваться на то, чтобы сделать привлекательной для инвесторов свою территорию, а значит – увеличить инвестиционную активность.

Требуется начать очередной инвестиционный цикл, существенно увеличить вложения в формирование рабочих мест и их модернизацию, в инфраструктуру. Также необходимо развивать промышленную и сельскохозяйственную отрасли, сферу услуг. Необходимо, чтобы прирост инвестиций достигал 5% и более. Доля инвестиций в государственном ВВП должна вырасти с текущего значения в 21% до 25% к 2024 г. Мерами, обязательными для активизации инвестиций, можно считать быстрое утверждение пакета законопроектов, касающихся охраны денежных вложений, а также их поощрении.

Эффективность и скорость развития экономики в муниципальных формированиях зависят напрямую от размеров денежных вложений, направленных на увеличение имеющихся производственных мощностей, модернизацию их в соответствии с существующим научно-техническим уровнем. Также для этого требуется развивать социальную инфраструктуру.

Каждый год все более остро чувствуется конкуренция между муниципальными образованиями за привлечение в свой регион инвестиций. Это связано, прежде всего, с тем, что инвестиции позволяют развиваться региону и дают возможность оценить эффективность функционирования территориальных элит.

Современная система привлечения инвестиций в Российскую Федерацию сопряжена с рядом организационных проблем. Реализация данной политики во многом зависит от активности региональных команд. Эффективность муниципалитетов влияет на развитие социально-экономической ситуации. Контроль по осуществлению функциональных обязанностей возлагается на федеральный центр [4]. Особенно это касается межбюджетных отношений. Одной из ключевых обязанностей государства является увеличение количества привлеченных инвестиций до 24,9 % по отношению к валовому национальному продукту к 2024 году. На сегодняшний день данный показатель составляет 20,9 %. Денежные средства предназначены для модернизации материально-технического обеспечения и внедрения новых производственных решений. Инвестиционная привлекательность, которая образуется благодаря взаимодействию инвестиционных рисков и инвестиционных возможностей, – это важнейшая составляющая инвестиционного процесса. Вместе с этим привлекательность для инвесторов муниципального формирования – это комплекс объективных свойств, а также условий совершения вложений денежных средств в муниципальное формирование для любого отдельно взятого инвестора. Очень

важна роль муниципальных властей в сохранении, а также активизации инвестиционной деятельности в конкретном муниципальном формировании. Выполнение планов экономического и общественного развития муниципального формирования, определенных целевых проектов требует привлечения денежных средств. Под целевой программой регионального развития можно понимать правовые, организационные, экономические, финансовые, социальные и иные мероприятия, направленные на развитие инфраструктурного, социально-экономического, природно-ресурсного потенциалов региона России, обеспеченные финансовыми и прочими материальными средствами [3].

Администрация крайне заинтересована в том, чтобы привлекать на территорию собственного муниципального формирования деньги. Это связано с тем, что совместно с решением конкретных вопросов каждого из инвестиционных проектов инвестиции способствуют занятости граждан, наполнению доходной части бюджета муниципального формирования.

В финансовой стратегии инвестиционная политика занимает особенное место, поскольку связана с производственно-коммерческой, социальной и сбытовой стратегией. Другими словами, инвестиционная политика выступает как стабильная процедура ведения управленческой деятельностью по отношению к инвестициям, направленной не только на возможность выбора и использования самых качественных и эффективных категорий инвестиций, но и на возможность реального построения новых типов воспроизводственного процесса [1].

Действующее Правительство РФ делает ставку на использование эффективных инструментов для увеличения притока инвестиций. Особенно это касается утвержденной политики местных властей. В качестве примера можно привести административные субъекты, показавшие неплохой прирост в вопросе сбора налога на прибыль. Возврат обязательного платежа является эффективным инструментом стимулирования, который используется федеральными центрами. Механизм инвестиционной налоговой льготы максимально заработал в 2018 году. Предоставление экономических преференций свидетельствует о том, что государство беспокоится о материальной составляющей различных субъектов хозяйствования. Для инвесторов это является положительным сигналом для заключения дополнительного количества специальных контрактов (СПИК). Организация льготного порядка налогообложения позволяет максимизировать объем инвестиционных вложений. Данная информация особенно актуальна для субъектов, вложивших более 1 миллиарда рублей.

Интеграция в государственную систему специальных инвестиционных проектов является неизбежной ситуацией. Также это касается осуществления нового социально-экономического инструментария для развития перспективных проектов (ТОСЭР). Не менее актуальна активизация привлечения инвестиций в регионах.

Процесс унификации инструментов управления особенно характерен для регионов страны. Привлечение инвестиций направлено на осуществление перспективных проектов.

Эффективность инвестиционной политики оценивается при помощи различных рейтингов. В качестве примера можно привести списки, которые составляются Национальным агентством РФ, «Экспертом РА», Организацией стратегических инициатив, АСИ и пр. Эксперты сходятся во мнении, что функционирование данного рода субъектов позволяет объективно оценить сложившуюся ситуацию в регионах.

Тенденция последних десятилетий показывает, что уровень конкуренции на местах существенно возрастает. Для вхождения в топ рейтинга административных субъектов необходимо приложить большое количество усилий. По статистике, лидеры 2018 года уже сегодня не входят в двадцатку лучших регионов страны.

Весомым преимуществом для привлечения инвестиций является наличие в регионе квалифицированного персонала, состязание между управленческими структурами регионов положительно сказывается на рыночной конъюнктуре.

Реализация мер, направленных на рост привлекательности для инвесторов муниципальных формирований, создание оптимальных условий деятельности для инвесторов поможет увеличить благосостояние граждан. Также это поспособствует росту финансовой стабильности, быстрому развитию экономики в муниципальном формировании и во всем регионе.

Обычно максимальные размеры инвестиций приходятся на сельскохозяйственную сферу, транспорт, перевозки, а также аренду, оказание услуг, туризм.

В настоящее время можно точно сказать, что инвестиционные возможности Ростовской области таковы, что могут обеспечить стабильное поступательное развитие в кратковременной, а также долговременной перспективе до 2025 года.

На становление инвестиционного потенциала (в том числе на ближайшие 5 лет) напрямую повлияло несколько основных параметров. Среди которых:

- политическая стабильность, предопределенность утверждения решений;
- прогрессивное законодательство, результативность контроля;
- качество работы муниципальных, а также местных органов власти;

- степень соблюдения правопорядка, а также законности;
- состояние бюджета, а также платежного баланса;
- качество рабочей силы;
- степень развития экономики.

Комплекс факторов, как перечисленных, так и других, способствует росту привлекательности региона для инвесторов [5]. Также это напрямую влияет на результаты деятельности по привлечению денежных вложений в Ростовскую область, приведем некоторые из них по итогам 2019 года:

- размеры вложений в основной капитал достигли 283 млрд. руб.;
- индекс физического объема находится на уровне с общероссийским – 101,7 %;
- размеры частных инвестиций достигли 235 млрд. руб. Индекс – 104,2%.

Размеры финансовых вложений без ассигнований федерального бюджета, а также инфраструктурных монополий достигли 109,8%.

За последние пять лет в экономику Ростовской области удалось привлечь чуть меньше 1,5 трлн. рублей (это 1475,7 млрд. рублей.)

По результатам 1-го квартала 2020 г. отмечается позитивная динамика частных финансовых инвестиций (индекс физического объема составляет 152,3%). Целью является рост объемов частных вложений (без средств из бюджета) до значения в 277,3 млрд рублей, до 2024 г. – до 390,1 млрд. рублей, до 2030 г. – до 808,7 млрд. рублей.

Чтобы установленные цели были достигнуты, Правительство РФ утвердило определенные системные меры:

- Была утверждена «Стратегия - 2030». Цели ее соответствуют государственным региональным программам.

- В декабре 2019 г. утвержден Индивидуальный план регионального инвестиционного развития до 2024 г.

В Ростовской области создан инвестиционный портфель. В настоящее время это 597 программ с запланированным размером инвестиций более 590 млрд. руб. Из них 51 проект входит в «губернаторскую сотню» с общим размером инвестиций, достигающим 353,2 млрд. руб. [2].

Формированию положительного инвестиционного климата уделяется повышенное внимание.

В числе первых российских регионов в Ростовской области начал использоваться налоговый инвестиционный вычет.

Невзирая на значительное уменьшение налоговых поступлений в бюджет области, были приняты беспрецедентные меры помощи бизнесу. К ним можно отнести субсидии, налоговые льготы.

Общие объемы помощи бизнесу из собственных средств превысили 10 млрд. руб.

Были заключены 68 инвестиционных контрактов, налоговые льготы использовали 44 компании. Согласно предварительной оценке, общие размеры льгот достигли 1,5 млрд. руб. Те сферы экономики, которые пострадали более других, получили уменьшение ставок по особым режимам налогообложения. По «упрощенке» ставка снизилась до 1% (вместо 6%), если объект для обложения налогом – «доходы». Снизилась до 5 % (вместо 10%), если объект для обложения налогом – «доходы минус расходы». Снизилась ставка вдвое по патентам, а также «вмененке».

Отели, торговые центры, тепличные хозяйства получили уменьшенную в два раза ставку налога на имущество компаний.

Условия поступления инженерных субсидий также были пересмотрены и расширены.

Стороны национальной программы по производительности труда, а также инвесторы Территории опережающего социального и экономического развития вправе субсидировать 80% и менее расходов. Уменьшены параметры по размерам инвестиций для Территории опережающего социального и экономического развития – от 5 млн. руб., для участников национальной программы – от 50 млн. руб. (а не 100,0 млн. руб., как было ранее). Инженерными субсидиями вправе пользоваться инвесторы, которые выполняют программы в пределах договоров о ГЧП, о возведении спортивных объектов.

Крупным инновационным инвестиционным проектам теперь проще арендовать участки земли по льготным ставкам.

Ведется деятельность, направленная на создание оптимальной среды для предпринимателей.

Начало развиваться новое направление – ветроэнергетика. Выполняется восемь проектов. Их общая сумма превышает 60 млрд. рублей.

Сформирована крупная сеть инфраструктуры для предпринимателей – шесть центров под названием «Мой бизнес». Созданы шесть пространств для коллективной деятельности под названием «Точки кипения». Сформированная экосистема является очень востребованной в наше время. Она дает возможность дальнейшего продвижения в главнейших направлениях для данного региона.

Улучшена система по привлечению поступающих из федерального Фонда помощи инновациям грантов.

Данная сумма достигла 700 млн. руб. за указанное время. В течение двух последних лет были получены 421 млн. руб.

Сформирован Южный НОЦ, который соответствует мировому уровню.

Планируется формирование в пределах региона специальной экономической зоны.

Планы на последующие 5 лет (до 2025 года) следующие.

Сформировать IT, индустриальные, а также технопарки. Яркий пример быстро развивающегося предприятия в регионе – индустриальный Новочеркасский парк. Он является полностью частным проектом. Сформировано свыше пятисот рабочих мест. В наши дни в этом парке 15 производственных предприятий, а также 37 компаний, не занимающихся производством, но пользующихся складскими площадями и офисными помещениями. Главные резиденты – это ООО «Завод кузнечно-прессовых изделий», «БОНУМ» ООО, «Альгеба» ООО и ряд других.

Выполнение так называемых проектов-катализаторов, способных быть толчком для экономического развития региона. К ним можно отнести:

- Ростовскую агломерацию; объединение Ростова-на-Дону с городами-спутниками, формирование первого мегаполиса в южной части РФ;

- аэрополис вокруг Платова; образование большого логистического и транспортного узла, собравшего возле себя пять функциональных блоков. Речь идет о жилом, общественно-деловом, производственно-логистическом, многофункциональном, рекреационном;

- совершенствование левобережной зоны; создание многофункционального делового, а также спортивно-рекреационно центра;

- масштабная реновация кварталов старой застройки.

Площадки такого рода можно предложить главным опытным рыночным игрокам (комплексное инвестиционное предложение), застройка старого Аэропорта. Возведение жилого района в Ростове-на-Дону, с учетом существующих направлений создания оптимальной среды в городе;

- проект «Сухая река»; совершенствование территорий, которые прилегают к трассе М4 «Дон»;

- «зеленая энергетика»; выполняются восемь проектов, касающихся ветроэнергетики. Их общая сумма свыше 60 млрд. руб. («НоваВинд» АО, ООО «ВетроСтройДеталь», «Ветропарки ФРВ» ООО, а также ООО «Энел Рус Винд Азов»);

- усовершенствование портов. Выполнено повышение мощности таганрогского, а также азовского портов (создание «Азовского морского терминала», экспортных терминалов Агрохолдинг «Степь», «Морского зернового терминала»).

Невзирая на явные высокие результаты осуществления инвестиционной программы, Ростовская область имеет много резервов, которым нужно уделить особое внимание. Детально изучим некоторые из них:

- ГЧП (государственно-частное партнерство). Можно предположить, что оно станет востребованным в областях:

- строительства дорог;

- облагораживания общественного пространства;

- в транспортной сфере;

- платных, альтернативных дорожных переездов;

- при освоении береговых линий;

- возведения мостов;

- усовершенствования стоимости тарифов;

- рост производительности труда. [2]

При этом ведется деятельность в двух направлениях. Направление первое. Применение механизмов роста производительности труда в компаниях из реального сектора экономики. Сегодня его участники – 50 донских компаний.

Направление второе. Реализация правил бережливого производства в организациях управления (муниципального, а также государственного значения).

Совсем скоро запланирована реализация 73 программ в области охраны здоровья, образования, в транспортной и строительной сферах. Ряд программ касается усовершенствования административных процессов, а также и оказания услуг гражданам.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что любое городское и муниципальное формирование, даже успешное, не лишено «узких мест». Все это негативно отражается на прочих показателях.

Требуется ознакомиться с экономическими результатами 2020 года, поскольку все еще сохраняется ряд карантинных мер. Существующие ограничения негативно влияют на инвестиционный климат в стране, а значит потребуются дополнения к избранной стратегии привлечения денежных средств, а также экономического и общественного регионального развития.

Литература

1. Канаки В.В., Богатырева С.А., Анищенко О.С. Инвестиционная политика предприятия, как условие укрепления его экономической безопасности / Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект: материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 2019. С. 71-75.
2. Инвестиции // URL: https://www.donland.ru/activity/114/.
3. Канаки В.В., Костюченко П.А. Особенности оценки обеспечения экономической безопасности региона // Управление и экономическая безопасность: страна, регион, малый и средний бизнес (новые вызовы экономики и задачи по развитию МСП страны и региона). III Международная научно-практическая конференция. Ростов-на-Дону, 2020. С. 177-180.
4. Гончарова С.Н., Воронина А.В., Ельчанинова О.В. Субинституциональные предпосылки развития региона // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 6. С. 9-15.
5. Воронина А.В. Перспективы развития Южного Федерального округа в пространственно-временных координатах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4 (107). С. 33-35.

УДК 338.439.6

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

© 2021 г. Ю.З. Насиров, Т.И. Шпак, П.В. Скрипин

Донской государственный аграрный университет
346493, Ростовская область, п. Персиановский, ул. Мичурина, 13

Don State Agrarian University
13, Michurina str., p. Persianovsky, Rostov Region, 346493

В статье анализируется современное состояние рынка пищевой промышленности. Рассмотрены основные аспекты проблемы продовольственной безопасности России на современном этапе развития. Определены условия обеспечения уровня достаточности потребления продуктов питания. Проанализированы показатели оценки продовольственной безопасности государства. Рассмотрены факторы продовольственной безопасности страны Определены компоненты механизма обеспечения продовольственной безопасности. На основе анализа факторов, формирующих состояние продовольственной безопасности России, предложены пути улучшения ситуации.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, сельское хозяйство, индикаторы для оценки продовольственной безопасности, показатель достаточности потребления продуктов питания, рациональные нормы потребления, динамика производства.*

The article analyzes the current state of the food industry market. The main aspects of the problem of food security in Russia at the present stage of development are considered. The conditions for ensuring the level of sufficiency of food consumption are identified. The indicators of assessing the food security of the state are analyzed. The factors of the country's food security are considered. The article describes the state of food security. The components of the mechanism for ensuring food security are identified. Based on the analysis of the factors that shape the state of food security in Russia, the ways to improve the situation are proposed.

Key words: *food security, agriculture, indicators for assessing food security, the indicator of the sufficiency of food consumption, rational consumption standards, production dynamics.*

Введение. В современных условиях, когда продолжается структурная перестройка промышленного, агропромышленного и других производственных и непроизводственных комплексов, их ориентация на всестороннее и полное удовлетворение потребностей населения в потребительских товарах, прежде всего в недорогих качественных продуктах питания, становится приоритетной задачей развития и функционирования пищевой промышленности, ее отраслей, подотраслей и отраслей, эффективность деятельности которых во многом определяет эффективность функционирования всего народного хозяйства, а также формирует продовольственную безопасность государства. Решение проблем продовольственной безопасности невозможно без адекватной оценки ее состояния, поэтому оценка основных показателей продовольственной безопасности сегодня представляет значительный научный и практический интерес.

Основная часть. Продовольственная безопасность государства рассматривается как его способность гарантировать удовлетворение продовольственных потребностей на уровне, необходимом для нормального функционирования населения. Обеспечение продовольственной безопасности нации на современном этапе должно стать не только стратегической целью развития внутреннего продовольственного рынка, но и основой суверенитета, экономической безопасности, социальной стабильности государства, серьезным рычагом его независимости в международных отношениях и геополитической стратегии. [1; 2; 3, с. 13].

Надежность продовольственного обеспечения является определяющей предпосылкой не только эффективного социально-экономического развития государства, но и ее политической независимости, что побуждает ускоренное развитие сельского хозяйства в контексте экономической и политической точек зрения. Основой продовольственного рынка, который в целом формирует продовольственную безопасность государства, является производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания отечественными производителями [4, с. 19].

Стратегической целью обеспечения продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции.

Исходя из требований продовольственной независимости основными источниками пищевых продуктов являются продукция сельского, лесного, рыбного, охотничьего хозяйств, а также продукция пищевой промышленности. Определяющую роль в обеспечении продовольственной безопасности играют сельское и рыбное хозяйство и пищевая промышленность [5; 6, с. 47].

Продовольственная безопасность – это сложное многокритериальное понятие. Она имеет чрезвычайно важное социальное значение, особенно в странах с низким уровнем жизни. Важным показателем для характеристики состояния продовольственного обеспечения является соответствие фактического потребления пищевых продуктов научно обоснованным нормативам [7; 8].

В связи с этим ученые используют индикатор достаточности потребления (отношение фактического потребления на одного человека к рациональным нормам потребления).

Таблица 1. Расчет индикатора достаточности потребления продуктов питания (на одного человека в год), кг*

Показатель	Рациональная норма	2018 год	2019 год	2020 год	Индикатор достаточности потребления		
					2018 год	2019 год	2020 год
Мясо и мясопродукты	73	75	76	77	1,03	1,04	1,05
Молоко и молочные продукты	325	229	234	239	0,71	0,72	0,74
Яйца, шт.	260	280	285	290	1,08	1,09	1,12
Рыба и рыбопродукты	22	21,5	21,9	20,5	0,98	0,99	0,93
Сахар	8	39	39	39	4,88	4,88	4,88
Масло растительное	12	14	14	13	1,17	1,17	1,08
Картофель	90	89	89	86	0,99	0,99	0,95
Овощи и бахчевые	140	107	108	109	0,76	0,77	0,78
Фрукты и ягоды	100	61	62	64	0,61	0,62	0,64
Хлеб и хлебные продукты	96	116	116	120	1,21	1,21	1,25

*По данным Федеральной службы государственной статистики.

Результаты. Оценивая состояние продовольственной безопасности России за последние годы по критериям достаточного потребления, ее можно считать неудовлетворительной, а фактическое потребление – недостаточным. Удовлетворительным является потребление только таких групп, как мясо и мясопродукты, яйца, растительное масло, а также хлеб и хлебобулочные изделия.

Поэтому очевидно, что существует необходимость увеличения потребления продуктов питания, что может быть достигнуто, прежде всего, за счет повышения их доступности для рядовых граждан. Отдельных видов продукции Россия производит во много раз больше, чем потребляет, и это позволяет занимать лидирующие позиции по экспорту сельскохозяйственной продукции в мире без угрозы продовольственной безопасности [9,10].

Потребление мяса населением в 2020 году составляло около 77 кг/год (соответствует рекомендуемой норме), а структура потребления выглядела так: мясо птицы – 45,9%, свинина – 37,4%, говядина – 14,8%, другие виды мяса – 1,9%.

Потребление молока в России остается на относительно низком уровне. В 2020 году оно увеличилось по сравнению с 2019 годом с 234 до 239 литров на душу населения, но оно пока отстает от рекомендованной Минздравом нормы потребления (325 л) на 26,5%.

Примерно на том же уровне, что и в 2018-2019 годах, остается потребление мяса и мясопродуктов, сахара, масла растительного. Потребление сахара является избыточным, превышает рекомендованную рациональную норму в 4,88 раз. Увеличилось потребление яиц (на 19,3%), овощей и бахчевых (на 0,92%), фруктов и ягод (на 3,12%) и хлеба и хлебных продуктов (на 3,33%).

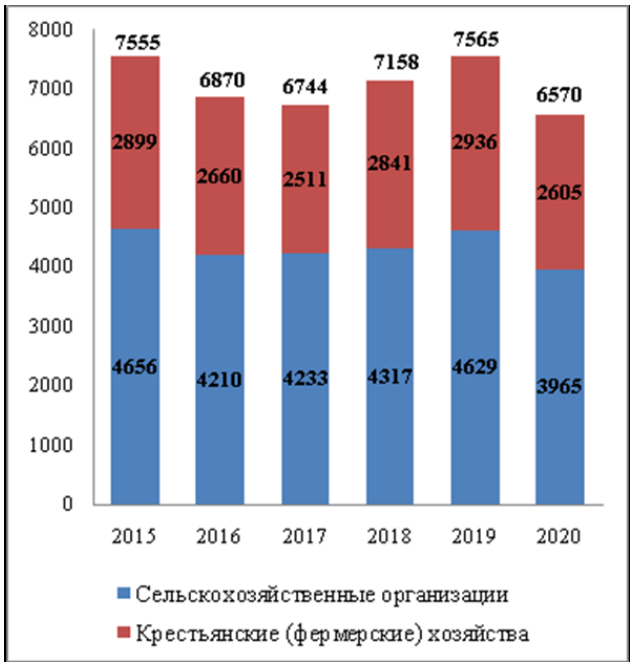

Рис. 1. Валовые сборы картофеля (тыс. тонн) промышленного выращивания в России в 2015-2020 годах.

Российский рынок картофеля характеризуется рекордно высокими объемами сборов картофеля в промышленном секторе в 2019 году – 7 564,9 тыс. тонн. В связи с некоторым сокращением размеров площадей промышленного выращивания картофеля и существенным падением объема сборов в 2020 году, его потребление по сравнению с 2019 годом снизилось до 86 кг на человека в год (на 3,37%), что отстает от рекомендованной рациональной нормы на 4,5%. Изменение валового сбора картофеля промышленного выращивания в России за период с 2015 по 2020 год представлено на рисунке (рис. 1).

В 2020 году в России произошел значительный рост цен на продукты питания. В годовом выражении в целом по стране цены на сахар возросли на 39,8%, крупы подорожали на 22%, овощи и фрукты – на 9%, макароны – на 9,3%, масло растительное – на 14,5%.

Среди наблюдаемых групп продуктов питания снижение цен было отмечено на фрукты – на 5,6% и овощи – на 5,5%. Сахар, джем, мед, шоколад и конфеты подорожали на 1,6%, масла и жиры – на 1%, рыбу и морепродукты – на 0,4%, молочные изделия, сыры и яйца – на 0,2%, хлебобулочные изделия и крупы – на 0,3%. Цены на мясо и мясопродукты в России в среднем не изменились.

Заключение. В течение 2018-2020 годов были достигнуты нормы рационального питания по группам продуктов питания мясо и мясопродукты, яйца, растительное масло, хлеб и хлебобулочные изделия. Значительно превышает рекомендуемое рациональное потребление сахара. Потребление молока и молочных продуктов, рыбы и рыбопродуктов, картофеля, овощей и бахчевых, фруктов и ягод отстает от рекомендуемой нормы.

По результатам исследования определены основные угрозы обеспечению продовольственной безопасности:

1) физическая недоступность из-за недостаточного производства продовольствия, недостаточного развития рыночной инфраструктуры;

2) низкий уровень качества и безопасности продовольствия;

3) недостаточное обеспечение продуктами животного и растительного происхождения рациональных норм питания.

В РФ стоит рассматривать два основных направления достижения продовольственной безопасности:

– необходимо поддерживать снабжение продовольствием в таких количествах, которые могли бы обеспечить здоровое и полноценное питание населения;

– ориентироваться на достижение самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией (в частности продукцией, которая производится в хозяйствах населения), а также на поддержку и защиту отечественных товаропроизводителей со стороны государства, которое автоматически регулирует импорт продукции.

Учитывая низкий уровень продовольственной безопасности населения России, необходимо разработать стратегический план мероприятий по решению этой проблемы.

Литература

1. Мысляева И. Н. Государственные и муниципальные финансы. М.: Инфра-М, 2019. 446 с.
2. Satcher D. Food safety: a growing global health problem. JAMA, 283 (2000), p. 1817
3. Mangal M. , Sangita B., Satish S.K , Ram G.K. Molecular detection of foodborne pathogens: a rapid and accurate answer to food safety // Crit Rev Food Sci Nutr, 56 (2016), pp. 1568-1584
4. Motarjemi Yasmine, Lelieveld Huub. Food safety management: a practical guide for the food industry. Amsterdam: Academic Press, 2014.
5. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Гарант.ру: информационно-правовой портал // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/ (дата обращения 26.03.2021).
6. Зельднер А. Государственное регулирование агропромышленного сектора экономики // Вопросы экономики. 2015. №6.
7. Основные тенденции развития и роль продовольственного сектора Ростовской области в обеспечении продовольственной безопасности / Бунчиков О.Н., Сафонова С.Г., Шейхова М.С., Насиров Ю.З.// Московский экономический журнал. 2018. №4. С51
8. Гордеев А. Экономические механизмы регулирования агропромышленного производства // Экономист. 2015. № 6.
9. Заздравных А.В., Казаков С.П., Коро Н.Р. Маркетинг-менеджмент. Учебник и практикум. М. 2018.
10. Приказ Минздрава России от 19.08.2016 N 614 (ред. от 01.12.2020) «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 339

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2021 г. Е.Н. Беляева[1], И.В. Савон[2]

[1]Ростовский филиал Российской таможенной академии 344000, г.Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of Russian Customs Academy 20 Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, 344000

[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics 69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье авторами структурно исследована динамика внешней торговли Южного федерального округа в разрезе экспортных и импортных товаров, стран-партнеров. Проведенный анализ импорта, экспорта товаров, изменения сальдо торгового баланса ЮФО за период 2019-2020 годы позволил авторам оценить внешнеэкономические ресурсы обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: *внешняя торговля, экспорт товаров, импорт продукции, внешнеторговый оборот, экономическая безопасность.*

In the article, the authors structurally study the dynamics of foreign trade in the Southern Federal District in the context of export and import goods, partner countries. The analysis of imports, exports of goods, changes in the trade balance of the Southern Federal District for the period 2019-2020 allows the authors to assess foreign economic resources of ensuring economic security.

Keywords: *foreign trade, export of goods, import of products, foreign trade turnover, economic security.*

2020 год характеризовался сложной геополитической обстановкой, турбулентностью экономики и рецессией в странах - торговых партнерах, обусловленных влиянием ограничительных мер в период пандемии, продолжившейся отрицательной динамикой курса рубля, тонкой настройкой инструментов системы государственного регулирования ВЭД в сложившейся ситуации, реализацией национального проекта «Международная кооперация и экспорт», системных мер развития экспорта, завершением реформы таможенных органов.

В этих условиях по итогам года Южный федеральный округ демонстрирует самый низкий среди федеральных округов, а также России в целом темп снижения стоимостных объемов, причем как в экспортной, так и импортной составляющих внешней торговли, в пределах 3-4 %% (рис. 1).

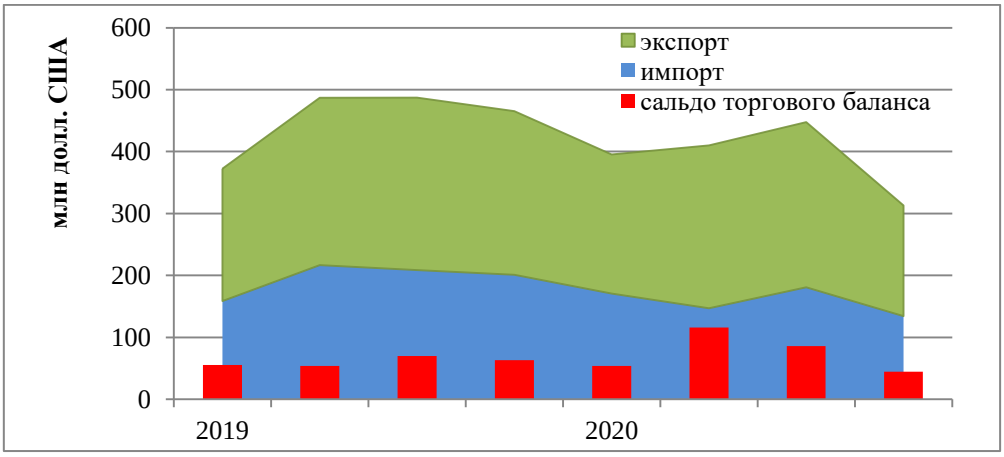

Рисунок 1. Динамика внешней торговли ЮФО в 2019-2020 гг.

По данным таможенной статистики внешнеторговый оборот ЮФО в 2020 году составил 25,1 млрд долл. США, или 96,5 % к уровню 2019 года. При этом Ростовская область сохранила основные показатели внешней торговли на уровне 2019 года, а сокращение объемов по Краснодарскому краю на 15 % (10 млрд долл. США, 2019 г. – 11,7 млрд долл. США) в значительной степени нивелировано расширением внешней торговли Волгоградской (на 8 % до 2,3 млрд долл. США) и Астраханской областями (в 1,5 раза – до 0,9 млрд долл. США).

Положительное сальдо торгового баланса в 2020 году оценивается 8,9 млрд долл. США (2019 г. – 9,6 млрд долл. США), причем пассивный торговый баланс отмечен в Республике Адыгея, Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

По отдельным статьям внешней торговли Российской Федерации позиции округа значительны. Так, Южный федеральный округ лидирует среди федеральных округов, обеспечивая 58 % российских объемов экспорта зерновых культур, почти половину овощей, треть жиров и масел. На долю округа пришлось 27 % стоимости экспорта России продуктов переработки овощей и фруктов, пятая часть – изделий из черных металлов, фруктов, трикотажных полотен, натурального меха, сахара и кондитерских изделий. В импортной составляющей треть российских стоимостных объемов пальмового масла, пятая часть – фруктов преимущественно цитрусовых, удобрений, шестая часть – овощей, кофе, масличных семян, десятая часть – черных металлов пришлась на ЮФО [1, с.283].

В 2020 году на страны дальнего зарубежья пришлось 80 % товарооборота ЮФО (2019 г. – 81,7 %). Ведущие торговые партнеры (в порядке убывания стоимости): Турция, Украина, Китай, Египет, Беларусь, ОАЭ, Италия, Казахстан, Индия, Швейцария.

Стоимостные объемы товаров, перемещенных в 2020 году участниками ВЭД ЮФО в рамках взаимной торговли с государствами-членами Евразийского экономического союза, составили около 1,7 млрд долл. США, или 6,8 % товарооборота округа. По сравнению с 2019 годом объемы взаимной торговли сократились на 6,1 % в основном за счет сокращения импортных поставок черных металлов.

Внешнеторговую деятельность в 2020 году осуществляли более 8560 участников ВЭД округа, в том числе 6786 юридических лиц.

В 2020 году экспортные поставки по весу увеличились на 3% и составили 54 млн т, стоимость, напротив, сократилась на 4,5 % – до 17 млрд долл. США, (17,8 млрд руб.). В страны дальнего зарубежья экспортировано товаров на 13,7 млрд долл. США (2019 г. – 14,9 млрд долл. США), в страны СНГ – на 3,3 млрд долл. США (2019 г. – 2,9 млрд долл. США).

Важно подчеркнуть, что достигнутые показатели сопровождались сокращением экспорта сырья и приростом объемов товаров с определенной степенью передела в классификации Российского экспортного центра.

Доминирующую роль в экспорте округа стабильно играют страны дальнего зарубежья – 80 % стоимости. Около 6 % экспорта, как и годом ранее, приходится на страны ЕАЭС.

Список торговых партнеров достаточно стабилен – более 160 стран-контрагентов. (2019 г. – 147). Крупнейшие торговые партнеры – Турция, Украина, Египет, Китай, ОАЭ, Швейцария, Индия, Казахстан, Саудовская Аравия, Италия, Иран, Узбекистан, Беларусь, Болгария, Бангладеш, Пакистан, Израиль.

Долевое участие субъектов Российской Федерации Южного федерального округа (далее – субъекты ЮФО) в экспорте изменилось, что обусловлено расширением объемов экспортных поставок Ростовской области в основном за счет продукции агропромышленного комплекса (далее – продукция АПК), Волгоградской области – минеральных продуктов и продукции АПК, Астраханской области на фоне сокращения объемов экспорта Краснодарского края в основном за счет энергоносителей, а также остальных субъектов округа. Основные объемы экспортных поставок обеспечили Ростовская область (51,5 % стоимости, 2019 г. – 46 %), Краснодарский край (33,2 %, 2019 г. – 41 %) и Волгоградская область (11 %, 2019 г. – 8,7 %).

Ранжированный по стоимости ряд товарной структуры экспорта сохранился с учетом смещения акцента в сторону продукции АПК, доля которой превысила 53 % (2019 г. – 42,3 %) и ослабления позиций минеральных продуктов – 20,5 % (2019 г. – 34,7 %). По остальным укрупненным товарным группам доля в экспорте изменилась незначительно. На металлы и изделиями из них пришлось 10,6 % (2019 г. – 9,8 %), химическую продукцию – 5,7 % (2019 г. – 5,4 %), машиностроительную продукцию – 4,8 % (2019 г. – 4,6 %).

В 2020 году вывезено 35 млн т продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (29,8 млн т) стоимостью 9,1 млрд долл. США, или 121 % к уровню 2019 года (7,5 млрд долл. США).

Ведущие экспортеры сельскохозяйственных товаров – участники ВЭД Ростовской области (64,2 % стоимости) и Краснодарского края (31 %).

Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Турция, Египет, Китай, Украина, Саудовская Аравия, Пакистан, Бангладеш, Иран, Индия, Судан, ОАЭ, Иордания, Казахстан, Израиль, Танзания, Вьетнам, Италия, Йемен, Узбекистан, Южная Африка.

Хороший урожай 2020 года, а также ожидания введения экспортной пошлины на пшеницу, кукурузу, ячмень с 15 февраля 2021 г. обусловили наращивание объемов экспорта зерновых и особенно к концу года. В 2020 году вывезено 28,1 млн т этих товаров стоимостью 5,9 млрд долл. США, что на 20 % (2019 г. - 23,5 млн т) по весу и на 25 % (2019 г. – 4,7 млрд долл. США) по стоимости выше уровня 2019 г. – рекордный уровень за последнее десятилетие. Следует отметить, что увеличение объемов вывоза в целом по округу обусловлено наращиванием экспортных поставок зерновых культур Ростовской областью (18,3 млн т, 2019 г. – 13,2 млн т).

Основными импортерами зерновых выступали: Турция – 6,6 млн т, 1,4 млрд долл. США (2019 г. – 5,6 млн т, рост на 18 %) и Египет – 5,8 млн т, 1,3 млрд долл. США (2019 г. – 4,4 млн т). Многократно возросли поставки в Пакистан (с 0,004 до 0,98 млн т), и в 2,7 раза – в Саудовскую Аравию (с 0,6 млн т до 1,8 млн т). Круг торговых партнеров включает около 100 стран-контрагентов. Новые торговые партнеры – Республика Корея, Кувейт, Алжир, Латвия, Намибия.

Из Ростовской области основные объемы экспортируются в Турцию, Египет, Саудовскую Аравию, Бангладеш, из Краснодарского края – в Египет, Турцию, Судан, Израиль.

В 2020 г. вывезено около 1,8 млн т жиров и масел, что практически соответствует уровню 2019 г., стоимостью 1,4 млрд долл. США, что на 16 % выше 2019 г. Следует отметить, что Ростовская область, являясь основным экспортером сократила поставки этих товаров за рубеж (1,2 млн т, 2019 г. - 1,4 млн т). При этом Краснодарский край, напротив увеличил экспорт в 1,5 раза (с 0,4 до 0,6 млн т). В числе крупных торговых партнеров не только Турция, Китай и Египет, но и Индия (0,4 млн т, 2019 г. – 0,25 млн т). Новые торговые партнеры – Кипр, Сингапур, Германия.

Кроме обозначенных профилирующих позиций, увеличились поставки семян подсолнечника в основном из Ростовской области преимущественно в Турцию и Болгарию, сахар из Краснодарского края в основном в страны СНГ, продукты переработки овощей и фруктов из Краснодарского края, Ростовской и Волгоградской областей преимущественно в страны СНГ.

Сокращение мирового спроса на нефть в условиях действия перманентных локдаунов в отдельных странах, сложного экономического фона в стране и мире, связанных, в том числе, с пандемией, обусловили сокращение весовых объемов экспорта минеральных продуктов ЮФО на 22 % – вывезено 13,6 млн т (2019 г. - 3,5 млрд долл. США, а негативный ценовой тренд мировых рынков энергоносителей обусловил более глубокое сокращение их стоимости – на 45 % (3,4 млрд долл. США, 2019 г. – 6,1 млрд долл. США. Номенклатура минеральных продуктов включает в основном минеральное топливо (3,46 млрд долл. США). Ведущие экспортеры минеральных продуктов – участники ВЭД Краснодарского края (46,9 % стоимости), Ростовской (36,3 %) и Волгоградской (16,6 %) областей.

Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): ОАЭ, Украина, Швейцария, Китай, Турция, Италия, Кипр, Республика Корея, Румыния, Мальта.

В 2020 году стоимостные объемы экспорта металлов и изделий из них составили 1 809 млн долл. США, или 104 % к объемам 2019 года. Структура экспорта металлов не изменилась. В основе экспорта этой категории товаров – черные металлы (969,1 млн долл. США), в основном представленные прокатом, прутками и ломом, изделия из черных металлов (680,7 млн долл. США) – тубы и трубки, алюминий и изделия из него (123,5 млн долл. США) – алюминий необработанный, плиты, листы и полосы.

Ведущие экспортеры этой категории товаров – участники ВЭД Волгоградской области (41,1 % стоимости), Краснодарского края (39,8 %) и Ростовской области (18,8 %).

Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Турция, Болгария, Узбекистан, Украина, Израиль, Румыния, Беларусь, Алжир, Казахстан, Египет.

В 2020 году стоимостные объемы экспорта химической продукции составили 1 млрд долл. США, что практически соответствует уровню 2019 г. Основные объемы поставок приходятся на Ростовскую (38,6 % стоимости) и Волгоградскую (35,9 %) области, а также Краснодарский край (24,1 %).

При этом географическая направленность товарных потоков в равной степени ориентирована на страны СНГ и дальнего зарубежья. Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Украина, Казахстан, Беларусь, Турция, Китай, Индия, Азербайджан, Германия, Польша, Египет, Сербия [2, с.47].

Экспорт ЮФО машиностроительной продукции практически соответствует уровню стоимости 2019 г. – 0,8 млрд долл. США. При этом более 60 % поставок приходится на страны СНГ. Экономическая специализация субъектов РФ определяет лидирующие позиции Ростовской области (77,5 % стоимости) и Краснодарского края (16,3 %). При этом только по Ростовской области и Республике Крым отмечен рост экспортных поставок, что позволило нивелировать сокращение объемов вывоза по другим субъектам Российской Федерации округа. Номенклатура обширна, но в основном представлена сельскохозяйственной техникой, котельным оборудованием, электрическими нагревателями и холодильниками, а также вычислительной техникой.

В основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Украина, Казахстан, Турция, Беларусь, Узбекистан, Германия, Греция, Абхазия, Гвинея.

Результаты анализа товарной структуры свидетельствуют о сокращении доли в экспорте сырьевых товаров, активизации деловой активности экспортеров к концу 2020 года (рис. 2).

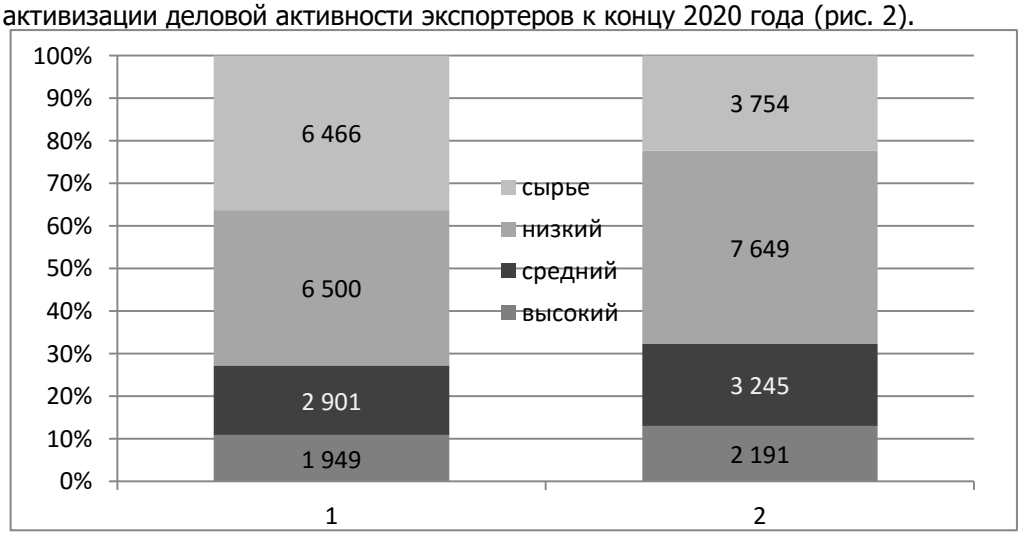

Рисунок 2. Динамика структуры экспорта в зависимости от степени передела товаров в классификации РЭЦ

В 2020 году стоимостные объемы импорта ЮФО составили более 8,12 млрд долл. США, что меньше 2019 года на 1 % за счет поставок из стран СНГ и это самый низкий показатель среди федеральных округов и России в целом (снижение импорта на 5,4 %). Традиционно 80 % стоимости импорта обеспечивают страны дальнего зарубежья. В 2020 г. из стран дальнего зарубежья ввезено, как и годом ранее, 4,3 млн т товаров стоимостью 6,4 млрд долл. США. Из стран СНГ - 4,9 млн т товаров стоимостью 1,6 млрд долл. США (2019 г. – 5,6 млн т, 1,8 млрд долл. США), что ниже уровня 2019 г. на 13 и 11 %% соответственно.

Географическая направленность товарных потоков в основном сохраняется. Крупнейшие торговые партнеры (по убыванию стоимости): Китай, Турция, Украина, Индонезия, Беларусь, Германия, Италия.

Основные стоимостные объемы импортных поставок в 2020 году обеспечили Краснодарский край (55,6 % стоимости), Ростовская (31,0 %) и Волгоградская (8,0 %) области (таблица 1).

Таблица 1. Товарная структура импорта ЮФО в 2020 гг.

Укрупненная группа товаров	Показатели	Краснодарский край	Ростовская область	Волгоградская обл.	Астраханская область	Адыгея	Республика Крым	Севастополь-город федерального значения	Калмыкия	**всего**
01-24 ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ СЫРЬЕ	Стоим млн $	2 507	325	40	34	8,09	14,70	1,06	0,01	**2 930**
	Доля	56,2%	13,0%	6,4%	11,1%	15,0%	37,1%	21,3%	2,4%	**36,6%**
84-90 МАШИНЫ, ОБОРУДОВАНИЕ И ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА	Стоим млн $	758	910	247	234	8,64	8,01	2,39	0,15	**2 168**
	Доля	17,0%	36,3%	38,8%	77,1%	16,0%	20,2%	48,2%	47,8%	**27,1%**
72-83 МЕТАЛЛЫ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ НИХ	Стоим млн $	372	340	74	16	22,34	7,39	0,27	0,05	**833**
	Доля	8,3%	13,6%	11,7%	5,2%	41,4%	18,7%	5,5%	17,6%	**10,4%**
28-40 ПРОДУКЦИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, КАУЧУК	Стоим млн $	333	327	189	5	6,18	2,29	0,23	0,01	**862**
	Доля	7,5%	13,1%	29,6%	1,5%	11,5%	5,8%	4,6%	4,4%	**10,8%**
50-67 ТЕКСТИЛЬ, ТЕКСТИЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ОБУВЬ	Стоим млн $	144	283	36	2	0,33	0,47	0,06	0,05	**466**
	Доля	3,2%	11,3%	5,7%	0,5%	0,6%	1,2%	1,3%	16,9%	**5,8%**
25-27 МИНЕРАЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ	Стоим млн $	64	174	9	4	0,44	3,86	0,08	0,01	**256**
	Доля	1,4%	7,0%	1,5%	1,4%	0,8%	9,8%	1,6%	4,7%	**3,2%**
68-71,91-97 ДРУГИЕ ТОВАРЫ	Стоим млн $	158	76	16	8	4,38	1,76	0,59		**265**
	Доля	3,5%	3,0%	2,5%	2,8%	8,1%	4,4%	12,0%	0,0%	**3,3%**
44-49 ДРЕВЕСИНА И ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНЫЕ ИЗДЕЛИЯ	Стоим млн $	109	61	24	1	3,59	1,13	0,27	0,02	**200**
	Доля	2,4%	2,4%	3,8%	0,3%	6,6%	2,9%	5,5%	6,2%	**2,5%**
41-43 КОЖЕВЕННОЕ СЫРЬЕ, ПУШНИНА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ НИХ	Стоим млн $	17	8	0	0	0,00	0,00			**25**
	Доля	0,4%	0,3%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	**0,3%**
Итог Стоим млн $		4 461	2 505	637	303	54	40	5	0	**8 006**
Итог Доля		100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	**100%**

Товарная структура практически не изменилась: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье для их производства занимают около 37 % стоимости (2019 г. – 33 %), машиностроительная продукция – 27 % (2019 г. – 25 %), химическая продукция – 11 % (2019 г. – 11 %), металлы и изделия из них – 10 % (2019 г. – 13 %) [3, С.140].

В 2020 году стоимостные объемы импорта продовольственных товаров и сельхозсырья для их производства составили 3,0 млрд долл. США, или 111 % к объемам 2019 года. Профилирующими позициями в этом сегменте импорта являются фрукты, пальмовое масло и овощи. При этом следует отметить, что фрукты в основном представлены цитрусовыми, на долю которых приходится около 36 % стоимости их импорта, бананы – 20 %, а также яблоки, груши, ввоз которых осуществляется с декабря по июнь. Значительный прирост импортных поставок (на 53 %) в 2020 г. абрикос, вишни и черешни (99 тыс. т, 2019 г. - 55 тыс. т) обусловлен неблагоприятными погодными условиями на юге России в период цветения этих культур, обусловивших неурожай. Основные объемы импорта овощей, представленных преимущественно томатами, перцем и др. видами овощей, приходятся на периоды зимний и весенний периоды вне сезона сбора отечественного урожая.

В 2020 году стоимостные объемы импорта продовольственных товаров и сельхозсырья для их производства составили 3,0 млрд долл. США, или 111 % к объемам 2019 года. Профилирующими позициями в этом сегменте импорта являются фрукты, пальмовое масло и овощи. При этом следует отметить, что фрукты в основном представлены цитрусовыми, на долю которых приходится около 36% стоимости их импорта, бананы – 20%, а также яблоки, груши, ввоз которых осуществляется с декабря по июнь. Значительный прирост импортных поставок (на 53%) в 2020 г. абрикос, вишни и черешни

(99 тыс. т, 2019 г. - 55 тыс. т) обусловлен неблагоприятными погодными условиями на юге России в период цветения этих культур, обусловивших неурожай. Основные объемы импорта овощей, представленных преимущественно томатами, перцем и др. видами овощей, приходятся на периоды зимний и весенний периоды вне сезона сбора отечественного урожая.

Ввоз продовольственных товаров и сельхозсырья в основном осуществляется из Турции, Индонезии, Эквадора, Египта, Беларуси, Франции, Израиля, США, Китая, Армении.

Ведущие импортеры продовольственных товаров – участники ВЭД Краснодарского края, на долю которых пришлось 84,6 % стоимости, а также Ростовской области – 11,1 %.

В 2020 году на 5 % увеличились стоимостные объемы импорта машиностроительной продукции и составили 2,2 млрд долл. США за счет расширения поставок по широкому спектру товаров. Несмотря на то, что ввоз в основном осуществляют Ростовская область (42 % стоимости), Краснодарский край (34,9 %), Волгоградская (11,6 %), прирост объемов импорта в этом сегменте импорта обеспечен Астраханской (10,7 %) и Волгоградской областями. Так, ввоз машиностроительной продукции в Астраханскую область увеличился в 3,6 раза с 0,06 до 0,2 млрд долл. США в основном за счет плавучих средств, сельскохозяйственной техники, двигателей, подъемников. Волгоградская область расширила поставки электродов, кондиционеров, металлургических станов, обусловившие увеличение объемов этого сегмента импорта на 8 % (0,23 млрд долл. США, 0,22 млрд долл. США).

Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Китай, Италия, Германия, Туркменистан, Украина, Беларусь, Турция, Франция, США. В 2020 году стоимостные объемы импорта металлов и изделий из них составили 843,4 млн долл. США или 76,2 % к объемам 2019 года в основном за счет поставок из стран СНГ, что обусловлено тенденцией перехода производителей на отечественное сырье и продукцию. Черные металлы в основном ввозятся в Краснодарский край (45,1 % стоимости), Ростовскую (40,3 %) и Волгоградскую (9,2 %) области. Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Украина, Китай, Казахстан, Беларусь, Италия, Германия, Турция, Словакия, Азербайджан.

В результате анализа следует отметить сохранение основных тенденций в динамике, постоянство ранжированного ряда товарной структуры экспорта и импорта Южного федерального округа [4, с.107; 5, с.136]. Преобладание в экспорте сырьевых товаров и товаров низкого передела, а также концентрация стоимости экспорта на узком перечне крупных участников ВЭД, значительное обновление круга экспортеров, в большинстве случаев обусловленное осуществлением ими единичных экспортных операций, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования принимаемых мер в целях наращивания экспортного потенциала Ростовской области, обеспечения устойчивого функционирования на внешних рынках экспортеров и особенно малого и среднего бизнеса в условиях реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт».

Литература

1. Савон И.В., Беляева Е.Н., Абазиева К.Г. Внешнеторговые процессы ЮФО- некоторые аспекты взаимодействия с государствами-членами ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. 2018. №1. С. 281-285

2. Савон И.В., Канаки В.В. Экономическая безопасность региона: внешнеторговый аспект // Сборник международной научно-практической конференции «Управление и экономическая безопасность: страна, регион, предприятие» (Ростов-на-Дону, 30 ноября - 1 декабря 2018г.). Ростов-на-Дону, 2019. С. 45-48.

3. Мамонтова Ю.П., Зубарев С.В., Кораблева Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности в контексте развития территории // Сборник II международной научно-практической конференции «Управление и экономическая безопасность: страна, регион, предприятие» (г.Ростов-на-Дону, 29-30 ноября 2019). Ростов-на-Дону, 2019. С. 138-143.

4. Савон И.В., Мамонтова Ю.П., Лепетикова И.Ю. Особенности политики обеспечения внешнеэкономической безопасности в современной России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5-4 (46). С. 105-109.

5. Савон И.В., Мамонтова Ю.П. Состояние внешнеэкономической безопасности России и направления ее обеспечения в современных условиях // Ростовский научный журнал. 2016. № 12. С. 130-145.

6. Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» // URL: http://government.ru/projects/selection/739/35564/ (дата обращения: 20.04.2021).

7. Беляева Е.Н. Анализ динамики экспортно-импортных операций, совершенных в регионе деятельности Южного таможенного управления, в условиях структурной трансформации таможенных органов в январе-августе 2019-2020 гг. // Академический вестник Ростовский филиал Российской таможенной академии. 2020.

УДК 331.5

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

© 2021 г. Л.В. Исик, В.В. Канаки

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Актуальность статьи обусловлена тем, что, несмотря на то, что преобразование российских реформ дает стимул для высокого роста экономической системы страны, но вместе с положительным эффектом демократических начинаний в Российской Федерации также наблюдается негативная динамика в экономической, социальной сфере, что выражается падением уровня жизни населения, ростом безработицы. В статье отмечено, что долгий экономический спад и отсутствие экономического роста повлекли за собой критическое состояние экономической безопасности страны и ее граждан.

Ключевые слова: *экономическая безопасность личности, ВВП, бедность, уровень жизни, индекс человеческого потенциала*

The relevance of the article is due to the fact that despite the fact that the transformation of Russian reforms provides an incentive for high growth of the country's economic system, but along with the positive effect of democratic initiatives in the Russian Federation, there is also negative dynamics in the economic and social sphere, which is expressed by a drop in the standard of living of the population, rising unemployment. The article notes that a long economic downturn and lack of economic growth led to a critical state of the economic security of the country and its citizens.

Key words: *economic security of an individual, GDP, poverty, standard of living, human potential index*

Понятие «экономическая безопасность» применяется как в общем к государству, обществу и личности, так и рассматривается индивидуально к каждому из них. Важно, что стабильное состояние всех субъектов в целом и формирует национальную безопасность. Особое значение придается именно личности, так как она оказывает непосредственное влияние на формирование экономической безопасности крупных субъектов: общества, корпораций и хозяйствующих субъектов, государства. Рассматривая личность как объект и субъект безопасности, можно с уверенностью сказать, что она играет базовую системообразующую роль. Человек оказывается в центре всех угроз, потому что от любого вида негативных воздействий, экологических, социально-политических и экономических событий, в первую очередь, страдает человек.

Из всех факторов, которые характеризуют личную экономическую безопасность, приоритетным является экономический фактор. Его ведущая роль заключается в том, что без достаточно развитого уровня экономики личность не сможет удовлетворить свои интересы, необходимые для нормального существования.

Опираясь на Стратегию экономической безопасности на период до 2030 года, можно констатировать, что основными показателями социально-экономической безопасности государства являются:

1. Валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения.
2. Продолжительность жизни населения.
3. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума.
4. Коэффициент Джини.
5. Индекс инфляции.
6. Индекс промышленного производства (ИПП) и индекс промышленного производства в сфере добычи полезных ископаемых.
7. Индекс физического объема импорта.
8. Доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров [1].

В ходе исследования необходимо рассмотреть изменения указанных показателей.

На рисунке 1 представлен график изменения ВВП за исследуемый период.

Рисунок 1. ВВП на душу населения, $

Исходя из этого графика, падение ВВП в России в 2014-2015 годах можно объяснить ухудшением социально-экономической ситуации, которое связано с несколькими факторами:

1. В связи с ухудшением внешнеполитической ситуации с европейскими странами и США, введением по отношению к России санкций и введением Россией ответных экономических мер, товарооборот Российской Федерации с другими странами снизился.

2. Падение мировых цен на нефть, в основном из-за незаконной торговли нефтью и незаконными вооруженными формированиями на Ближнем Востоке.

В связи с ростом цен на нефть в 2016 году, а также небольшой переориентацией российского рынка на внутреннее потребление и развитием внешней торговли со странами ЕАЭС произошел рост ВВП на душу населения.

В продолжение исследования перейдем к показателям, которые характеризуют бедность и социальное неравенство в России. Росстат России публикует следующие данные, представленные в таблице 1 [2].

Таблица 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации

Показатель	Численность, млн человек	В % от общей численности населения
I квартал 2019 г	20,9	14,3
II квартал 2019 г	18,6	12,7
III квартал 2019 г	17,6	12,0
IV квартал 2019 г	13,5	9,2
2019 год	18,1	12,3
I квартал 2020 г	18,6	12,6
II квартал 2020 г	19,9	13,5
III квартал 2020 г	18,8	12,8
IV квартал 2020 г	13,5	9,2
2020 год	17,8	12,1

Если рассматривать численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации в динамике за последние 5 лет, то вырисовывается следующая картина (рисунок 2).

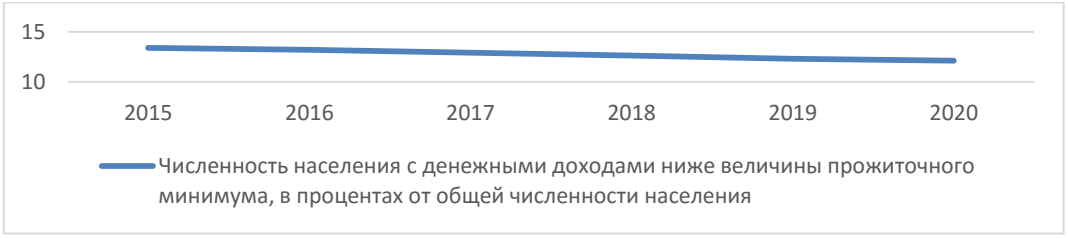

Рисунок 2. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения, %

На основании этих показателей можно сделать вывод, что в 2020 г, в связи с развитием экономики, рост числа граждан с доходами ниже прожиточного минимума немного замедлился. Однако все равно можно констатировать тот факт, что каждый седьмой россиянин находится за чертой бедности.

Далее изучим изменения коэффициента Джини в РФ. Индекс Джини измеряет степень, насколько распределение доходов или расходов на потребление среди домохозяйств в экономике отличается от абсолютного равенства в распределении. Кривая Лоренца показывает кумулятивный процент общего дохода, полученного по сравнению с общим числом получателей, начиная с беднейших индивидов или домохозяйств. Индекс Джини измеряет площадь между Кривой Лоренца и гипотетической линией абсолютного равенства, Индекс Джини измеряется как процент от максимальной площади под кривой. Таким образом, если индекс Джини равняется 0, это означает полное равенство, в то время как показатель 100 означает абсолютное неравенство.

По данным Мирового атласа данных, публикуемого на платформе Knoema, в 2018 году индекс Джини был равен 43,9. Этот индикатор говорит о том, что острая проблема социального неравенства в Российской Федерации до сих пор не решена. По мнению экспертов, эта проблема связана с разницей в доходах, которые получают регионы РФ. Например, в субъектах-донорах РФ граждане получают гораздо более высокий доход, чем в среднем по стране.

Чтобы продолжить исследование социально-экономической ситуации в России, необходимо также рассмотреть другие экономические показатели.

Так, инфляция в 2020 году стала максимальной с 2016 года (когда она равнялась 5,4%), в 2017 году рост цен составил минимальные за всю историю 2,5%, в 2018 году - 4,3%, в 2019 году - 3%. В 2015 году инфляция составляла 12,9%, в 2014 году - 11,4%, в 2013 году - 6,5%, в 2012 году - 6,6%, в 2011 году - 6,1%. Тем не менее, инфляция 2020 года стала четвертой за новую историю с точки зрения минимального роста цен [3].

Необходимо отметить, что для социально-экономической безопасности РФ тенденция увеличения инфляции, снижение уровня ВВП на душу населения, бесспорно, показывает острую проблему для будущего развития страны, а именно зависимость РФ от мировых экономических факторов:

1) мировые кризисы;

2) мировые изменения цен на нефть.

Для продолжения исследования необходимо изучить, в каком состоянии находится промышленный комплекс Российской Федерации [6].

По данным Росстата, Российская промышленность по итогам пандемийного 2020 года сократилась почти на 3%. Спад зафиксирован впервые с 2009 года. В лидерах снижения нефтедобыча, сократившаяся на фоне действия соглашения ОПЕК+ [2].

Представленные изменения индексов промышленного комплекса показывают привязанность экономики РФ от мировых экономических процессов.

Для продолжения анализа всех факторов рассмотрим изменения импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами. Соответствующий график изображен на рисунке 3.

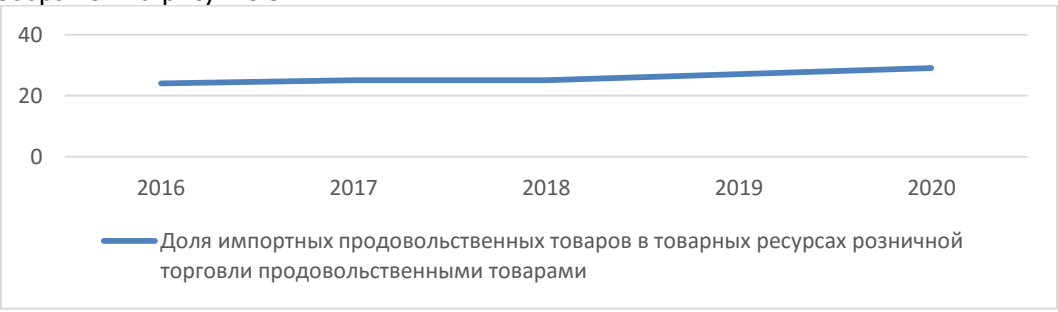

Рисунок 3. Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами, %

Приведенный график доказывает, что, несмотря на новую программу импортозамещения в Российской Федерации, начиная с 2016 года увеличивается доля импорта в объеме продовольственных товаров.

В настоящее время главными импортерами РФ выступают совсем не страны Европы и США, а Китай и страны, входящие в Евразийский экономический союз. Такие изменения как раз таки и связаны с тем, что российское производство продовольственных товаров очень мало развито и большая часть товаров продолжают ввозиться в РФ.

Анализ показывает, что для полного обеспечения финансовой безопасности личности государство должно реализовывать комплекс мер: политические, экономические, социальные, правовые, специальные меры и пропагандистские меры, которые будут объединены в программу, имеющую общие цели и задачи. Такая программа определит роль различных государственных и негосударственных органов и организаций в ее реализации. И самое главное, это степень ответственности каждого участвующего в ней субъекта.

Тем самым:

- исполнительная власть готовит и реализует программу внедрения;
- законодатель утверждает государственную программу и контролирует ее выполнение;
- общество через свои общественные и политические организации предоставляет общественную экспертизу предлагаемой программы, поддерживает ее реализацию и осуществляет общественный контроль над ее реализацией для различных социальных групп и слоев.

Только когда силы законодательной и исполнительной ветвей власти объединятся, сделав членов общества реальными участниками процесса осуществления программы, можно будет эффективно и в достаточно короткое время создать основу обеспечения экономической безопасности личности, общества и государства. Когда человек, гражданин РФ, в этом вопросе найдет свой непосредственный интерес, то в реализации программы можно будет успешно разрешать основные противоречия в этой области и избежать многих острых форм принуждения.

Не оспорим тот факт, что комплексный индекс развития человеческого потенциала состоит из трех индексов: долголетия, образованности и дохода. Для того чтобы эти индексы имели высокое значение, государству необходимо:

- для поддержания высоких показателей долголетия населения повысить уровень медицинского обслуживания, на государственном уровне регулировать цены на лекарства, в поликлиниках установить новое, эффективное медицинское оборудование, развивать социальную программу «Земский доктор» для привлечения кадров в сельские местности;
- для поддержания высокого показателя образованности создать необходимую платформу для поступления выпускников школ в ВУЗы, увеличить бюджетные места и разработать систему поощрения за отличную учебу студентов, обучающихся на контрактной основе. Возможно, доработать систему распределения выпускников ВУЗов по местам их практики с последующим трудоустройством. Это приводит к двухстороннему сотрудничеству (работодатель - студент), где работодатель получает сотрудника, готового работать за небольшую заработную плату с целью получения ценного опыта, а студент получает возможность трудоустройства сразу после окончания университета. Также для повышения показателя образованности следует развивать такую программу как «Тотальный диктант», которая повышает грамотность всего взрослого населения страны.
- для поддержания высокого показателя дохода повышать показатель ВВП на душу населения, бороться с безработицей, снизить до минимального уровня разницу между богатым и бедным населением [3].

Экономическая безопасность личности напрямую зависима от государственной социально-экономической политики и подразумевает достижение уровня дохода, достаточного для удовлетворения всех потребностей.

Социальная безопасность личности означает достижение такого уровня развития экономики страны, в том числе в областях здравоохранения, образования, культуры и других отраслей социальной сферы, который бы удовлетворял потребности индивида во благах и услугах необходимого объема и качества.

Для того чтобы понять и разобраться в проблемах развития обеспечения экономической безопасности личности, нужно проанализировать интересы личности с учетом национальных особенностей, уделить внимание современной ситуации в Российской Федерации. Только после комплексного рассмотрения проблем можно осуществить защиту национальных интересов, гармоничность, социальную направленность развития страны [7].

Задача всех законодательных органов – создавать все законы и подзаконные акты, регулирующие человеческие отношения и, тем самым, отношения «личность-государство», которые не будут противоречить основам правового государства.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: https://fedstat.ru/indicator/37164
3. Исик Л.В, Исик А.М., Внутренние и внешние угрозы национальной экономической безопасности в современных реалиях / Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Механизм эко-

номического обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы», Краснодарский университет МВД России. 2016

4. Канаки В.В., Исик Л.В., Обеспечение социально-экономической безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2019, №9. С. 12-15

5. Малашко В. Социальный дискомфорт – опасный симптом // Человек и труд. 2018. №3. С.35 – 36.

6. Воронина А.В., Гончарова С.Н. Барьеры развития и устойчивости малого бизнеса как элемента экономической безопасности государства / Комплексная безопасность государства и общества: материалы международной научно-практической конференции. Филиал ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону. 2017. С. 34-42.

7. Абазиева К.Г., Воронина А.В. Образование трудовых ресурсов как показатель национальной безопасности / Комплексная безопасность государства и общества: Материалы международной научно-практической конференции. Филиал ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону. 2017. С. 6-13.

ЛОГИСТИКА

УДК 338

МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ МАРКЕТИНГОВОЙ ЛОГИСТИКИ ДЛЯ B2B РЫНКА

© 2021 г. А.А. Кизим, С.З. Бекирова, Р.А. Чаплыгин

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149

Kuban State University
149, Stavropolskaya st.,
Krasnodar, 350040

В статье отражено понимание маркетинговой логистики, выделены основные элементы ее системы. Исследованы аспекты и проблемы маркетинговой логистики предприятия хлебобулочной отрасли: клиентские предпочтения и удовлетворенность сервис-маркетингом, ценой и качеством продукции, инструментами маркетинговой логистики, что позволяет выявить проблемы, сформировать основные направления развития, удержать постоянных и привлечь новых клиентов.

***Ключевые слова**: маркетинговая логистика, инструменты маркетинга, сервис-маркетинг, клиент, агент, цена, качество продукции.*

The article reflects the understanding of marketing logistics, highlights the main elements of its system. Aspects and problems of marketing logistics of a bakery enterprise are investigated: customer preferences and satisfaction with service marketing, price and quality of products, marketing logistics tools, which makes it possible to identify problems, form the main directions of development, retain loyal and attract new customers.

***Keywords**: marketing logistics, marketing tools, service marketing, client, agent, price, product quality.*

Инструменты маркетинговой логистики – неотъемлемая часть развития практически любого современного бизнеса, направленного на поиск путей повышения конкурентоспособности посредством оптимизации функционирования всех элементов комплекса маркетинга и логистики.

Маркетинговые и логистические комплексы включают в себя следующие элементы: продукт, цена, размещение и продвижение в маркетинговой структуре, где необходимый продукт, качество, количество, время, место и стоимость формируют логистический комплекс. Если мы объединим эти элементы и добавим маркетинговую клиентоориентированность и, как следствие, персонализируем логистические услуги, мы получим комплекс маркетинговой логистики (рис. 1).

Для исследования инструментов маркетинговой логистики нами использованы такие методы прикладного исследования как интервью и анкетный опрос. Цель исследования – совершенствование маркетинговых и логистических усилий, направленных на улучшение сервис-маркетинга и логистики на основе выявление клиентских предпочтений. В выборке задействованы предприниматели и работники магазинов, контрагенты и партнеры ООО ТД «Каравай Кубани», являющиеся представителями, бизнес-партнерами компании. Интервью и анкетирование было проведено с 73 представителями различных компаний и организаций.

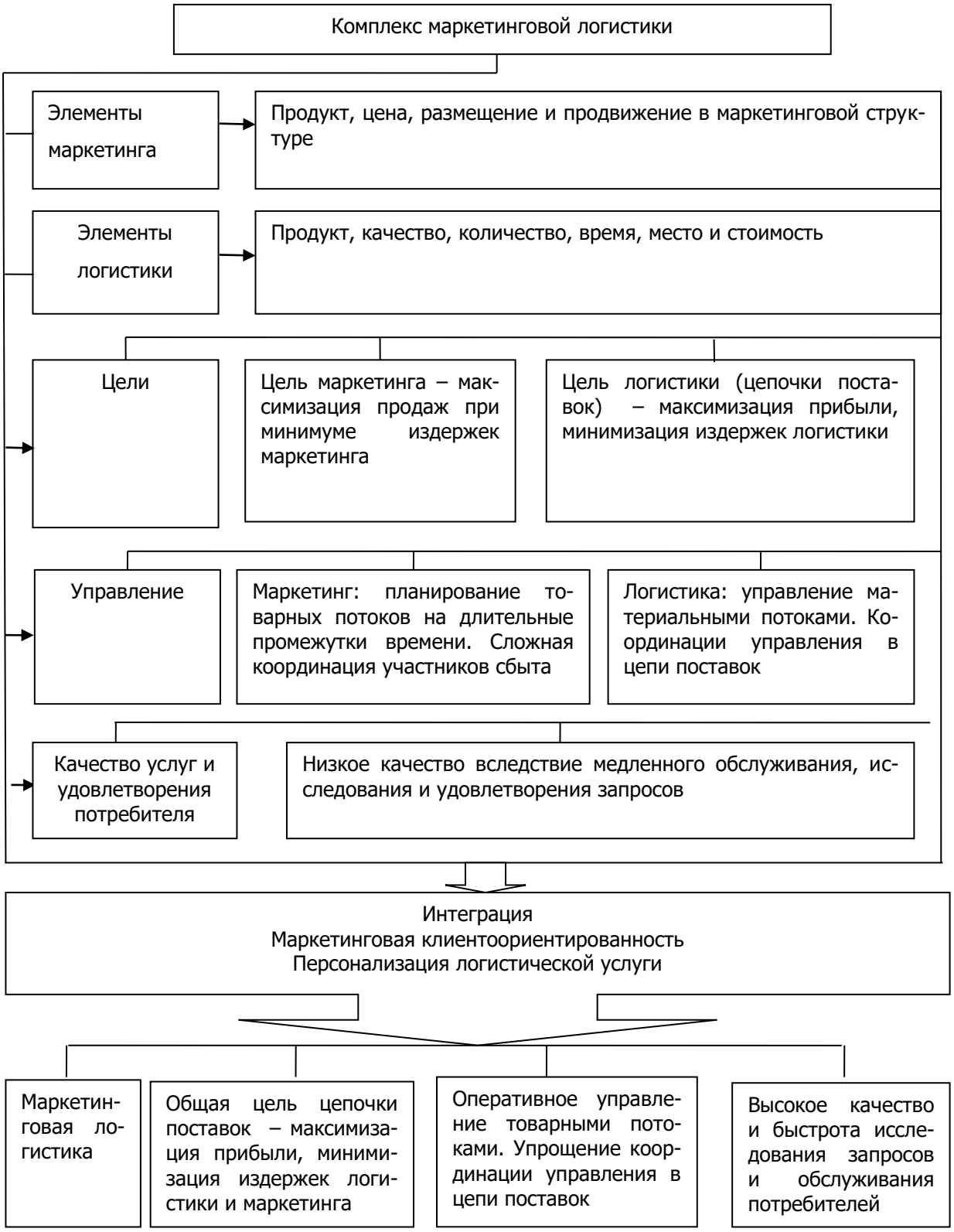

Рисунок 1. Система маркетинговой логистики
(разработано авторами на основе [1])

Анализ предпочтений клиентов и сторонних организаций и их оценка позволяют выявить направления совершенствования маркетинговой логистики не только для отдельного предприятия, но и для хлебобулочной отрасти в целом. В первую очередь нами исследовано, является ли респондент клиентом компании или прекратил сотрудничество, что важно для поиска проблем в области маркетинговой логистики предприятия (рис. 2).

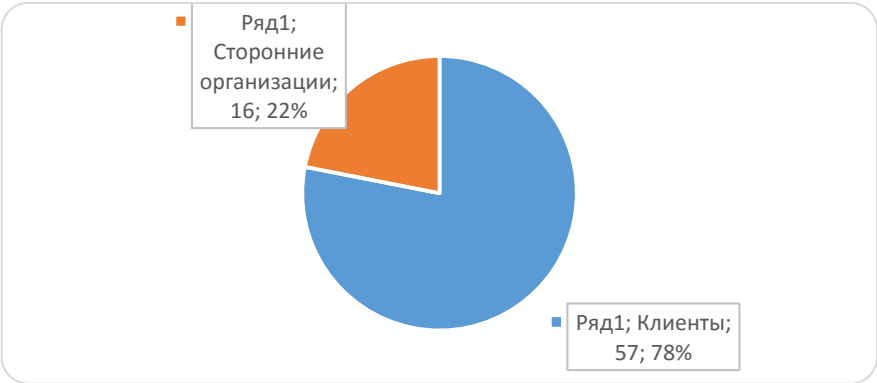

Рисунок 2. Структура опрашиваемых организаций

Большинство опрошенных, в частности 78% респондентов, являются клиентами ООО ТД «Каравай Кубани», а 22% прекратили сотрудничество, что может помочь выявить узкие места, приведшие к прекращению сотрудничества.

Особенностью продукции хлебобулочной отрасли является маленький срок хранения, что не позволяет делать запасы, поэтому важно оценить частоту поставок продукции предприятия (рис. 3).

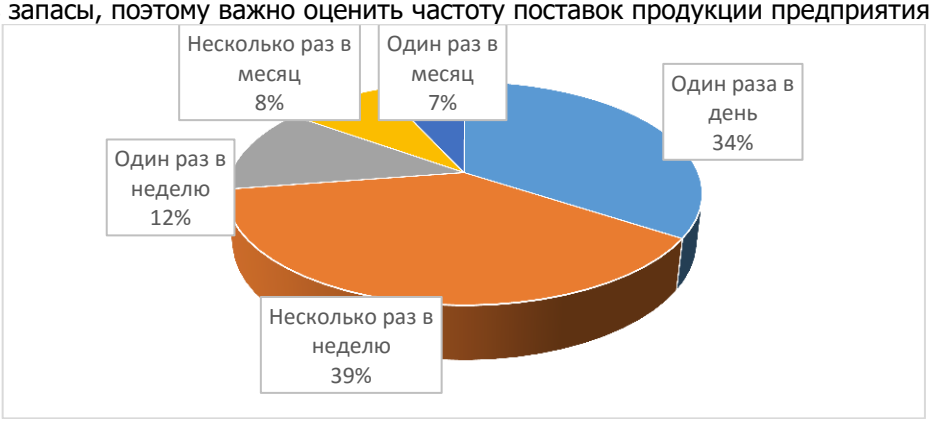

Рисунок 3. Частота поставок хлебобулочных изделий предприятия

Рассмотрим частоту поставки продукции у бывших и сегодняшних клиентов организации (рис. 4).

На рисунке 4 видно, что при тенденции к прекращению сотрудничества с предприятием наблюдается снижение частоты заказов и поставок, что является индикатором, позволяющим увидеть намерение клиента сменить поставщика – 31% клиентов перед прекращением работы снизили поставки до 1 раза в месяц, а 38% – до нескольких раз в месяц, что может послужить сигналом для принятия мер по удержанию клиентов.

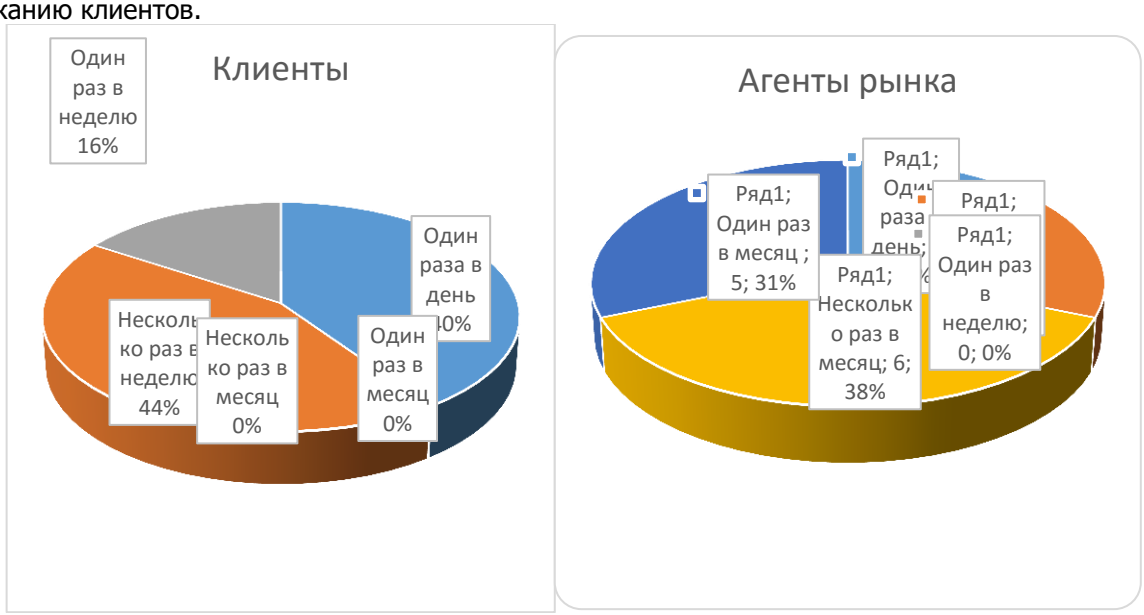

Рисунок 4. Различия в выборе частоты поставок

Компания предоставляет альтернативу при выборе способа подачи заявки на поставку, при форс-мажорных обстоятельствах может принимать заказ из любого канала информации (рис. 5).

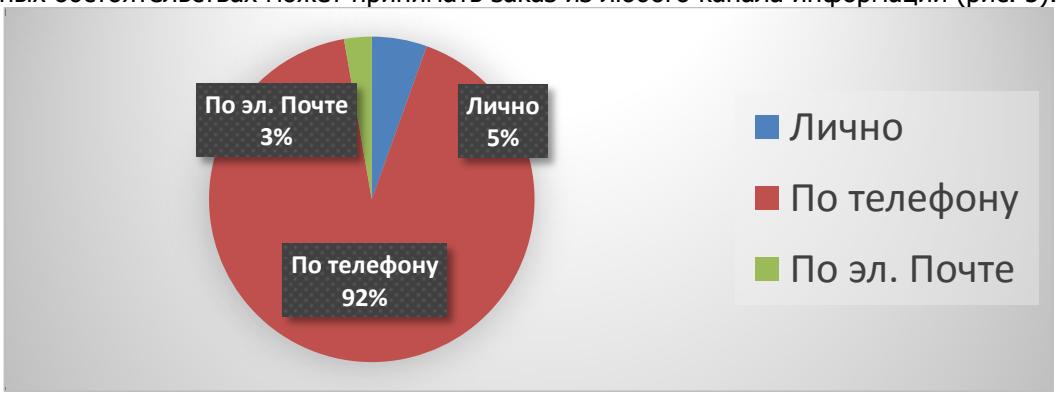

Рисунок 5. Каналы коммуникации между агентами

Самым популярным способом размещения заказа является связь по телефону с диспетчером. Однако не все клиенты проинформированы об альтернативных способах заказа по электронной почте, что указывает на недостатки работы торговых представителей. Также размещение заказа через электронную почту способствует большей ответственности между партнерами.

Ответы корреспондентов разделились на две группы. Для 52% опрошенных ценовая политика предприятия оценена как хорошая, 32% оценили цену как нормальную, оставшиеся 16% разделены в ответах между «плохо» и «скорее плохо». Наивысшую оценку цены никто не поставил. Анализ ответов по группам позволил выявить, что для большинства клиентов цены оказались справедливыми. Тем не менее, более явные отличия в вопросах цен прослеживались среди бывших и нынешних клиентов. Рассматривая отношение к ценам бывших клиентов, можно прийти к выводу, что цена послужила одним из главных факторов, повлиявшим на разрыв сотрудничества.

Далее нами оценено мнение агентов о качестве и ассортименте продукции предприятия: 56% респондентов оценили качество продукции как очень хорошее, 27% – как скорее хорошее и только 10 % респондентов поставили низкие оценки качеству продукции. То есть, качество продукции является одним из конкурентных преимуществ организации.

Рынок влияет и на ассортимент продукции под влиянием потребительских предпочтений, и важно оценить, как клиенты и агенты рынка оценивают ассортимент продукции компании. В настоящее время компания предоставляет более 100 наименований продукции, поэтому, на наш взгляд, недовольство потенциальных клиентов может быть вызвано в первую очередь недостатками работы торговых представителей, нежели отделом маркетинга, формирующим ассортимент по запросам покупателей. Но разрыв функции продвижения на B2B и B2C становится очевиден.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что недостаток маркетинговых усилий по продвижению продукции может серьезно повлиять на решение клиентов покупать продукцию. Среди клиентов высокие оценки поставили 60% опрошенных, самую низкую оценку не поставил никто, также 37% респондентов отметили разнообразие ассортимента как нормальное. Среди агентов рынка 50% оценили ассортимент как «нормально», а низкие оценки поставили 44% агентов, что еще раз подтверждает проблему низкой эффективности маркетинга по отношению к работе с агентами рынка.

Проанализируем вопросы, касающиеся упаковки продукции. Большинство респондентов – 60% поставили высокую оценку упаковке (высшую оценку – 5% опрошенных). Однако упакованная продукция стоит дороже, но даже респонденты, являющиеся клиентами компании и недовольные ценой, поставили упаковке высокую оценку, из чего можно сделать вывод, что повышение цены, связанное с обязательной упаковкой, не отразилось на оценке упаковке как инструмента маркетинга и логистики.

Далее нами для улучшения маркетингового инструментария предприятия исследованы предпочтения и удовлетворение потребителей по отношению к предоставляемым маркетинговым и логистическим услугам и сервисам предприятия. Тенденции развития хлебобулочной отрасли в настоящее время выражаются в том, что затраты на маркетинговую и логистическую деятельность в среднем достигают 30-40% себестоимости. В связи с этим, мы исследовали готовность предоставить и получить различные маркетинговые и логистические услуги в необходимом количестве, высокого качества и в срок, что на сегодняшний день является основной проблемой в аспекте интеграции маркетинга и логистики.

Результаты исследования качества и удовлетворения потребителей предоставляемыми услугами представлено в виде нескольких направлений. Как направление – это оценка отношения и удовлетворенности агентов системой заказов предприятия.

В отношении работы фронт-менеджеров у покупателей и агентов сложилось более высокое мнение и различия по группам партнеров ярко выражены. Высоко оценили работу фронт-менеджеров

48% респондентов, на нормальном уровне – 41%, и низкими оценками охарактеризовали 11% респондентов.

Получено увеличение положительных оценок со стороны партнеров, негативные оценки отсутствуют, среднюю оценку поставили 46% опрошенных, а высокую – 54%. С компаниями, прекратившими обслуживание, ситуация кардинально иная. Количество высоких оценок снизилось до 25%, а низко оценили работу диспетчеров 50% опрошенных.

Что касается маркетинг-логистического сервиса, подлежащим оценке, является система отслеживания заказа. Все партнеры, прекратившие сотрудничество, не пользовались данной услугой, поэтому рассматривается выборка из 57 организаций. Достаточное количество негативных отзывов (25%) вызвано недоработанностью данной системы, но 33% пользователей высоко оценили сервис, видя его будущую полезность. 42 % респондентов достаточно нейтрально отнеслись к услуге, что говорит о том, что для превращения в конкурентное преимущество услуга недостаточно проработана и отделу маркетинга необходимо ее развивать, а логистика должна повысить эффективность самой системы.

Стандартное отклонение мнений респондентов маленькое, что говорит о том, что оценки достаточно однородны, что свидетельствует об эффективной работе логистики на предприятии.

Следующие вопросы касаются рекламаций на маркетинг-сервис. Из исследований авторов следует, что 47% респондентов обращались с жалобами. Из 47% жалоб – 59% опрошенных были довольны процедурой оформления рекламации, а 41% сообщили о неправильности проведённой процедуры. Также 69% бывших контрагентов размещали свои жалобы или замечания, но компания не отреагировала или отреагировала недостаточно эффективно, что говорит о неэффективности информационных связей и маркетинга организации, так как 69% из опрошенных бывших клиентов, на наш взгляд, были готовы к дальнейшему сотрудничеству при изменении отдельных аспектов.

Таким образом, согласно исследованию, факторы, которые оказали наиболее сильное влияние на маркетинговую логистику партнерских отношений, следующие:

1. Эффективным индикатором скорого прекращения партнерских отношений служит снижение частоты поставок скоропортящегося продукта – 69% клиентов перед прекращением работы снизили поставки до 1 или нескольких раз в месяц.

2. Имея широкий ассортимент, высокое качество продукции и приемлемые цены, но не прикладывая достаточных маркетинговых усилий по работе над стимулированием сбыта, компания будет терять партнеров.

3. В условиях форс-мажорных обстоятельств пандемии компании-клиенты готовы закупать и продавать продукцию по увеличенным из-за обязательной упаковки ценам, но этот фактор имеет ограниченное влияние, так как 81% бывших партнеров прекратили сотрудничество из-за ценовой политики компании.

4. Системой заказов полностью довольны лишь 33% партнеров. Более половины респондентов оценивают систему заказов как «нормально», что является сигналом слабой удовлетворённости клиентов и показывает, что партнеры работают с предприятием, пока сильны конкурентные преимущества.

5. У компании отлично работает «техническая сторона» сервиса заказов по документообороту, но необходимо улучшить работу фронт-менеджмента.

6. Несмотря на хорошую работу по доставке продукции партнерам, сервис по отслеживанию товаров нуждается в совместной доработке со стороны как отдела маркетинга, так и отдела логистики.

7. Анализируя работу компании с рекламациями, выявлено нарушение коммуникаций, что препятствует отделу маркетинга и логистики сконцентрировать внимание на проблемных участках.

Для решения проблем в компании необходимо ввести координационный механизм (отдел, отдельных координаторов) с постоянно действующей системой информирования, согласования и координации с использованием системы внутрикорпоративного обмена информацией по следующим направлениям:

- координация по вопросам сервиса отслеживания товаров;
- налаживание координации по вопросам рекламаций;
- повышение эффективности координации системы заказов, работы диспетчеров и фронт-менеджеров со службами маркетинга и логистики;
- введение регламентов согласования по всему комплексу маркетинга, производства и логистики.

Для эффективного взаимодействия маркетинга и логистики необходимо провести собрание служб, на котором обсудить процессы маркетинга, получить от службы логистики ключевые точки согласований на каждый из процессов, логисты должны проанализировать свои процессы, чтобы маркетологи сообщили контрольные точки согласований – места закупки сырья, компании-поставщики,

условия поставки продукции потребителям, сеть распределения, изменения упаковки. Все перечисленное позволит эффективно интегрировать маркетинг и логистику.

Литература

1. Бекирова С.З., Зелюкина О.В. Развитие маркетинговых логистических систем РФ в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-3(75). С. 368-373.
2. Кизим А.А., Кайфеджан Д.П.. Ибрагимова Д.Р. Маркетинг и логистика как инструменты развития социально-ориентированного бизнеса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. №7(110). С. 20-26.
3. Пронина Т.С.. Кизим А.А. Маркетинг и логистика в управлении экономическими процессами. В сборнике: Проектный и инвестиционный менеджмент в условиях цифровой экономики. Материалы национальной научно-практической конференции. 2020. С.40-47.
4. Лубочнов В. Маркетинговая логистика // Риск. 2009. № 4-5. С. 50-55.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

КРИЗИС ЗАПАДНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

© 2021 г. М.В. Кича

Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66

Rostov Branch of
Russian State
University of Justice,
66, Lenina St.,
Rostov-on-Don, 344038

Западный либерализм удовлетворял политико-правовые запросы человечества в течение нескольких веков, однако затем он породил ряд противоречий, что сказалось на внутренней и международной политике ряда государств. Указанные противоречия выявлены и проанализированы в настоящей статье.

***Ключевые слова**: политико-правовая доктрина, либерализм, консерватизм, политика, юриспруденция, право, гегемония, интеллектуальное господство.*

Western liberalism satisfied political and legal needs of mankind for several centuries, but then it gave rise to a number of contradictions, which affected domestic and international politics of a number of states. Russian conservatism is viewed as a political and legal doctrine that can compete with Western liberalism and resolve the contradictions caused by it. These contradictions are identified and analyzed in this article.

***Key words**: political and legal doctrine, liberalism, conservatism, politics, jurisprudence, law, hegemony, intellectual domination.*

Немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель утверждал, что Абсолют (вечный дух) возвышает некоторые государства до положения «всемирно-исторического героя», дарит им момент геополитической славы, а затем заставляет их исчезнуть с исторической сцены [1, с. 227]. Многие европейские страны пережили периоды геополитической славы, построив гигантские империи, в рамках которых они управляли миллионами людей и обширными территориями. Однако все империи утратили свои позиции и развалились, уступив место новым претендентам.

Какие факторы были решающими в подъеме и падении этих держав? С рациональной точки зрения можно утверждать, что экономические и военные факторы играют важную роль в построении мировых гегемоний, но политико-правовой компонент также оказывает на них значительное (если не решающее) влияние. В большинстве случаев бывшие мировые лидеры имели экономические и военные ресурсы для сохранения своего могущества, но лишились его по ряду причин. К этим причинам относятся духовные противоречия в обществе, разногласия по поводу базовых ценностей, коррупция, борьба внутри правящей элиты, а также политико-правовые изменения глобального масштаба.

Внимательное изучение военных и экономических факторов указывает на их зависимость от идеологических и юридических аспектов. Например, война считается обоснованной, если ее необходимость можно объяснить рационально. Такое политическое положение дел требует от элиты идеологической приверженности своим экспансивным планам, а от граждан – готовности умереть во имя

государственных интересов. Также социум должен доверять руководству государства настолько, чтобы его члены добровольно пожертвовали собой ради всеобщего блага.

В то же время беспрепятственное стремление к экономическим свободам создает мир простых развлечений, иллюзорный комфорт и гедонизм; обесценивает смысл жизни человека и угрожает низвести человечество до гоббсовского «идеала цивилизации», в котором человечество становится единым в «производстве и потреблении» [2, с. 34].

В итоге концепция личных прав и свобод мутирует в некую аморфную и эгоистичную доктрину, отрицающую обязательства. Это, в свою очередь, означает постепенный упадок господствующей политико-правовой идеологии, ибо нивелирование ценностей уничтожает всю концепцию империализма. Общество становится легковерным и восприимчивым к манипуляциям. Оно больше не может ни противостоять внешней и внутренней тирании, ни утверждать мировую гегемонию.

По Фихте, гегемония достигается за счет способности цивилизации вызывать положительный отклик на свои фундаментальные ценности в остальном мире, чтобы стать метафизическим вдохновением, примером для подражания и соперником, которому можно завидовать. Иными словами, гегемония – это способность производить и продвигать определенную культуру, которая устанавливает особый «режим истины» и продуцирует конкретные знания, удовлетворяющие любопытство и нивелирующие невежество [3, с. 32-33].

Опора на идеологические факторы представляет, по Леви-Строссу, универсальное состояние человечества, которое поддерживает все общества – будь то на Западе или за его пределами. Претензии по авторство гегемонистских идей дает странам, цивилизациям и культурам возможность удерживать интеллектуальное, культурное и экономическое лидерство [45-46].

Политико-правовые идеи были неотъемлемыми спутниками взлета и падения цивилизационной гегемонии задолго до цифровой эпохи. Христианство, например, выросло из маленькой секты до господствующей в мире этической системы и определило ход развития западной цивилизации. Ислам захватил большую часть Ближнего Востока. Вследствие политико-правовой и экономической консолидации Азии конфуцианство распространилось из Китая в Японию, Корею и Вьетнам, оказав влияние на политическое устройство этих стран. Крестовые походы в Иерусалим и на другие земли Восточной Римской империи привели к переоценке социально-политической обстановки в Европе и обусловили возникновение томизма и схоластики, а также рецепцию Кодекса Юстиниана, что, в конечном итоге, послужило толчком к началу эпохи Возрождения, Реформации, промышленной революции и научно-техническому прогрессу.

Западная Европа стала укреплять свою цивилизационную гегемонию с XV в., сменив Византию, а также ближневосточные державы (Персидскую империю, Арабский халифат и Османскую империю), которые считались центрами торговли, религии, культуры и образования. Кроме того, достижения в сфере коммуникационных технологий в XXI в. значительно облегчили обмен знаниями и сделали политико-правовой процесс еще более зависимым от исторического дискурса.

Следует отметить, что сейчас западный мир переживает кризис из-за ряда идеологических и политико-правовых дилемм. Запад по-прежнему пользуется значительным влиянием в мире через доминирование в международной экономике, например, благодаря эмиссии резервной валюты и определяющему праву голоса в международных торговых и кредитных организациях. Значительных военных успехов после 1945 г. у Запада, наоборот, не было. Несмотря на большое количество проведенных военных кампаний, они привели не к победам, а к региональному политическому хаосу (в частности, на Ближнем Востоке). Но более важна постепенная уступка позиций в дискурсивной сфере, где идеологические основы западного образа жизни теряют былой авторитет. В наши дни их постепенно сменяют традиционалистские, консервативные и левые политико-правовые концепции.

В то время как западная интеллектуальная традиция охватывает различные направления мысли, либерализм заложил свои постулаты в фундамент нынешней экономической, юридической и институциональной системы Запада. Можно сказать, что либерализм составляет этическую и политическую сердцевину западной цивилизации, являясь неотъемлемой частью его моральных и культурных ценностей.

Однако уже XX век прошел под знаменами антилиберализма. Либерализму бросили серьезный вызов как фашизм и коммунизм, так и различные нетоталитарные правоцентристские и левоцентристские доктрины. Впрочем, эти «конкуренты» покинули политическую арену один за другим. Фашизм рухнул в конце Второй мировой войны. Политический и институциональный упадок социализма, коммунизма и прочих форм коллективизма произошел в 1970-е – 1980-е гг. Все европейские социалистические режимы погибли. Идеологическое недовольство в СССР и странах Варшавского договора обусловило падение Берлинской стены в 1989 г., крах социалистических государств в Восточной Европе и развал Советского Союза в 1991 г.

В итоге неолиберализм превратился в доминирующую социально-политическую и юридическую доктрину на Западе и вскоре стал мировым гегемонистским дискурсом. Его идеи были объявлены ве-

дущими к наиболее эффективному экономическому росту и общественному развитию. Использование любого другого политико-правового учения считалось «фантастическим, утопическим и чреватым весьма разрушительными последствиями» [5, p. 10]. Запад, как политико-институциональное ядро либеральной доктрины, стал естественным лидером и политическим наставником для других государств, желающих присоединиться к «правильному» пути политико-правового прогресса. В то же время, это было чревато различными формами идеологической тирании, которые начали ослаблять «торжество либерализма».

Однако идея современного национального государства изменилась после Второй мировой войны, и само национальное государство – как и его граждане – находилось под угрозой усиления политико-правовой гегемонии Запада. Переломным событием стало принятие ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. На этом этапе было признано, что существуют универсальные вопросы, которые важнее суверенитета того или иного государства. Это означает переход от гоббсовской идеи государства как воображаемого конструкта, представляющего историческую территорию, а также его населения, его лидеров и конкретных институтов под контроль наднационального механизма, который зависит от международной бюрократии, глобальных бизнес-корпораций, политических элит и всеобъемлющей концепции прав человека.

Не ограниченные какой-либо альтернативной доктриной, указанные действующие лица принялись манипулировать остатками современного национального государства, дабы действовать в собственных интересах и продвигать свою политическую и экономическую повестку. Новые формы политико-правовой тирании выражаются в политическом манипулировании и политическое лицемерие. Одновременно данная модель таила в себе опасность для гегемонии Запада и нанесла ущерб его моральному авторитету. В конце 1990-х гг. практическое применение неолиберальных конструктов стало неэффективным, а последствия этого процесса – очевидными.

Во-первых, возобновились экономические кризисы – вследствие радикального перераспределения ресурсов в пользу богатых. Либерализм может существовать только в условиях рыночной экономики, порождающей экономическое неравенство. Либералы видят в этом инструмент инноваций и развития, хотя они утверждают, что государство должно обеспечить гражданам равный доступ к экономике. Но реальность такого доступа проблематична, ибо, по наблюдению Фрэнсиса Фукуямы, правящие элиты стремятся конвертировать свое богатство в политико-правовое влияние [6, с. 464-466]. С этой точки зрения монополизация власти в сочетании с крайним социально-экономическим неравенством выступает в качестве главных препятствий для стабильности политической системы на Западе. Это лишает западный образ жизни былой привлекательности и подрывает господствующий миф о всеобщем западном богатстве и процветании.

Во-вторых, Запад отошел от своей первоначальной либеральной задачи продвижения ценностно-нейтрального государства, которое признает возможность существования различных политико-правовых идей. Это проявилось через маргинализацию нелибералов и традиционалистов в СМИ. Современные западные либералы, видя либерализм своей центральной системой координат, разделяют все прочие доктрины на либеральные и нелиберальные, причем последние автоматически приравниваются к антилиберальным. С этой позиции неолиберальное государство начало осуществлять контроль над мыслями граждан через конструкты политкорректности, идентичности и терпимости. В итоге нелиберал не может выразить свое мнение, не прибегая к самоцензуре либо получая в ответ неблагоприятные последствия (например, путем «культуры отмены»). Наглядный индикатор обозначенной тенденции – университеты. Раньше они являлись «бастионами» критического мышления и свободы слова, но теперь превратились в ярых сторонников леволиберальной политико-правовой доктрины и зачастую отказывают в работе лекторам-консерваторам.

В-третьих, традиционная мораль, которая возникла на Западе еще в эпоху Просвещения, уступила место новым формам постмодернистской морали. В результате данного процесса природа либеральной морали трансформировалась из «морали права» в «мораль эмансипации», которая претендует на уничтожение «морали права». Вместе с тем, «мораль эмансипации» принципиально марксистская, но и постмодернистская одновременно. Поэтому нынешний процесс эмансипации затрагивает так называемые «второстепенные меньшинства», а не трудящиеся и эксплуатируемые классы. В этом плане современный либерализм сосредоточен на «освобождении» человека от различных форм «угнетающей» коллективной идентичности. В числе таких «репрессивных идентичностей» – национальная, этническая, культурная и гендерная принадлежность, сексуальная ориентация, предпочтения в еде, психофизиологические показатели (возраст, масса тела и др.) и т.п. Следовательно, неолиберальная «мораль эмансипации» отбросила марксистское понятие классовой борьбы, но оставила марксистскую идею избавления от «пут истории» и концепцию переосмысления традиционного понимания человеческой природы для соответствия новым экономическим и социально-политическим реалиям. Представления о физических возможностях человека, его отношении к работе и семейной жизни уже трансформировались. Эти изменения отвлекают общественное внимание от действительно

важных проблем (например, роста преступности и наркомании, недоверия к властям, неадекватной политкорректности или массированной миграции из стран «третьего мира») и разделяют социум на конкурирующие группы меньшинств, неспособные к объединению.

В-четвертых, серьезный симптом нынешнего западного кризиса – это кризис лидерства. Современная «политкорректная» атмосфера вытесняет интеллектуалов на периферию политического процесса. Вместо них по политической лестнице поднимаются карьеристы и посредственные конформисты. Это резко контрастирует с предыдущей тенденцией, ибо на протяжении веков интеллектуалы контролировали политику и осуществляли консолидированную интеллектуальную гегемонию Запада. Так, Франсуа Гизо – 17-й премьер-министр Франции (1847-1848), министр иностранных дел (1840-1848) и министр народного просвещения (1836-1837) – был историком, полиглотом, переводчиком, оратором и публицистом, а также состоял во Французской академии наук. Джон Стюарт Милль – один из апостолов британского интеллектуального наследия – являлся госслужащим и депутатом парламента. Уильям Гладстон – премьер-министр Великобритании (1868-1874, 1880-1885, 1886, 1892-1994) – окончил Оксфорд и написал ряд работ по теологии, политологии и международным отношениям. Его соперник Бенджамин Дизраэли (премьер-министр в 1874-1880 гг. и 1868 г.) – автор трудов по политической теории, а также «социальных» романов. Вудро Вильсон – 28-й президент США (1913-1921) – был доктором юридических наук, преподавал и занимался адвокатской практикой, а также написал несколько книг по истории и политологии.

Однако сегодня интеллектуалы такого уровня исключаются из высших эшелонов власти. Анализ состава европейских правительств показывает, что ключевые министерские должности могут занимать менеджеры, бухгалтеры и бывшие работники предприятий общепита. В итоге правительство становится последним местом, которое интеллектуалы – способные изменить социально-политическую, экономическую и духовную жизнь общества – выбрали бы в качестве сферы своей профессиональной деятельности.

Фукуяма утверждает, что американская бюрократия отошла от веберианского идеала энергичного, талантливого, образованного и целеустремленного работника. В системе больше нет вдохновленных идеалистов [7, p. 461]. По словам Пола Лайта, чиновники «мотивированы вознаграждением, а не миссией». Они попали в карьерную ловушку – при условии, что госслужба в плане «белых» доходов и зарплат не может конкурировать с бизнесом [8, p. 108].

Данные события имеют серьезные последствия для либерализма, определившего западную политику и ее идеологическую гегемонию на мировой арене. Сейчас Запад переживает фазу, которую Грамши назвал «моментом конъюнктуры»: элиты держатся за свой политический порядок, хотя международная общественность относится к нему глубоко скептически. Эта ситуация пошатнула западное лидерство на мировой дискурсивной арене. Параллельно страны с нелиберальными коллективистскими и традиционалистскими доктринами бросили вызов западной технократии и демонстрируют впечатляющее экономическое развитие (Китай, Индия, Саудовская Аравия и др.). В итоге всплывает старый аргумент о «разнообразии культур и цивилизаций». Западный либерализм исчерпал свою самопровозглашенную универсальность и вместе с ней лишился доминирующего статуса. Многие незападные государства – Япония, Турция, страны Латинской Америки – сходят или уже сошли с западной геополитической орбиты, в то время как Китай позиционирует себя в качестве реального претендента на утраченное Западом лидерство.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
2. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
3. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: Канон +, 2014.
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
5. Gamble A. Hayek. The Iron Cage of Liberty. Cambridge: Polity Press, 1996.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005.
7. Fukuyama F. Political Order and Political Decay. London: Profile Books, 2015.
8. Light, P. A Government III Executed: The Decline of the Federal Service and How to Reverse It. Cambridge: Harvard University Press, 2008.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ НАУКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

© 2021 г. Г.В. Меженская

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье анализируется процесс формирования и развития предмета юридической техники как особой системы научного знания. Автор рассматривает особенности трактовки содержания различных понятий и элементов юридической техники в работах выдающихся представителей политико-правовой мысли.

Ключевые слова: *юридическая техника, законодательная техника, систематизация права, толкование права, закон, законодательная деятельность.*

The article analyzes the process of formation and development of the subject of legal technique as a special system of scientific knowledge. The author examines the features of the interpretation of the content of various concepts and elements of legal technique in works of prominent representatives of political and legal thought.

Keyword: *legal technique, legislative technique, systematization of law, interpretation of law, law, legislative practice.*

Первые представления о том, каким образом должно осуществляться и влиять на общество право, которые можно трактовать как предпосылки научного познания проблем юридической техники, появляются в истории общественной научной мысли еще в период античности, параллельно с осмыслением различных аспектов сущности права и его места в окружающем человека мире.

В частности, в работах Пифагора и его учеников встречаются теоретические выкладки по содержанию понятия «равенство», на котором базируется понимание права как всеобщего равного мерила поведения людей в социуме.

Платон в труде «Законы» формулирует рекомендации законодателю, отмечая, что законы должны быть установлены ради благополучия всего государства, а не какой-то узкой группы, находящихся у власти людей, их содержание должно и ограничивать власть правящих, и проявления свободы управляемых, учитывая при этом географию местности, климат и иные условия.

Цицерон утверждал, что законы, которые создаются в государстве, должны соответствовать его устройству и обычаям предков. Он обозначил большую роль введения (преамбулы) к законам, определил универсальный характер последних.

Колоссальное значение для решения проблем юридической техники, их доктринального осмысления имеет деятельность древнеримских юристов (с I в. до н. э. по IV в. н. э.). Она была ориентирована, в первую очередь, на преломление и приспособление действующего права к потребностям юридической практики в действующих на тот момент исторических реалиях. Юристы в процессе анализа рассматриваемого дела осуществляли толкование действующих норм, закрепленных Законами XII таблиц, эдиктами магистратов, сенатусконсультами, конституциями императоров с позиции их соответствия требованиям справедливости и в случае выявления противоречий изменяли содержание старой нормы в соответствии с новым пониманием того, каким должно быть справедливое право. Помимо подобной интерпретаторской и правопреобразующей деятельности римские юристы создавали сочинения учебного профиля, наиболее известными из которых стали Институции Гая, которые содержали в себе комментарии и способы разрешения конкретных дел, а также общетеоретические положения. Значительная часть современного понятийно-категориального аппарата и юридических конструкций, которыми сегодня оперирует романо-германская правовая семья, была разработана именно римскими юристами и составляла основу римского права.

Наука как вид человеческой деятельности возникает в эпоху Нового времени. Именно в этот период активизируются процессы аккумуляции знания о различных аспектах юридической техники.

Одним из основоположников учения о юридической технике является английский ученый Френсис Бэкон. Именно с его именем традиционно связывают начало первого этапа развития юридической техники, на котором происходит формирование и введение в научный оборот понятийно-категориального аппарата науки.

Для развития научных взглядов и представлений по проблемам юридической техники наибольший интерес представляет работа Ф. Бэкона «Новый органон», изданная в 1620 году. В ней ученый сформулировал требования к закону как к источнику права, выступающим «якорем государ-

ства»: «Закон можно считать хорошим в том случае, если смысл его точен, если требования его справедливы, если он легко исполним, если он согласуется с формой государства, если он рождает добродетель в гражданах» [1, с. 486]. При этом главным достоинством закона отмечалась его точность, оставляющая «как можно меньше решению судьи». Бекон впервые в истории научной юридической мысли описал инкорпорацию как способ систематизации права, рассуждая о составлении свода законов.

Основными правилами создания нового свода законов им были обозначены:

- исключение устаревших законов;
- выявление и исключение законов, содержащих противоречия;
- исключение законов, имеющих одинаковый смысл, сохраняя те из них, «которые наиболее полно и совершенно выражают мысль»;
- исключение законов, не дающих четких определений, оставляющих нерешенными поставленные вопросы;
- сокращение и сжатие пространных текстов законов.

Безусловный интерес, с точки зрения юридико-технического анализа проблем систематизации права, представляют также рассуждения Бэкона о суммах как о совокупности юридического материала, распределенного по определенным разделам и темам, используемого при необходимости в качестве своеобразного хранилища правовой информации [1, с. 507]. Суммы, по мнению ученого, приводят в систему беспорядочно разбросанный материал, сокращают пространные тексты законов.

Мыслитель также сформулировал потребность в создании нормативных источников, устанавливающих требования к законам – «некоторые законы должны стать своего рода «законами законов», и определять, что в каждом отдельном законе хорошо и что плохо» [1, с. 486].

В числе средств толкования законов Ф. Бэкон называл описания процессов, сочинения аутентичных авторов, лекции, ответы или консультации юристов, вспомогательную литературу. К вспомогательной литературе он относил институции, словари, содержащие значение терминов, сборники юридических правил, «древние» законы, процессуальные формулы и суммы.

Для развития методологии юридической деятельности большой интерес представляют размышления Г.В. Лейбница о доказательственном значении любых последовательных рассуждений, построенных по определенной форме. Лейбниц отмечал, что это имеет место и «в самих судебных актах, и в юридическом процессе, совершающемся в должном порядке» [2, с. 358].

Правоприменительная техника значительно расширила свой предмет с выходом в 1764 г. работы Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» [3]. В данной работе ученый обосновывал необходимость предупреждения преступлений, впервые сформулировал идею суда присяжных, согласно которой предлагалось в качестве заседателей привлекать простых граждан, обозначал одной из гарантий вынесения справедливого итогового вердикта открытое судебное заседание. Методика анализа доказательств была пополнена им критерием личной выгоды свидетеля при определении степени правдивости его показаний.

Большой вклад в развитие предмета законодательной техники внес Ш.Л. Монтескье. В работе «О духе законов …», изданной в 1778 г., им был сформулирован ряд требований, предъявляемых к текстам законов. Содержание данных требований мыслитель выводил из необходимости учета при составлении текстов законов особенностей географического положения, климата, размеров территории, политического управления государством, образа жизни населения. Среди юридико-технических правил составления текстов законов он выделял необходимость взаимосвязи содержания законов, лаконичность и простоту изложения, однозначность слов, общий характер содержания. [4].

Существенную роль в эволюции предмета законодательной техники сыграл английский философ XIX века И. Бентам. В своей работе «Номография» ученый сформулировал основную цель законодательства – способность быть усваиваемым, которая достигается за счет особой формы, состоящей из двух компонентов: «выражений» и «метода». «Выражением» он обозначал отдельные слова и сочетания слов, посредством которых сформулирована «законодательная материя», а «методом» – формирование и порядок расположения лексических групп и сочетаний, в которых содержатся эти выражения.

Также Бентам выделил два вида недостатков, которые могут быть присущи форме законодательства:

1) недостатки, которые затрудняют понимание мысли законодателя (к ним ученый относил двусмысленность, громоздкость текста и «темноту» – ситуацию, при которой употребленное законодателем выражение не позволяет уяснить смысл законодательного текста)

2) недостатки, наличие которых способствует формированию недостатков первого вида (многословие, беспорядочность, употребление различных слов для обозначения одного и того же явления и т.п.)

Характеризуя «метод» законодательной формы, исследователь отмечал, что легкость уяснения, исправления и ссылок на закон обеспечивается за счет его деления на части, для обозначения которых рекомендует использовать имена существительные, потому что «лучше усваиваются в памяти, нагляднее и отчетливее».

Следующий этап развития доктринальных взглядов на сущность и содержание юридической техники связан с исследованиями Р. Иеринга. Он впервые ввел в научный оборот термин «юридическая техника». При этом ученый использовал данный термин в субъективном и объективном смыслах. В субъективном смысле определяя его как «юридическое искусство, задачу которого составляет формальная отделка правового материала», в объективном смысле – «осуществление этой задачи в самом праве, т.е. соответствующий технический механизм права» [5, с. 20].

В качестве основных приемов юридической техники Иеринг обозначал следующие:

- юридический анализ. Ученый отмечал, что в праве «возможность сравнительно легкого владения материалом, кажущимся неисчерпаемым» основывается на том же процессе, что уяснение смысла языка: на разложении материала и сведении его к простым элементам.

- логическая концентрация. Данный прием рассматривался как противоположный по сути юридическому анализу. Логическую концентрацию ученый определял как операцию извлечения какого-нибудь принципа из частей, заменой более интенсивной логической формы выражения.

- юридическая конструкция – обработка правового материала посредством присоединения, приобщения (Иеринг называет данный процесс естественно-историческим методом). Целью создания юридической конструкции выступает формирование обобщенных правовых положений, выступающих в качестве правовых институтов. Юридические конструкции, по мнению мыслителя, должны основываться на трех основных принципах: законе совпадения с положительным материалом, законе непротиворечия (систематического единства), законе юридической красоты [5, с. 22-24].

Сходные взгляды на содержание юридической техники выражены в работе Ф. Жени «Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях». Он определял юридическую технику как совокупность практических приемов и средств, «специфическую часть искусства или ремесла в праве» направленных на создание правил управления поведения человечества и приспособление их для практического применения в конкретных обстоятельствах. Жени рассматривал юридическую технику как сложное явление, составными частями которого выступают законодательная техника, техника применения юридических положений, технику юридической интерпретации [6, с. 127].

В целом, второй этап развития юридической техники характеризуется углублением исследований содержания отдельных категорий юридической техники, оформлением логически взаимосвязанной системы средств юридической техники, утверждением видов юридической техники. При этом основная направленность развития юридико-технической науки оставалась в сфере законотворчества.

Начало третьего этапа развития юридической техники датируется концом XIX – началом XX века. Этот период знаменуется появлением большого количества научных концепций, содержание которых затрагивало отдельные стороны предмета юридической техники. Разноплановость и дискуссионность этих концепций обусловлены многоаспектностью юридической техники, разнообразием видов юридической деятельности и подходов к пониманию сущности и содержания права и юридической науки. Первоначально наибольшее распространение получили научные позиции, отождествляющие юридическую и законодательную техники.

Так, Р. Штаммлер в работе «Сущность и задачи права и правоведения», датированной началом XX века для обозначения юридической техники использует термин «техника права», трактуя ее как особую деятельность, направленную на «изложение смысла и значения волевых содержаний» [7, с. 124], тем самым фактически отождествляя ее с законодательной техникой.

Ж. Дабен, рассуждая о понятии «юридическая техника», отмечал, что она предполагает осуществление технического построения, когда властные решения облачаются в ту форму, которая удобна для их восприятия общественной жизнью. Ученый, рассуждая о процессе создания права, указывал, что техническому построению предшествует поиск решения по существу, трактуемый им в качестве научного исследования [8, с. 58-62]. Таким образом, он отделял юридическую технику от юридической науки. Трактовка юридической техники как совокупности определенных средств, процедур и методов встречается в работах Л. Дюги [9], П. Сандевуара [10].

Помимо вышеуказанных ученых, среди западно-европейских мыслителей, внесших наибольший вклад в развитие предмета науки юридической техники на рубеже XIX-XX века и в XX веке, можно назвать Штоса, Ваха, Гринга, Штамлера, Майне, Гутгерца, Вейске, Листа, Цюрхера, Жинульняка, Биндинга, Белинга. Их работы составляют методологическую основу исследований объектов юридической техники в настоящее время.

Первые самостоятельные исследования проблем юридической техники в рамках эволюции российской научной мысли датируются началом XIX века. Т.к. этот период в истории развития россий-

ской правовой системы связан с подготовкой к кодификационным работам по изданию Свода законов Российской Империи, то содержание данных работ ориентировано на изучение различных аспектов законодательной техники.

К наиболее значимым работам по проблемам юридической техники отечественных дореволюционных исследователей могут быть отнесены: «Начертание теории законов» Л.А. Цветаева [11]. , «Правовое творчество» Л.Е. Виноградова [12], «Законодательная ошибка и ее следствия» Ф.П. Будкевича [13], «О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к ее устранению» М.А. Унковского [14], «Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса» П.И. Люблинского [15].

Основным достижением этого периода является утверждение в научном сообществе юридической техники в качестве особого рода научной деятельности о форме права и его содержании. При этом предмет юридической техники ограничивается проблемами законодательной техники: формулируются требования к содержанию и структурированию законов, принципы законодательной техники.

Тенденция фактического отождествления юридической техники с техникой законодательной сохраняется и в первые десятилетия развития советской политико-правовой мысли.

В советский период изучение вопросов юридической техники осуществлялось учеными как в рамках исследования проблем общей теории права (примерами могут послужить работы С. С. Алексеева, В. К. Бабаева и др.) [16; 17], так и в качестве самостоятельного направления научной мысли (таковыми являются изыскания И.Л. Брауде [18], А. А. Ушакова [19], Д. А. Керимова [20]).

На этом этапе происходит расширение предмета юридической техники за счет проведения специального научно-теоретического анализа логики правовых текстов, языка закона, истинности правовых норм, толкования права, проблем реализации права и т.п. Тем не менее предмет исследования юридической техники сохраняет явно выраженную публично-правовую направленность, что объясняется догматическим характером советской юридической парадигмы того времени.

Новый виток в развитии юридической техники и ее доктринального осмысления связан с кардинальными изменениями правовой системы государства в конце XX века. Появление новых правовых институтов, трансформация содержания юридической деятельности, появление в юридической практике активно функционирующих институтов гражданского общества обуславливало потребность в расширении технико-юридического инструментария и его методологического анализа с позиции новых научных принципов.

Важной особенностью современного развития отечественной доктрины юридической техники является сохранение определенной преемственности научного знания. Так, многие актуальные в настоящее время принципы юридической техники были сформулированы еще в работах М.А. Унковского, К.А. Неволина, Л.А. Цветаева. Основная часть научных исследований проблем юридической техники последних лет все еще носит прикладной характер, однако появляется все больше фундаментальных изысканий.

Современное развитие предмета юридической техники связано с научно-исследовательской деятельностью Н.Н. Вопленко, Ю.А. Тихомирова, Н.А. Власенко, М.Л. Давыдовой, В.М. Баранова. и др. В 1999 году, впервые в отечественной научной традиции, под научным руководством профессора Баранова В.М. была оформлена самостоятельная научная школа «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)».

Таким образом, обособление предмета юридической техники происходит в рамках развития теории государства и права, а также науки конституционного права и других отраслевых юридических наук, предметом изучения которых выступают отдельные аспекты юридической деятельности (толкование права, правотворчество, реализация права, применение права, систематизация права и т.д.). Формирование юридической техники в качестве науки, для которой характерен свой уникальный предмет и методология исследования, является процессом закономерным, объективно-обусловленным условиями развития юридического познания.

Литература

1. Бэкон Ф.В. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1. /Сост., общ. ред. и вступит, статья А. JI. Субботина. М.: «Мысль», 1977.

2. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004.

3.Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях/Пер, с ит. Ю.М. Юмашева. М., 2000. 240 с.

4. Монтескье Ш.Л. О духе законов // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf

5. Иеринг Р. Юридическая техника / Перевод с немецкого Ф.С.Шендорфа. С.-Петербург. 1906.

6. Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1906. № 9–10.

7.Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1908.

8. Дабен Ж. Техника и разработка права. Париж, 1935. С. 58-62.
9. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / Пер. с франц. М.М. Сиверс; Под ред. А.Г. Гойхберга. М., 1919.
10. Сандевуар П. Введение в право: пер. с франц. М.: Интратэк-Р, 1994.
11. Цветаев Л.А. Начертание теории законов. М., 1816.
12. Виноградов Л.Е. Правовое творчество. М., 1905.
13. Будкевич Ф.П. Законодательная ошибка и ее следствия. Варшава, 1908.
14. Унковский М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к ее устранению. СПб., 1913.
15. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса - Петроград, 1917.
16. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6..
17. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: учебное пособие. Горький, 1974.
18. Брауде И.Л. Очерки законодательной техники. М., 1958.
19. Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского университета. 1961. Т. 19. Вып. 5.
20. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962; Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое пособие. М., 1983.

УДК 340

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО КАЗАЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОЙСКА ДОНСКОГО

© 2021 г. Ю.А. Чижикова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье анализируются политические процессы, происходившие на Дону в 1917 – начале 1918 г. Подчеркивается необходимость реформирования системы управления областью после падения монархии и свержения временного правительства. Анализируется возможность расширения социальной базы власти посредством включения во властные органы представителей неказачьего населения. Рассматриваются условия достижения политического компромисса. Выявляются причины казаче-крестьянских противоречий, обусловивших низкий уровень доверия к Объединенному правительству и его падение в начале 1918 г.

***Ключевые слова**: Дон, революция, донское казачество, донские крестьяне, войсковой круг, объединенное правительство, войсковой атаман.*

The article analyzes the political processes that took place on the Don in 1917 - early 1918. The need to reform the regional administration system after the fall of the monarchy and the overthrow of the provisional government is emphasized. The possibility of expanding the social base of power by including peasants in the power bodies is analyzed. The conditions for achieving a political compromise are considered. The author reveals the reasons for the Cossack-peasant contradictions that caused the low level of trust in the United Government and its fall in early 1918.

***Keywords:** Don, revolution, Don Cossacks, Don peasants, military circle, united government, military ataman.*

Революционный 1917 г. – важнейший этап в истории Донской области. Падение монархии способствовало зарождению демократических процессов, оформлению множества общественно-политических течений, выражавших интересы различных социальных групп и стремившихся к реализации собственных политических программ. Под влиянием настроений в казачьих областях военный министр издает приказ № 154 от 14 марта 1917 г., в котором заявляет о намечающейся реорганизации управления казачьими войсками «на началах самого широкого самоуправления, как вполне отвечающему историческому прошлому казачьих войск» [1, с. 327].

Формируются новые органы управления: Донской исполнительный комитет, Советы, Гражданские комитеты. Активизировалась донская интеллигенция, мечтающая о восстановлении старинных традиций казачьего самоуправления. В мае начинает работу Первый Большой войсковой круг. 18 июня 1917 г. он избирает войскового атамана, войсковое правительство и товарища (заместителя) атамана [2, л. 221]. Попытки Доноблисполкома при поддержке временного правительства сопротивляться переходу власти над Доном представителям казачьего сословия терпят неудачу. Круг выводит казаков из состава Комитета, требует освободить атаманский дворец и возвратить войсковое имущество, запрещает всем хозяйственно-административным учреждениям вступать в контакты с ДИК [3, л. 4-5].

Отказ от идеи всесословного представительства в органах власти Донской области имел ряд негативных последствий, проявившихся уже после падения временного правительства. Перед донским атаманом, отказавшимся признать законным захват власти большевиками, встал вопрос о формировании органов управления независимой Донской области и расширения своей социальной базы. Однако приглашение в Новочеркасск членов свергнутого правительства, бывших депутатов Государственной Думы, общественных деятелей и других антибольшевистских сил, напротив, снизило уровень доверия населения к власти. Начало формирования Добровольческой армии при моральной и материальной поддержке А.М. Каледина, участие добровольцев в подавлении выступления большевиков в Ростове-на-Дону способствовали обострению социальных противоречий и закреплению за атаманом образа контрреволюционера. Надежда обрести опору в лице фронтовиков также не оправдалась. Устав от многолетней войны, казаки воевать не желали. По наблюдению С.А. Кислицына, немаловажную роль в этом сыграла большевистская пропаганда. Получив в «Декрете о земле» гарантии неприкосновенности своих земель, казаки держали нейтралитет [4, с. 13]. Отказ донцов поддержать атамана в его борьбе с большевиками заставил Каледина на встрече с А.И. Деникиным 22 ноября говорить: «Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия» [5, с. 162-163]. Казаки ожидали от атамана и правительства не призывов к борьбе с Советами, а защиты своих корпоративных прав и привилегий. По их мнению, основная опасность исходила не от Советской России, а от донских крестьян, посягавших на юртовые земли.

По наблюдению О.Б. Герман, казачество составляло около 40 % населения области, тогда как ему принадлежало 80 % земельных угодий [6, с. 26]. Падение монархии в России способствовало зарождению в среде донских крестьян надежды на перераспределение земельного фонда и решение проблемы крестьянского малоземелья. Однако восстановление деятельности войскового круга и формирование сословного казачьего правительства не позволяли осуществиться чаяниям на благоприятное решение аграрного вопроса. Уже весной начинаются самовольные захваты юртовых земель и сенокосов [7, с. 61, 69-70, 72, 74]. К зиме 1917 г. острота казаче-крестьянских противоречий не снизилась, но именно на крестьян делает ставку донское правительство в стремлении стабилизировать социальную обстановку в области и укрепить свое положение.

Вопрос о формировании органов управления Областью войска Донского в условиях начинавшейся гражданской войны должен был решить Войсковой круг третьего созыва, экстренно созванный в декабре 1917 г. Выступая перед депутатами, атаман Каледин заявил о невозможности управлять Войском, «опираясь на одну часть населения», и о необходимости привлечения всего населения к решению местных дел. Атамана поддержал председатель Круга социалист П.М. Агеев, внесший предложение о формировании паритетного правительства [8, с. 369]. 10 декабря 1917 г. депутаты приняли постановление, в соответствие с которым во главе управления областью оставался избираемый войсковым кругом войсковой атаман. Исполнительная власть передавалась в руки правительства, в состав которого включались семь казаков и семь представителей неказачьего сословия. Правительство находилось в подчинении атамана. Последнему предоставлялось право приостанавливать постановления войскового правительства в случае их противоречия интересам края. 12 декабря войсковым атаманов Области войска Донского был избран А.М. Каледин, его помощником – М.П. Богаевский [9, с. 5-14].

Предстояли переговоры о включении в состав правительства донских крестьян, что требовало прекращения конфронтации и активизации усилий по поиску компромиссного решения спорных вопросов. 29 декабря в Новочеркасске открылся Съезд представителей коренного неказачьего населения области. Его целью стала подготовка совместной работы с Войсковым кругом по формированию Объединенного правительства.

Рассмотрев предложение атамана, съезд выдвинул ряд условий, в том числе освобождение арестованных по политическим и аграрным делам, а также за большевизм и установление правительственного контроля над Добровольческой армией. Правительство не должно возражать против перемирия с Советской Россией или препятствовать транспортному сообщению с ней, не должно вмешиваться в управление неказачьей частью населения без согласия Съезда. После принятия условий

Съезда, последний постановил войти в правительство. Первое заседание объединенного правительства состоялось 5 января 1918 г.

Создание единого правительства не способствовало преодолению разногласий между казаками и крестьянами, о чем свидетельствуют результаты голосования. «За» высказались 62 делегата Съезда, «против» – 44 и 4 «воздержались» [10, с. 6]. По сообщению корреспондента газеты Приазовский край, Съезд не скрывал своего отношения к казачьей власти, вследствие чего заседания проходили «под знаком недоверия правительству». Сомнения в возможности совместной работы среди делегатов съезда были столь велико, что они избрали правительство для управления частью населения невойскового сословия на случай, если соглашение не состоится [11, с. 1].

В среде казачества Объединенное правительство также не пользовалось доверием. Часть депутатов круга считали его формирование «политически нецелесообразным». По их мнению, включение в состав правительства «не заставит крестьянство сражаться в рядах казаков с большевиками», но ослабит правительство [12, с. 151]. Весьма нелестную характеристику Объединенному правительству и съезду в целом дает П.Н. Краснов [13, с. 104-105].

Современные исследователи также негативно оценивают возможность нового правительства снизить накал социальных противоречий в области и создать обширную социальную базу войсковой власти. Ю.К. Кириенко объясняет неэффективность работы «паритета» его неспособностью решить «острейший и важнейший аграрный вопрос» [14, с. 76]

Однако основную оппозицию правительству составили не крестьяне, ожидавшие решения вопроса о земле, а фронтовое казачество, выступившее против политики донской власти, ведущей, по их мнению, к разжиганию гражданской войны. Именно этой проблеме был посвящен съезд казаков - фронтовиков, собравшийся в ст. Каменской. Стараниями присутствовавших на съезде представителей Донревкома делегаты приняли резолюцию объявлявшей войсковое правительство низложенным [15, с. 74-75]. Инициированные атаманом переговоры провалились. Хотя ВРК был разгромлен, а станица Каменская взята партизанским отрядом есаула Чернецова, авторитет правительства был подорван. 17-18 января начинаются забастовки рабочих Таганрога, Батайска и Ростова. Сил для наведения порядка в области и сдерживания надвигающихся на Дон большевистских войск не осталось.

В этих условиях 29 января 1918 г. правительство принимает постановление, в котором заявляет о своей отставке. Вся полнота власти в Новочеркасске передавалась городскому самоуправлению. Ему же подчинялись военные отряды и отряды самообороны. Руководство текущими делами, впредь до созыва круга и съезда сосредоточивалась в временного областного общественного комитета порядка, составленному из представителей городского самоуправления города Новочеркасска, Новочеркасского станичного правления, областного военного комитета и других организаций по выбору трех первых. Завершив работу, атаман Каледин вышел в соседнюю комнату и застрелился [16, с. 3].

Формирование Объединенного правительства, включившего в свой состав равное представительство казачьего и крестьянского населения Донской области, можно считать уникальным политическим прецедентом в истории гражданской войны на Юге России. Стремясь расширить социальную базу власти, лидеры казачества привлекают к управлению регионом представителей неказачьего сословия, составляющего значительную часть населения. Своеобразная попытка сословного примирения стала возможна благодаря усилиям войскового атамана А.М. Каледина, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в среде донцов. Однако нежелание казаков отказаться от части сословных привилегий, а также взаимное недоверие привели к нежизнеспособности Объединенного правительства и его скорому падению. В последующие периоды от идеи всесословности в системе управления Доном отказались.

Литература

1. Сборник указов и постановлений Временного правительства. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. Вып. 1.
2. ГАРО. Ф. 861. О. 1. Д. 21.
3. ГАРО. Ф. 861. О. 1. Д. 4.
4. Кислицын С.А. Государство и расказачивание 1917-1945 гг.: Уч. пос. Ростов н/Д., 1996.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 2.
6. Герман О.Б. Казачье-крестьянские отношения на Дону в 1917 – начале 1918 гг. Ростов н/Д., 2002.
7. Борьба за власть Советов на Дону 1917-1920. Сборник документов. Ростов н/Д., 1957.
8. Богаевский М.П. Ответ перед историей // Донская летопись. Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Белград., 1923. Вып. 2.
9. Постановления Большого Войскового Круга войска Донского третьего созыва 2-13 декабря 1917 года. Новочеркасск., 1917.
10. Приазовский край. 1918. № 5.
11. Приазовский край. 1918. № 7.

12. Каклюгин К. Войсковой атаман А.М. Каледин и его время. (18 июня 1917 г. – 29 января 1918 г.) // Донская летопись. Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Белград 1923. Вып. 2.

13. Краснов П.Н. Алексей Максимович Каледин. (первый выборный Донской Атаман) / Казаки и русская смута. Ростов н/Д., 2000.

14. Кириенко Ю.К. Алексей Максимович Каледин // Вопросы истории 2003. № 3.

15. Сырцов С.И. Накануне и во время съезда в станице Каменской / Помнят степи Донские. Сборник воспоминаний. Ростов н/Д., 1967.

16. Приазовский край. 1918. № 23.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА НА МУНИЦИПАЛИЗМ И МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ В РОССИИ

© 2021 г. А.А. Жегалова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Статья посвящена анализу положений Конституции РФ, измененных в ходе конституционной реформы, которые прямо или косвенно влияют на сферу муниципально-правовых отношений. Рассматривается влияние поправок Конституции на состояние муниципализма и муниципально-правовой культуры российского общества.

Ключевые слова: *конституционная реформа, местное самоуправление, муниципализм, муниципально-правовая культура, экономическая основа*

The article analyses the provisions of the Constitution of the Russian Federation, changed during the constitutional reform, which directly or indirectly affect the sphere of municipal-law relations. The article examines the impact of the Constitutional amendments on the state of municipalism and the municipal-law culture of Russian society

Keywords: *constitutional reform, local self-government, municipalism, municipal-law culture, economic basis*

Состоявшаяся в 2020 году реформа российской Конституции породила множество научных исследований в различных сферах о влиянии внесенных поправок на общественные процессы и правовое пространство страны. Вступившие в силу поправки вкупе с нормами Основного закона, не тронутыми изменениями, на наш взгляд, задают новый вектор развития Российской Федерации как правового, демократического, социального государства, выводят российское общество на новый, более качественный уровень цивилизационной трансформации.

Российская Федерация, развивающаяся как суверенное государство, имеющее прочные культурные и демократические основания, долгое время находившееся в поиске собственного пути, сегодня конституционно оформила те незыблемые ценности, которые на протяжении веков поддерживали народ во время различных кризисов. Еще в 2012 году В.В. Путин в одном из выступлений, рассуждая о том, что является прочным фундаментом, моральным основанием нашей страны, отметил: «Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это ответственность за наше будущее» [1, с. 5].

В 2020 году, именно сознавая ответственность за свою страну и будущие поколения большинство граждан, имеющих право голоса на общероссийском голосовании, решили вопрос о сохранении Россией своего «культурного кода» и закрепление его в акте высшей юридической силы. Подготовка изменений в Конституцию РФ, их широкое обсуждение и, наконец, народная поддержка на практике подтвердили позицию, высказанную Б.И. Алексейчиковым, и с которой мы, безусловно, согласны: «В любой области, будь то культура, наука, экономика, политика, государственное строительство, действительно важные вещи создаются усилиями многих и многих людей» [2, с. 193].

В данном исследовании мы хотим обратить внимание на поправки, непосредственно касающиеся местного самоуправления или влияющие на него косвенно, поскольку любые изменения в его правовых или экономических основах неизбежно отразятся на современном российском муниципализме и повлияют на развитие муниципально-правовой культуры граждан.

Для полной ясности тезисов, находящих в данной статье свое обоснование, считаем нужным пояснить значение вышеназванных терминов («муниципализм», «муниципально-правовая культура»), в котором мы их используем.

В последнее десятилетие среди отечественных правоведов термин «муниципализм» стал довольно привычным, однако, несмотря на довольно частое его употребление в научном дискурсе, на сегодняшний день сложно найти какую-либо дефиницию данному понятию. Тем не менее, из контекста упоминания категории «муниципализм» становится очевидным, что большинство исследователей вкладывает в нее вполне конкретный смысл.

Так, например, Бабичев И.В. в статье под заглавием «Основания российского муниципализма и его принципы» подразумевает под данным термином политико-правовое явление, которое выходит за пределы отрасли муниципального права, находящее свою основу в отраслевых юридических конструкциях, составляющих его правовую доктрину [3, с. 35]. В другой статье исследователь также указывает, что одной из составляющих российского муниципализма является правоприменение, то есть реализация населением права на местное самоуправление [4].

Другой исследователь, Т.Ф. Ящук, исследуя вопрос об историческом контексте формирования муниципализма в России 20-х годов прошлого столетья, уделяет внимание различным направлениям научной мысли о местном управлении (научной доктрине), выбору теории местного самоуправления, которая будет после реализована на «российской почве» [5].

Таким образом, современный российский муниципализм – это совокупность основ (научных, правовых, экономических) и институтов местного самоуправления, достигнутый через правоприменение уровень их развития.

Категория муниципально-правовая культура, по большому счету, еще мало известна отечественной правовой науке, поэтому мы можем претендовать на авторскую дефиницию: это совокупность качественных характеристик общественных отношений, складывающихся в сфере реализации местного самоуправления, характеризующихся коллективной созидательной деятельностью жителей муниципального образования, направленной на укрепление демократических ценностей и институтов, обогащение опыта самоуправления.

Как видно, и муниципализм, и муниципально-правовая культура имеют деятельностный компонент, поскольку они формируются и развиваются: во-первых, в практике разрешения населением и представителями муниципальной власти круга местных вопросов, во-вторых, в верификации нормативно-правовых актов федерального, регионального и местного уровней, благодаря которой выявляется качество законов, пробелы и коллизии, а главное потенциал совершенствования законодательства о местном самоуправлении.

Переходя к анализу поправок, внесенных в Основной закон, отметим, что некоторые из них уже анализировались нами в статье «Развитие муниципально-правовой культуры в контексте современной конституционной реформы» [6], поэтому мы лишь кратко упомянем их, уделив большее внимание другим положениям.

Изменение статьи 107 Конституции РФ [7] дало возможность проверки конституционности федеральных законов уполномоченным на это органом конституционного правосудия по запросу Президента Российской Федерации. Мы видим здесь колоссальную пользу для повышения качества законодательства в муниципальной сфере и предупреждения споров и негативных обсуждений по поводу неконституционности отдельных норм или возникновения на практике множественных толкований, отличных от смысла, вложенного в гипотезу или диспозицию правовой нормы законодателем. Для повышения качества федерального законодательства, закладывающего основу муниципально-правовых отношений, данная поправка весьма важна, так как отдельные положения и изменения Федерального закона №131-ФЗ от 6 октября 2003 года неоднократно подвергались оспариванию в Конституционный Суд Российской Федерации.

Редакция пункта «г» статьи 71 и введение части 3 в статью 132 Конституции [7] внесли ясность в определение места местного самоуправления в единой системе публичной власти России, по сути, получил закрепление фактический статус местной демократии, сложившийся в ходе длительной муниципальной реформы, породившей десятки изменений в законодательстве. По справедливому замечанию А.И. Кокотова, «Потенциал юридической конституции явно шире, чем то ее содержание, что точно или искаженно реализовано в фактической конституции (фактических конституционных отношениях). Этот разрыв полностью не устраним никогда (тем более что фундаментальные конституционные положения выступают в роли идеалов, уходящих вперед по мере нашего продвижения к ним). Однако необходимо стремиться к подтягиванию фактического строя конституционных отношений к

идеальным конструкциям юридической конституции» [8, с. 16]. По нашему мнению, обновление в действующем Основном законе России положений о системе публичной власти – это очередной шаг в преодолении разрыва между фактической и юридической конституцией.

На основании изменения в части 1 статьи 132 Основного закона [7] органы местного самоуправления получили возможность вводить местные налоги и сборы (ранее устанавливали налоги) в пределах подведомственной им территории. Эта поправка может существенно повлиять на экономическую основу местного самоуправления, принести дополнительные доходы в местные бюджеты, облегчить бремя муниципального долга, размер которого имеет тенденцию к росту.

Данная поправка, имеющая, на первый взгляд, отношение лишь к материальным ценностям и ресурсам, тем не менее, ведет к корректировке правовых норм и межотраслевых институтов (налоговых, бюджетных), лежащих в основе российского муниципализма, развитию новых направлений правотворчества и правоприменения, а также новых оснований муниципально-правовых отношений. Муниципально-правовая культура, в свою очередь, будет лишь укрепляться за счет повышения активности местного сообщества в решении местных вопросов по корректировке нормативных актов местного уровня, в реализации проектов, отложенных раннее из-за отсутствия средств на них в местном бюджете, в обсуждении различных инициатив и изучении правовых основ для их реализации и т.п. Таким образом, даже незначительное изменение количественного показателя наполняемости местного бюджета, влечет за собой позитивное изменение множества качественных показателей местного сообщества.

Проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения исследование, посвященное теме налогов и налогообложения, показало, что почти половина россиян (45%) предпочли бы платить больше налогов, но быть уверенными в широкой доступности и высоком качестве государственных услуг, также, по мнению подавляющего большинства наших сограждан (81%), налоги необходимо платить в обязательном порядке и в полном объеме [9]. На основании таких результатов опроса можно предположить, что введение новых налогов в муниципалитете не всегда будет восприниматься местным сообществом негативно, в особенности, если органы местного самоуправления направят эти средства на развитие поселения, повышение качества жизни горожан и позволят участвовать в их распределении.

Еще одна статья, претерпевшая изменение в ходе конституционной реформы (ст. 133), содержащая среди прочих норму о компенсации дополнительных расходов местному бюджету, произошедших в результате совместного выполнения государственными и муниципальными органами публичных функций. Как мы уже отметили, финансовые вопросы муниципалитетов имеют существенное значение в развитии муниципализма и муниципально-правовой культуры, однако здесь следует обратить внимание на «уже не новый» формат взаимодействия органов местного самоуправления с государственными. Закрепление данного положения вносит определенность в тенденцию развития взаимоотношений между уровнями власти, что немаловажно, так как ранее тесное взаимодействие между местной и региональной властями нередко вызывало порицание и сомнения в самостоятельности и независимости местного самоуправления. Бесспорно, это тенденция к централизации власти, которая на сегодняшний день находит основание в Конституции Российской Федерации, федеральном законодательстве, касающемся вопросов организации публичной власти. Вполне возможно, что спустя десятилетия произойдет постепенных переход от местного самоуправления к государственному управлению на местах, который существенно отразится на доктрине муниципализма и качестве муниципально-правовой-культуры российского общества.

В заключение отметим: Конституция Российской Федерации, вступившая в силу в 1993 году, заложила основу стабильного развития российского общества, в течение 27 лет стремившегося к воспроизведению идеалов закрепленных в ней изначально (многие из которых, на наш взгляд, были достигнуты). Сегодня обновленный Основной закон приведен в соответствие с реальными процессами в российском обществе и закрепляет новые цели развития во многих сферах. Местное самоуправление как фундаментальная ценность непоколебимо в своей основе, и конституционная реформа только расширила его потенциал и возможности развития на предстоящее время, что, безусловно, послужит развитию муниципализма и муниципально-правовой культуры в России.

Литература

1. Из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи (Краснодар, 12.09.2012) // Право и безопасность. 2012. № 3-4 (43). С. 5-8.

2. Алексейчиков Б.И. Идеологическая составляющая как фактор оформления традиционализма // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2-2 (66). С. 191-194.

3. Бабичев И.В. Основания российского муниципализма и его принципы // Конституционное и муниципальное право. 2011. №1. С. 35-45.

4. Бабичев И.В. Основания российского муниципализма и его современное состояние // Местное право. 2009. № 5-6. С. 9-26.
5. Ящук Т.Ф. Формирование отечественного муниципализма 1920-х годов // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 2. С. 72-76.
6. Жегалова А.А. Развитие муниципально-правовой культуры в контексте современной конституционной реформы // Российское право на современном этапе: сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. М.: Знание-М, 2021. С. 44-48.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
8. Кокотов А.И. Действие и реализация Конституции России 1993 года // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. №4 (33). С. 14-20.
9. ВЦИОМ. Аналитический обзор. Социальное государство и налоги: в поисках баланса // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-gosudarstvo-i-nalogi-v-poiskakh-balansa

УДК 342

ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ НОВЕЛЛЫ[1]

© 2021 г. М.В. Мархгейм

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В настоящей статье рассмотрены интерпретационные традиции и конституционно-правовые новеллы гражданства Российского государства, связанные с реализацией национальных интересов. Сделан обзор наиболее распространенных подходов к определению гражданства в советский и современных периоды государственного строительства России. Сделан вывод, что гражданство, получая конституционно-правовую разработку, предстает довольно сложным и многогранным явлением, вбирающем в себя спектр политических и правовых аспектов. Содержание гражданства складывается из интерпретации его как правоотношения, субъективного права, элемента правового статуса личности, а также как конституционно-правового института. Отмечено, что законодательное определение гражданства Российской Федерации не прекратило его научные уточнения и не исчерпало интерес к данному конституционно-правовому феномену. Он трудом ученых и законодателей продолжит открываться новыми гранями.

Ключевые слова: *гражданство, конституция, институт гражданства, правовой статус личности, право на гражданство, правоотношение.*

This article examines the interpretative traditions and constitutional-law novelties of the citizenship of the Russian state. The review of the most common approaches to the definition of citizenship in the Soviet and modern periods of state-building in Russia is made. It is concluded that citizenship, receiving constitutional-law development, appears to be a rather complex and multifaceted phenomenon that includes a range of political and legal aspects. The content of citizenship consists of its interpretation as a legal relationship, a right, an element of the legal status of an individual, as well as a constitutional-law institution. It is noted that the legislative definition of the citizenship of the Russian Federation has not stopped its scientific clarification and has not exhausted the interest in this constitutional-law phenomenon. It will continue to open up new facets with the work of scientists and legislators.

Key words: *citizenship, constitution, institution of citizenship, legal status of the individual, right to citizenship, legal relationship.*

Гражданство, единодушно признаваемое атрибутом государства, не вызывает подобного единения с позиции его дефинирования. В дискуссиях по этому поводу раскрываются, помимо прочего, конституционно-правовые подходы к исследованию гражданства и к его сопряжениям.

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» (тема № FZWG-2020-0008)

Гражданство причисляется к тем «ёмким правовым феноменам, черты и содержание которых, продолжая интересовать исследователей, прирастают и уточняются. Гражданство применяется для конституционной характеристики и государства, и человека. Это в совокупности с суверенной публичной волей обусловливает его конституционную многоликость» [1]. Аналогично высказывание, связанное с институтом гражданства, что он «многогранен, многоаспектен и, естественно, является объектом многочисленных научных исследований» [2, с. 141].

Значимость гражданства подчеркивается его статусом позитивного права, т.е. «права на гражданство». Оно закреплено во Всеобщей декларации прав человека (Принята 10 декабря 1948 г. ГА ООН), в ст. 15 которой определено: «1. Каждый человек имеет право на гражданство. 2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить его». Важность обладания гражданством отражена и посредством принятия на универсальном уровне иного документа – Конвенции о сокращении безгражданства (Нью-Йорк, 30 августа 1961 г.), – отражающего желательность сокращения безгражданства.

Предметное исследование легальных подходов к определению гражданства любого государства предполагает обращение к его конституционным нормам и специальному закону о гражданстве. Это в полной мере касается и Российского государства. Не будет преувеличением сказать, что в позициях государства по поводу гражданства концентрированно отражаются и идентифицируются национальные интересы.

Конституция Российской Федерации своей ст. 6 закрепляет основы российского гражданства Российской Федерации, что подтверждается не только смыслом включенных в нее норм, но и композиционной принадлежностью указанной статьи к главе 1 «Основы конституционного строя». Несколько забегая вперед, отметим, что в легальном определении российского гражданства напрямую не «задействованы» конституционные положения о нем. В интерпретационном плане установить законодательные сопряжения с конституционными возможно в части, касающейся «устойчивости» (российский гражданин «не может быть лишен своего гражданства (ч. 3 ст. 6)), «правовой связи» (гражданство «приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом» (ч. 1 ст. 6)), «совокупности прав и обязанностей» (гражданин обладает на территории России «всеми правами и свободами и несет равные обязанности» (ч. 2 ст. 6)).

Конституционные положения о гражданстве Российской Федерации и лицах, его имеющих, представлены в связи с правовым статусом (ст. 32, ст. 60-62и др.), ведением Российской Федерации (п. «в» ст. 71), правовым статусом публичных должностных лиц (ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 4 ст. 95, ч. 1 ст. 97, ч. 4 ст. 110, ст. 119), полномочиями Президента России (п. «а» ст. 89).

Помимо этого, конституционной «новеллой-2020» стало введение актуального или былого «наличия гражданства иностранного государства» в качестве ограничения на доступ к широкому кругу публичных должностей всех уровней, что прежде всего связано с обеспечением национальных интересов.

Специальный Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» определил гражданство в качестве «устойчивой правовой связи лица с Российской Федерацией, выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей». Учитывая то, что права и обязанности являются признанными конституционно-правовой наукой элементами правового статуса личности, есть основания утверждать, что гражданство «представляет собой ядро правового статуса личности в политической системе, олицетворяет собой связь человека с государством и определяет взаимные границы поведения индивидуума и государства» [3, с. 74].

Гражданин Российской Федерации – непосредственный субъект правоотношений гражданства, второй стороной которых выступает Российское государство, являющееся в силу ст. 2 его Конституции обязанным в части признания, соблюдения и защиты прав и свобод своих граждан.

Гражданство Российской Федерации рассматривается также с позиции правового института [4, с. 76; 5, с. 12]. Этот подход, истекая из общетеоретического определения института права, вполне оправдан.

Анализ научных версий интерпретации гражданства в различные периоды советского и российского государственного строительства дает основания для вывода о довольно интересных вариациях. Например, в одних случаях оно характеризовалось «как правовая связь лица с государством, которая служит необходимым условием, предпосылкой для установления правового статуса гражданина» (1969 г.) [6, с. 19], и есть не что иное, как «нахождение» конкретного человека в составе какого-либо государства (1982 г.) [7, с. 19], в других – что гражданство есть позитивное право, а именно «Каждый человек имеет право на гражданство, приобретать его либо выйти из гражданства» (1997 г.) [8, с. 14], и под ним необходимо понимать принадлежность определенного человека к конкретному государству (2017 г.) [4, с. 76]. По поводу последнего, уточним, что рассмотрение гражданства, основываясь на таком подходе, не является корректным ввиду его односторонности. Отметим также, что позиция «принадлежности лица государству» была законодательно отражена в ст.1 Закона СССР «О

правовом положении иностранных граждан в СССР», где иностранными гражданами признавались лица, … имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству иностранного государства). На наш взгляд, с таким подходом согласиться нельзя, поскольку «принадлежность» как вещная категория искажает сущность гражданства. При таком подходе государство может распоряжаться «принадлежащим ему гражданином» по собственному усмотрению, что не соответствует ни конституционным постулатам, ни демократическим аксиологическим основам [9]. Не отказываясь от «привычной» характеристики «принадлежность» в определении гражданства, О.Е. Кутафин связал ее не с государством, а с «народом» государства, что представляется более корректным. В его дефиниции гражданства удачно соединены конструктивная преемственность и современный законодательный подход [10, с. 81].

На наш взгляд, исследование института гражданства через определение «принадлежности» гражданина к конкретному государству не учитывает сложность и двусторонность взаимоотношений, которые складываются между государством и гражданином.

Легальная дефиниция гражданства Российской Федерации (2002 г.) своей определенностью не исчерпала научных дискуссий. В поддержку дискуссии внес вклад Конституционный Суд Российской Федерации, определив гражданство «политико-правовой» связью лица с государством (2007 г.) [15]. В этой связи полагаем необходимым отметить «важный этап в развитии института российского гражданства, когда из законодательства была исключена его политическая характеристика. В преамбуле Закона СССР о гражданстве от 23 мая 1990 г. гражданство определялось как политико-правовая связь гражданина с государством, что ввиду гипертрофии политического аспекта создавало для граждан опасность (причем не только гипотетическую, но и возникавшую реально) лишения советского гражданства, если они не разделяли официальной политики государства» [11, с. 78].

По поводу характеристики «связи» (правовая/политико-правовая) подмечен еще один аспект: такая связь возможна не только между гражданином и государством гражданства, но и между иностранным гражданином и государством, которое предоставило ему политическое убежище [12, с. 92]; 13, с. 8]. Именно этим аргументируется необходимость корректировки законодательной дефиниции «гражданства» [14, с. 208].

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем следующие выводы.

Гражданство, получая конституционно-правовую разработку, предстает довольно сложным и многогранным явлением, вбирающем в себя спектр политических и правовых аспектов.

Содержание гражданства складывается из интерпретации его как правоотношения как субъективного права, как элемента правового статуса личности, как конституционно-правового института.

Даже после того, как гражданство Российской Федерации получило законодательное определение, продолжают предлагаться его научные уточнения, включая дополнительную поэлементную характеристику.

Гражданство является той платформой, опираясь на которую, человек получает политические права, а также ряд прав иного свойства.

Иностранное гражданство, наличествующее / наличествовавшее у российских граждан, претендующих на публичные должности, возведено в разряд ограничительного барьера.

Полагаем, что традиционные и всем, казалось бы, понятный конституционно-правовой феномен трудом ученых и законодателей и дальше будет открываться новыми гранями.

Литература

1. Мархгейм М.В. Конституционная многоликость гражданства западноевропейских стран // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 6 (85). С. 94-96.

2. Полякова Н.В. Гражданство: новые изменения в условиях глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т.9. №4.

3. Карабутов А.А. Феномен гражданства в доктрине Н.В. Витрука // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 8-9 ноября 2019 г.). – Белгород, 2019.

4. Петренко Н.И., Ровенская А.С. Некоторые аспекты института гражданства в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2017. №2 (21).

5. Кельбя И.И. Правовой институт гражданства Российской Федерации // Миграционное Право. 2012. №1.

6. Шевцов В.С. Гражданство в Советском союзном государстве. М.: Юрид. лит., 1969.

7. Головко А.А. Человек, личность, гражданин. Минск: Беларусь, 1982.

8. Авакьян С.А. Российское гражданство: опыт и проблемы // Законодательство. 1997. №5.

9. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. №2.

10. Кутафин О.Е. Российское гражданство. М.: Юристъ, 2003.

11. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Монография. М.: Изд-во Моск. гуманит ун-та, 2004.

12. Положенкова Т.А., Гуторова А.Н. Институт гражданства в Российской Федерации: актуальные вопросы // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: сб. науч. ст. Курск, 2016.

13. Непомнящая А.А. Проблемы института гражданства в Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2013. №1(20).

14. Самойленко А.А. Гражданство Российской Федерации на современном этапе развития: понятие, принцип, основания и способы приобретения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №1-2.

15. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1. статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 04.12.2007 №797-О-О // СПС «Консультант Плюс». Разд. «Судебная практика».

УДК 342.7

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

© 2021 г. А.В. Полтавцева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются исторические предпосылки и особенности современного этапа развития механизмов защиты прав человека. Выделяются направления оптимизации национального правозащитного механизма. Готовность человека защищать свои права показывается в аспекте практической реализации прав. Анализируются статистические данные по опросам населения Российской Федерации относительно защиты прав человека. Рассматриваются пути развития механизмов защиты прав человека.

Ключевые слова: *права человека; национальный правозащитный механизм; организационно-правовые основы правозащитной деятельности.*

The article examines the historical background and features of the current stage of development of mechanisms for the protection of human rights. The directions of optimization of the national human rights mechanism are highlighted. The willingness of a person to protect their rights is shown in the aspect of the practical implementation of rights. The article analyzes statistical data on surveys of the population of the Russian Federation regarding the protection of human rights. The ways of developing mechanisms for the protection of human rights are considered.

Keywords: *human rights; national human rights mechanism; organizational and legal framework for human rights activities.*

Не будет большим преувеличением сказать, что проблема прав человека относятся к числу неизменно актуальных проблем. Ретроспективный анализ указанной проблемы позволяет проследить ее эволюционный характер. В силу известности и изученности многих исторических фактов, их широкого обсуждения, а также ограничиваясь рамками настоящей статьи, обозначим лишь основной вектор в формировании общественного и научного интереса к проблеме прав и свобод человека: от зарождения идей гуманизма в умах отдельных ученых и просвещенных граждан к признанию приоритета человека в обществе все большим числом лиц; от общего гуманистического понимания к утверждению человека, его прав и свобод высшей ценностью; от формирования и активного распространения просвещенным сообществом самой идеи к ее практической реализации; от отдельных, точечных попыток изменить положение человека в обществе к демократическим преобразованиям и государственным реформам; от воплощения идеи отдельными государствами и странами к пониманию на межгосударственном уровне того, что соблюдение прав и свобод человека выступает обязательным

признаком (атрибутом) демократического устройства государства и критерием оценки проводимых в обществе изменений и преобразований.

Отмеченные процессы носили устойчивый и необратимый характер, сформировали запрос на создание принципиально новых форм взаимоотношений между человеком и государством и побудили соответствующие серьезные преобразования в обществе. Говоря о современных тенденциях в решении проблемы прав человека, полагаем возможным отметить следующие особенности.

Во-первых, обозначенная проблема проявляет свое значение на различных уровнях одновременно. Эффективное решение задач по обеспечению и защите прав и свобод человека непосредственно связано и определяет качественные характеристики как жизнедеятельности каждого конкретного человека (индивидуальный уровень), так и государственного управления и общественной жизни в отдельных странах и государствах (национальный уровень), а также взаимоотношений между различными странами и государствами (межнациональный уровень), и объединяет на этом пути граждан, государства и страны.

Во-вторых, обеспечение и защита прав и свобод человека относится к числу приоритетных задач и является обязанностью каждого отдельного государства. Между тем эта обязанность уже давно перестала быть его (государства) внутренним делом. В.В. Чуксина справедливо отмечает, что с середины XX в. в этом вопросе произошли кардинальные изменения: права человека стали объектом регулирования как внутригосударственного, так и международного права в области защиты прав человека [1]. А в более поздних работах автор прямо говорит о «глобализации защиты прав человека» [2].

В-третьих, выйдя за пределы внутригосударственного регулирования, права человека, а более точно – возможности их реализации и защиты, стали своеобразным маркером правового демократического государства. Ситуация с соблюдением прав человека рассматривается как показатель соответствия демократическим стандартам, как критерий оценки развития общества, проводимых в том или ином государстве преобразований и реформ.

В-четвертых, ситуация с соблюдением прав и свобод человека становится значимым фактором современной международной политики. Имеющиеся факты нарушения отдельными государствами национальных и международных норм и требований по соблюдению прав человека не просто получают негативную оценку со стороны мирового сообщества, но и лежат в основе принимаемых разнообразных (политических, экономических и иных) мер и решений по оказанию влияния на страны-нарушители.

В-пятых, в характеристике современной ситуации не менее важным представляется и тот факт, что рассматриваемая проблема затрагивает буквально все сферы и стороны общественных отношений, что вовлекает в процессы обеспечения и защиты прав человека достаточно широкий круг участников. Мониторинг ситуации с соблюдением прав человека, выявление «болевых точек», совершенствование правозащитной деятельности находятся в зоне пристального внимания государственных органов, политических и общественных организаций, специалистов в области экономики, здравоохранения, образования, деятелей культуры, гражданских активистов и просто неравнодушных граждан. Безусловно, их вклад в развитие и совершенствование правозащитного механизма неоднороден и может быть дифференцирован, что собственно не отменяет сам факт участия.

И наконец, в-шестых, защита прав и свобод человека может быть охарактеризована как разносторонне исследуемая (история, философия, социология, политология, конфликтология и другие науки) научная проблема. Совершенно естественным в этой связи представляется обращение к проблеме обеспечения и защиты прав и свобод человека ученых-правоведов. Между тем, говоря о юриспруденции, полагаем возможным отметить ее особые место и роль в разработке проблемы прав и свобод человека. Эти исследования не только подчеркивают междисциплинарный характер анализируемой проблемы, но и сами являются многоаспектными.

Казалось бы, при такой всеобщей заинтересованности и повышенном внимании к правам человека их защита уже должна быть обеспечена в полном объеме и качестве, а острота проблемы, тем самым, снижена. Действительно, на сегодняшний день накоплен колоссальный опыт, созданы и функционируют национальные (в большинстве стран) и наднациональные правозащитные механизмы, так что можно говорить о несомненных достижениях в сфере защиты прав человека.

Между тем для понимания текущей ситуации и оценки ее влияния на развитие механизмов правозащитной деятельности нам представляется важным мнение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой: «Для каждого исторического периода характерен свой набор вызовов и угроз, свой набор инструментариев защиты и свой уровень нравственно-правовой культуры, который позволяет установить порог терпимости к несправедливости, нарушению закона и нарушению прав и свобод человека и гражданина. Поэтому каждый раз нам кажется, что этой работы мало, и каждый раз мы стремимся к новому этапу, более высокому уровню защиты прав и свобод человека и гражданина» [3].

Не претендуя на всеобъемлющий охват всех «вызовов и угроз» современного периода, обозначим отдельные из них. В порядке перечисления от глобального к конкретному прежде всего следует указать на «издержки» глобализации проблемы прав человека. К таковым, например, относится тенденция к универсализации права в области прав человека. По этому поводу в юридическом сообществе высказываются мысли о практической недостижимости универсальной системы защиты прав человека [4]. О том, что в условиях перестройки мирового порядка права человека становятся разменной монетой для решения национальных проблем и геополитических задач [2]. О том, что поиск баланса между базовыми конституционными ценностями государства и международными нормами по правам человека при создании и функционировании внутригосударственных правозащитных механизмов является одной из наиболее острых проблем правового регулирования нынешней «эпохи перемен» [5].

Следующая группа «вызовов и угроз» относится к национальному механизму защиты прав человека. Здесь мы намеренно уходим от все еще «эксплуатируемых» клише о декларативности прав человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, о том, что государство, призванное защищать права, их же и нарушает. Нам больше импонирует мысль о необходимости сосредоточиться на вопросах оптимизации национального правозащитного механизма. Обобщая имеющиеся в этой сфере предложения, полагаем возможным выделить три основных направления. Это предложения организационного, нормативно-правового и процедурного характера.

В рамках первого обсуждается широкий круг вопросов совершенствования как национальных, так и универсальных правозащитных механизмов, в частности такие как: полномочия субъектов правозащитной деятельности; порядок контроля и взаимодействия; вопросы финансирования и иные. Нормативно-правовое направление совершенствования включает постоянный мониторинг, систематизацию и адекватную корректировку действующего законодательства. Указанные направления, дополняя друг друга, обусловливают возможность и необходимость поиска оптимальных средств и методов (процедур) в сфере реализации человеком его прав. Так, например, по мнению М.В. Мархгейм, совершенствуясь, правозащитная деятельность должна обрести технологический характер [4].

Однако есть еще одно немаловажное обстоятельство, на котором мы намерены остановиться специально. Как было сказано выше, возможность реализации человеком своих прав существенна как для него самого, так и для общества в целом. Как для отдельных государств и стран, так и для всего мирового сообщества. Безусловно, общее понимание ценности прав и свобод объединяет и человека, и общество, и мировое сообщество. Между тем единый смысл наполняется дополнительным содержанием в зависимости от того, кто оценивает их соблюдение: международное сообщество, национальное государство и общество либо же сам человек.

Что касается каждого отдельного человека, то защищенность прав и свобод, как правило, ассоциируется с благополучием и качеством его жизни. Так, многолетние исследования «Левада-Центра» показывают, что значительная часть населения (по разным показателям 40-60%) пребывают в ощущении, что их права не защищены и постоянно нарушаются [6]. Подобный разброс мнений авторы исследования связывают с социальной адаптированностью опрашиваемых (уровнем образования, квалификации, местом проживания и т.д.): наиболее образованная, квалифицированная и социально активная часть населения крупнейших городов дает более высокую оценку. Однако если прибегнуть к среднестатистическому выражению полученных результатов (50%), то каждый второй считает, что его права не защищены.

При этом, как отмечается в этом же исследовании, лишь небольшая часть (примерно одна десятая) всех опрошенных в состоянии квалифицировать эти нарушения, дать более или менее ясное выражение тому, какое именно право нарушается. Более того, всего лишь 3% опрошенных ответили, что знают свои права «очень хорошо». «Хорошим» или «неплохим» знанием выделяются респонденты с высшим образованием, предприниматели, руководители (48%), респонденты с высоким потребительским статусом, близкие по своим жизненным стандартам к западному европейскому классу (54%).

На эти данные следует обратить внимание, поскольку они показывают не только недостаточную информированность (авторы определяют эту ситуацию более жестко, используя выражение «Общая правовая безграмотность большинства») населения, но и ее негативное влияние на субъективную оценку защищенности, и, что самое главное, на готовность защищать свои права и свободы. Так, например, по данным исследования потенциальную готовность подавать в суд на тех или иных представителей государственных органов или работодателей выражают от трети до примерно половины респондентов, хотя значительная часть отказывается от этого даже в воображаемой ситуации.

В заключении полагаем возможным сделать вывод о том, что в настоящее время продолжается поиск оптимальных путей развития механизмов защиты прав человека. Более того, этот процесс устойчив и необратим. Развитие национального правозащитного механизма имеет приоритетный характер и предполагает дальнейшее совершенствование его организационно-правовых основ, а также

оптимизацию средств и методов правозащитной деятельности. Между тем, в вопросах практической реализации прав важной представляется готовность самого человека защищать свои права.

Литература

1. Чуксина В. В. Национальные институты по содействию и защите прав человека как механизм конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3. С. 34-41.

2. Чуксина В. В. Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 17-24.

3. Стенограмма парламентских слушаний на тему "Правозащитная деятельность: современное состояние и перспективы развития" 24 октября 2018 года // URL: council.gov.ru › media › files

4. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дисс. … д.ю.н. М., 2005. 385 с.

5. Выступление В. Д. Зорькина на V Петербургском международном юридическом форуме. Право силы и сила права // URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=71

6. Из архива «Левада-Центра» (АНО "Левада-Центр" внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента): отчеты о прошлых исследованиях. Гудков Л., Волков Д., Гончаров С., Зоркая Н., Левинсон А., Овакемян А. и др. Отчет по исследованию «Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России», проведенному в 2014-2015 году по заказу Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство» (Президентский грант) // Вестник общественного мнения. 2017. № 3-4 (125).

УДК 342

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2021 г. П.С. Самыгин[1], С.И. Самыгин[1], А.М. Шевченко[2]

[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

[2]Гуковский институт экономики и права (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
347871, г. Гуково, Ростовская область, ул. Мира, 13а

Gukov Institute of Economics and Law of Rostov State University of Economics
13a, Mira str., Gukovo, the Rostov Region, 347871

В статье анализируются основные цели и задачи социальной политики России как социального государства в кризисный период развития российского общества, вызванный пандемией COVID-19. Авторы отмечают, что рассматриваемый социально-экономический кризис способствует переосмыслению сущности и содержания политики социального государства, призванного не просто осуществлять перераспределение ресурсов в пользу наименее обеспеченных граждан, но и создавать условия, при которых происходит снижение рисков потери занятости и дохода. В настоящее время актуальность приобретает новая концепция социального государства, получившая наименование «государства благосостояния, основанного на социальных инвестициях».

Ключевые слова: *государство, государственная власть, социальное государство, правовое государство, государство благосостояния, государство социальных инвестиций, социальная политика.*

The article analyzes the main goals and objectives of the social policy of Russia as a social state in the crisis period of the development of Russian society caused by the COVID-19 pandemic. The authors note that the considered socio-economic crisis contributes to a rethinking of the essence and content of the policy of the social state, designed not only to redistribute resources in favor of the least well-off citizens, but also to create conditions under which the risks of loss of employment and income are reduced. At present, a new concept of the social state, called the "welfare state based on social investment", is becoming relevant.

Keywords: *state, state power, social state, legal state, welfare state, state of social investment, social policy.*

Идея социальной государственности выступает в качестве одного из приоритетов развития современной России, что следует из содержания ст. 7 Конституции РФ, в соответствии с которой Российская Федерация является социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Отметим, что в соответствии с поправками к Конституции, вступившими в силу 4 июля 2020 г., в нашей стране создаются условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан: данное положение также соответствует принципам социального государства, призванного осуществлять поддержку граждан и проводить активную социальную политику. В новой редакции статьи 75 Основного закона говорится об обязательном социальном страховании, адресной социальной поддержке, индексации социальных пособий и иных социальных выплат [1]. По мнению ряда российских парламентариев, к числу которых относится, к примеру, глава Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству А. Клишас, «с учетом поправок в Конституцию Россия становится в полном смысле этого слова социальным государством» [2]. Как было отмечено Председателем Совета Федерации В. Матвиенко, в условиях пандемии Россия показала себя как социальное государство, которое помогает гражданам, оказавшимся в трудном положении [3].

Не вызывает сомнений тот факт, что практическое воплощение идей социальной государственности приобретает особую актуальность в кризисные периоды общественного развития. В настоящее время наша страна переживает подобный кризис, вызванный пандемией COVID-19: данное обстоятельство обуславливает авторский интерес к концепции социального государства, определение его целей и задач, направленных на преодоление негативных социально-экономических последствий рассматриваемого кризиса.

В трудах западных исследователей представлена как широкая, так и узкая трактовка понятия «социальное государство»: в узком понимании социальное государство связывается с адресной социальной политикой, выплатой государственных пособий нуждающимся в поддержке со стороны государства гражданам, предоставлением тех или иных социальных услуг населению, а в широком – с реализацией масштабных программ поддержки различных слоев населения, государственным регулированием экономикой, массовым трудоустройством граждан [4, с.99].

В отечественной науке также имеются различные трактовки данного понятия: некоторые авторы рассматривают социальное государство как государство правовое и демократическое, в число основных обязанностей которого входит забота о материальном благосостоянии населения, проведение социально-ориентированной политики, другие – акцентируют внимание на необходимости учета потребностей и интересов всех, а не отдельных социальных групп и слоев, что является гарантией социальной стабильности и позволяет достичь приемлемого для общества уровня социального обеспечения граждан [5, с.18].

Необходимо отметить, что некоторые отечественные исследователи высказывают обоснованные сомнения по поводу практической реализации концепции социального государства в России: так, по мнению М.А. Дремановой, в настоящее время преждевременно говорить о Российской Федерации как о сложившемся социальном государстве по той причине, что конституционные нормы, закрепляющие социально-экономические права граждан, на практике реализованы далеко не полностью [6, с.574]. Среди исследователей социального государства существует точка зрения, в соответствии с которой социальное государство есть некая идеальная модель, которую пока не удалось воплотить в реальности ни в одном государстве: такая позиция отражена, в частности, в диссертационном исследовании Е.Н. Наумовой, посвященном теоретическим и практическим аспектам социального государства. Что же касается России, то здесь, как считает Наумова, конституционное положение о социальном государстве в ближайшем будущем «сохранит в значительной степени статус нормы-цели», а «констатация факта наличия социального государства в России носит характер целеполагания» [7, с.10].

В ряде работ, посвященных социальному государству, отмечается, что говорить о формировании социального государства в нашей стране преждевременно в первую очередь по причине наличия глубокого социального расслоения, материальной и имущественной поляризации, которые характерно для современного российского общества (решение этой проблемы многими исследователями связывается с введением прогрессивной шкалы налогообложения, которая существует во многих современных западных государствах). Многочисленные дискуссии по поводу социального государства во многом обусловлены тем обстоятельством, что конституционное положение о России как социальном государстве, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», является достаточно абстрактным и неопределенным в силу отсутствия четких критериев достойной жизни и свободного развития. Данные понятие лишены конкретизированного содержания, а нормативно-правовые акты, разъясняющие, что конкретно понимается под достойной жизнью и что такое свободное развитие человека, в нашей стране отсутствуют. На это в свое время обращал внимание Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин, отмечавший, что понятие «достойная жизнь» нуждается в осмыслении с точки зрения теории права. В соответствии с

итоговым выводом, сделанным В.Д. Зорькиным, современная Россия достаточно далека от реализации положений статьи 7 Конституции Российской Федерации, а закрепленные в ней понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления» [8, с.49].

В качестве наиболее важной задачи для социального государства выступает не достижение абстрактного социального равенства, а обеспечение конкретных социальных гарантий. Это особенно актуально для кризисных периодов общественного развития, сопровождающихся падением доходов граждан, ростом цен, безработицы и т.д., что имеет место и в период пандемии COVID-19 в Российской Федерации в 2020-2021 гг. Если судить по данным социологических опросов, проведенных крупнейшими отечественными исследовательскими центрами, состояние социального государства в России по критерию выполнения органами государственной власти своих основных обязанностей перед обществом «можно охарактеризовать как критическое»: такой вывод сделан сотрудниками институтов Российской академии наук (РАН). С точки зрения участников данных опросов, наихудшим образом Российское государство выполняет свои обязанности по «обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан» (только 17% респондентов полагают, что органы государственной эффективно выполняют свои обязанности в рассматриваемой сфере, относящейся к прерогативам социального государства) [9, с.26].

Справедливости ради необходимо отметить, что российским правительством в период пандемии был принят пакет антикризисных мер, однако масштабы государственной помощи нуждающимся в ее получении гражданам в нашей стране, по оценкам специалистов, значительно уступают аналогичным показателям в ряде экономически развитых государствах мира. С точки зрения Е.И. Андреевой, Д.Г. Бычковой и О.А. Феоктистовой, содержание государственных мер, направленных на преодоление негативных социально-экономических последствий пандемии, явно свидетельствует об отсутствии у представителей отечественной политической элиты четкого понимания того, каким образом необходимо преодолевать подобного рода кризисы. Указанные исследователи считают, что реализуемые государством меры поддержки больше подходят для обычных условий, связанных с защитой от рисков снижения доходов вследствие утраты трудоспособности, болезни, рождения ребенка и ухода за ним, однако они оказываются неспособными «эффективно таргетировать падение доходов населения» в специфической ситуации, связанной с кризисом, вызванным пандемией. Речь идет в частности о сокращении доходов работников, занятых на частных предприятиях сферы услуг, которые расположены преимущественно в крупных городах (именно они, а также некоторые другие группы оказались наиболее подвержены риску снижения доходов и скатывания в состояние бедности) [10, с.30-31].

В то же время при осуществлении социальных выплат правительство использовало традиционный категориальный подход, который базируется на выделении социально-демографических групп: в соответствии с данным подходом дополнительная социальная поддержка была предоставлена нуклеарным семьям с несовершеннолетними детьми определенных возрастных групп. Интересно, что в соответствии со статистическими данными, в семи из десяти отечественных домохозяйств вообще отсутствуют дети несовершеннолетнего возраста, что исключает их из числа получателей антикризисной государственной помощи. Рассматриваемая государственная поддержка должна быть адресной, т.е. ориентированной в первую очередь на лиц, пострадавших от кризиса и объективно нуждающихся в получении помощи со стороны государства.

По мнению О.А. Синявской, представляющей Институт социальной политики НИУ Высшей школы экономики, современный кризис, вызванный пандемией, способствует переосмыслению сущности и содержания политики социального государства, призванного не просто осуществлять перераспределение ресурсов в пользу наименее обеспеченных граждан, но и создавать условия, при которых происходит снижение рисков потери занятости и дохода [11]. В настоящее время актуальность приобретает новая концепция социального государства, получившая наименование «государства благосостояния, основанного на социальных инвестициях» (*social investment welfare state*). В основе данной концепции находится представление о том, что реализация государственных программ, которые создают возможности для трудоустройства населения и роста производительности труда, способствует экономической устойчивости общества и позволяет преодолеть последствия кризиса. Разработчики данной концепции основываются, в том числе, на идеях лауреата Нобелевской премии А. Сена, с точки зрения которого социальная политика государства должна в первую очередь способствовать расширению возможностей (*capabilities*) людей. Аналогичной позиции придерживается и известный британский ученый Э. Гидденс, по справедливому замечанию которого государственные инвестиции в человеческий капитал позволяют обеспечить экономическое и социальное благосостояние общества.

Как отмечает Т.В. Чубарова, переход к практической реализации концепции государства социальных инвестиций фактически подразумевает переход от «традиционного пассивного государства», концентрирующего свою деятельность исключительно на поддержании доходов граждан на определенном уровне, к активному государству, которое стремится наиболее полно раскрыть человеческий

потенциал и включить максимально возможное число граждан в рынок труда [12, с.17-18]. Достижение целей и задач государства социальных инвестиций предусматривает вложения в человеческий и социальный капитал, что подразумевает инвестиции в детей, их развитие и обучение, которое должно осуществляться в течение всей жизни, профессиональную подготовку и переподготовку кадров для различных отраслей экономики, создание новых рабочих мест, активацию рынка труда через государственно-частное партнерство, развитие добровольческого сектора и т.д. Социальная политика государства социальных инвестиций осуществляется в трех приоритетных областях, включающих человеческий капитал, положение семьи в экономике, а также отношения в сфере занятости. Иными словами, основная задача государства здесь состоит не просто в реализации социальных программ, направленных на поддержку граждан, а в активном включении последних в рынок труда. Такая стратегия позволяет эффективно защищать население от новых социальных рисков, способствует экономической устойчивости общества, что является особенно актуальным в кризисные периоды общественного развития.

В ситуации современного кризиса, вызванного пандемией, в западноевропейских странах социальная политика государств в целом проводится в рамках обозначенной парадигмы социальных инвестиций. Антикризисные программы, реализуемые правительствами данных стран, направлены, с одной стороны, на поддержание доходов граждан, потерявших возможность работать вследствие закрытия или временной приостановки деятельности предприятий, а с другой стороны, на сохранении для этих граждан возможности вернуться на свои рабочие места после завершения кризиса или снятия ограничительных мер. Здесь также большую роль играют реализуемые государством программы переподготовки, переобучения, осуществляемые в отношении лиц, оказавшихся безработными. Данный опыт может быть использован в Российской Федерации в рамках политики, связанной с преодолением негативных последствий социально-экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

В нашей стране ситуация значительно осложняется тем обстоятельством, что государство по объективным причинам не может реализовывать такие универсальные по охвату и уровню выплат или качеству программы, которые имеются в наиболее развитых капиталистических государствах Запада. В настоящее время невозможно, с точки зрения большинства экспертов, осуществить радикальное повышение так называемых социальных стандартов жизнедеятельности граждан, которые ориентированы на обеспечение минимальных социальных гарантий: прожиточного минимума отдельных категорий населения, минимального размера оплаты труда, пенсий, социальных пособий и т.д. В России реализации различных государственных программ социального страхования также препятствуют большие размеры неформальной занятости, вследствие чего меры государственной социальной поддержки доходят не до всех нуждающихся в получении социальной помощи. Отсюда проистекает необходимость в осуществлении социальной политики, направленной на повышение качества человеческого потенциала, выравнивание возможностей различных слоев населения, что соответствует основным целям и задачам социального государства.

Анализ социальной политики, проводимой современными зарубежными социальными государствами в период пандемии COVID-19, показывает, что правительствами этих стран был реализован ряд мер, включающих прямую поддержку граждан в форме увеличения размеров социальных выплат, предоставления различных субсидий, а также косвенную поддержку, осуществляемую посредством поддержки бизнеса с целью сохранения рабочих мест и сдерживания безработицы [13]. Наряду с этими направлениями социальной политики в ряде государств были успешно реализован ряд мер в рамках политики социальных инвестиций, в том числе создание необходимых условий для занятости отдельных групп населения, осуществление специальных программ по поддержке работников и рабочих мест, разработка цифровых платформ для профессионального обучения, увеличение бюджетного финансирования профессионального обучения и переобучения. Рассматриваемые мероприятия могут быть реализованы и в нашей стране, что будет способствовать снижению рисков потери занятости и дохода различных групп населения российского общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: www.Consultant.ru (дата обращения 20.05.2021).

2. Клишас А. Законодательные итоги и конституционная реформа // Российская газета. Федеральный выпуск. № 280 (8334). 12.12.2020.

3. Матвиенко В. Россия во время пандемии показала себя как социальное государство // Парламентская газета. 24.04.2020.

4. Имгрунт С.И., Самыгин П.С. Социальное государство в современной России: проблемы теории и практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3.

5. Самыгин С.И., Янкина И.А., Рачипа А.В. Социальная политика: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа». М.: Дашков и К; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2012.

6. Дреманова М.А. Россия – социальное государство? // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.

7.Наумова Е.Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики: Автореф. дис. … к.ю.н. Владимир, 2006.

8. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1.

9. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: Коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020.

10. Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А. COVID-19 и антикризисная социальная поддержка // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1.

11. Синявская О.В. Станут ли коронавирус и экономический кризис родителями новой модели социального государства? // URL: www.wec.hse.ru (дата обращения 20.05.2021).

12. Чубарова Т.В. Государство социальных инвестиций: новый поворот в социальной политике? // Общественные науки и современность. 2015. № 6.

13. Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии. Социальный бюллетень № 12. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации // URL: www.ac.gov.ru (дата обращения 20.05.2021).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ПОСОБИЯ СЕМЬЯМ, ИМЕЮЩИМ ДЕТЕЙ, КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

© 2021 г. Л.Ю. Емченко, В.Н. Колодкина

Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66

Rostov Branch of
Russian State
University of Justice,
66, Lenina St.,
Rostov-on-Don, 344038

Авторы рассматривают основные подходы к пониманию социально-ориентированной политики государства в отношении семей, имеющих детей. Отмечается роль пособий, выплачиваемых таким семьям, в реализации этой политики. Анализируются актуальные изменения, происходящие в сфере назначения и выплаты пособий семьям, имеющим детей.

Ключевые слова: *государственная социальная политика, семья, государственные пособия, дети.*

The authors consider main approaches to understanding socio-oriented policies of the state in relation to families with children. The role of the benefits paid to such families in the implementation of this policy is noted. Current changes taking place in the field of appointment and payment of benefits to families with children are analyzed.

Key words: *state social policy, family, state benefits, children.*

Конституция РФ в статье 7 провозглашает Россию социальным государством. При этом, согласно основному закону, в России «…устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1]. Однако с 2020 г., после внесения поправок в текст Конституции РФ, глава 3 пополнилась новыми нормами, имеющими прямое отношение к теме настоящего исследования.

Так, статья 67.1 Конституции [1] провозглашает детей важнейшим приоритетом государственной политики России. Отмечается, что государство должно создавать условия для всестороннего развития ребёнка, а также обеспечивать реализацию обязанностей родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Эта норма является основополагающей в том числе и для социальной политики государства в отношении детей.

Государственные пособия гражданам, имеющим детей, устанавливаются на основе Федерального закона от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [2]. Статья 3 этого закона выделяет восемь видов пособий гражданам, имеющим детей. К ним относятся пособие по беременности и родам, пять видов единовременных пособий (выплачиваемых по различным основаниям), пособие на ребёнка и ежемесячное пособие по уходу за ребёнком [2]. Порядок назначения и выплаты перечисленных пособий определяется Правительством РФ; таким образом, именно оно является ответственным за реализацию социальной политики в отношении семей, имеющих детей, в России. Функции по определению порядка назначения и выплаты названных пособий реализуются Минтруда РФ [6].

Содержание социальной политики государства в отношении семей, имеющих детей, раскрывается исследователями довольно разнообразно. Так, Кондакова Н.А. отмечает, что «социальная политика государства, направленная на поддержку семей с детьми, подразумевает осуществление социальных программ, обеспечивающих благосостояние и социальные гарантии» [10, с.73]. Цинченко Г.М. и Шабанова Е.С. отмечают, что «…особенности исторического пути России стали причиной того, что семейная политика стала рассматриваться главным образом как организуемая и финансируемая государством социальная защита семей от нищеты, от вызванного инфляционным натиском снижения благосостояния» [12, с.44]. Елисеева А.А. отмечает, что «…государственная поддержка семьи, несмотря на имеющийся довольно широкий круг задач в данной области, осуществляется, в основном, только в социально-экономическом аспекте и направлена в большей степени на защиту интересов отдельных членов семьи, а не семьи в целом» [9, с.81]. Сидоров В.А. приводит довольно обстоятельный обзор мнений учёных, характеризующих государственную социальную политику в отношении семей, имеющих детей. Он отмечает, что «Государственная семейная политика представляет собой комплексную систему государственной деятельности, направленную на семью как на социальный институт, основной целью которой является укрепление, развитие, суверенитет, защита прав и интересов семьи, основанные на правовом регулировании отношений с государством» [11, с.84].

Выводы исследователей в целом коррелируют с содержанием нормативных правовых актов в этой сфере. Так, согласно Указу Президента РФ от 13.05.1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» «цель государственной семейной политики заключается в обеспечении государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышении качества жизни семьи» [3].

Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. содержит аналогичное описание целей: «Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития» [5]. Иными словами, как современная доктрина, так и нормативные акты акцентируют внимание на том, что социальная политика государства в отношении семей, имеющих детей, осуществляется преимущественно за счёт финансового обеспечения семей со стороны государства. Само государство основным средством поддержки семей видит именно обеспечение их финансового благосостояния.

Однако этим средства поддержки не исчерпываются. Так, например, согласно плану мероприятий на 2015-2018 гг. по реализации первого этапа концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года, выделяется множество групп мероприятий, направленных на поддержку семей. В контексте настоящего исследования можно выделить следующие: содействие в трудоустройстве граждан, которые воспитывают несовершеннолетних детей; обеспечение получения профессионального образования родителей, ухаживающих за детьми в возрасте до 3 лет; поддержка бизнес-проектов родителей детей; обеспечение доступности дошкольного образования и многие другие. В целом предусмотрен довольно обширный комплекс мер поддержки семей, имеющих детей.

Однако меры поддержки семей, имеющих детей, с помощью различных пособий не всегда реализуются в полной мере. В последние годы финансовая поддержка семей со стороны государства вызывает критику. Основное направление этой критики сосредоточено вокруг отказа государства индексировать соответствующие пособия, что связывается с кризисными явлениями в экономике, а также вокруг незначительности размеров этих пособий [8, с. 36-40].

Однако в последнее время государство обратило внимание на данные проблемы. В частности, Президент РФ В.В. Путин в своём послании Федеральному Собранию отметил: «Прежде всего государство должно предоставить прямую поддержку семьям с детьми, которые находятся в сложной ситуации. Это наша последовательная политика. Мы и дальше будем двигаться именно по этому пути» [7]. Президент внёс ряд предложений, расширяющих существующую систему пособий семьям, имеющим детей. Так, он предложит ввести выплату неполным семьям с детьми от 8 до 16 лет; ежемесячную выплату женщинам, которые встали на учёт на ранних сроках беременности; изменить систему оплаты больничного по уходу за ребёнком для молодых матерей (довести его до 100% от уровня заработ-

ной платы) и многое другое. Таким образом, в ближайшее время, вероятно, в закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и другие нормативные правовые акты будут внесены соответствующие изменения.

Произошли изменения и в порядке выплаты различных названных выше пособий. Так, например, с нынешнего года пособие по беременностям и родам должно выплачиваться напрямую Фондом социального страхования РФ в достаточно короткий срок – 10 дней с момента получения им документов о назначении такового пособия [6]. Был упрощён порядок получения единовременного пособия при рождении ребёнка: обучающиеся по очной форме обучения родители не обязаны представлять справку о рождении ребёнка, выданную ЗАГСом [6]. С 1 апреля 2021 года можно произвести перерасчёт (в заявительном порядке) ежемесячной выплаты на ребёнка в возрасте от 3 до 7 лет [4]. Увеличен размер ежемесячного пособия на ребёнка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, – до 12 817, 91 руб.

Таким образом, несмотря на существующие экономические проблемы, российское государство в последнее время стремится обеспечить достойное существование семьям. Вероятно, выплата пособий таким семьям, упрощение процедуры их получения, увеличение их размеров позволит улучшить демографическую ситуацию в стране: родителям придётся прилагать меньше усилий для обеспечения достойного существования своих несовершеннолетних детей. Кроме того, приведённые выше факты свидетельствуют о том, что начался процесс реализации норм, внесённых в Конституцию РФ в 2020 году. Государство, осознавая свою ответственность за будущее детей, принимает все возможные меры для реализации своих социальных функций. Насколько эффективны окажутся эти меры – покажет время, однако нельзя не отметить позитивный характер изменений, происходящих в этой сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (Дата обращения: 25.04.2021).

2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // «Российская газета», № 99, 24.05.1995.

3. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 (ред. от 05.10.2002) «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // «Российская газета», № 94, 21.05.1996.

4. Указ Президента РФ от 10.03.2021 № 140 «О некоторых вопросах, связанных с осуществлением ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // «Собрание законодательства РФ», 15.03.2021, № 11, ст. 1788

5. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 01.09.2014, № 35, ст. 4811

6. Приказ Минтруда России от 29.09.2020 № 668н (ред. от 15.02.2021) «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.12.2020 № 61741) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 23.12.2020 (Дата обращения: 25.04.2021).

7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета, № 87, 22.04.2021

8. Буянова А.В. Проблемы правового регулирования назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей // Социально-политические науки. 2016. №3

9. Елисеева А.А. Государственная поддержка как основа трансформации института современной семьи // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации. 29 октября 2020 г. / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. Тверь: Тверской государственный университет, 2020.

10. Кондакова Н.А. Современная социальная поддержка семей с детьми // Проблемы развития территории. 2015. Вып. 3(77).

11. Сидоров В.А. Семейная политика в системе государственной социальной политики // Власть. 2015. № 11.

12. Цинченко Г.М., Шабанова Е.С. Социальная семейная политика // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-semeynaya-politika (Дата обращения: 26.04.2021).

УДК 347.7

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

© 2021 г. Н.Г. Шатверян, Е.А. Сбитнева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье раскрывается понятие цифровизации в трудовом праве, уделено внимание мерам, принимаемым государственными органами ускорению внедрения и введения цифровизации в современное трудовое законодательство. В тексте статьи раскрывается понятие «дистанционной работы», отражены проблемы, с которыми сталкиваются работодатели и работники, применяя на практике дистанционный метод работы. В статье рассмотрен самый востребованный и перспективный ресурс, посредством которого распространяется информация в сети Интернет – социальные сети. Особое внимание уделено негативным последствиям внедрения цифровых технологий в область трудового права, указываются конкретные примеры использования современных технологий в области трудового права.

Ключевые слова: *трудовое право, пандемия, цифровизация, covid-19, трудовые отношения.*

The article reveals the notion of digitalization in labor law, pays attention to measures, applied by state bodies for enhancing implementation of digitalization into modern labor law. Reveals the notion of distant work, outlines the problems, tackled by both employers and employees while applying the distant method of work. The article studies the most common resource of social networks via which information is spread in the Internet. Special attention is drawn to negative consequences of the implementation of digital technologies into labor law. Presents the example of using modern technologies in the sphere of labor law.

Keywords: *labor law, pandemic, digitalization, covid-19, labor relations.*

Жизнь современного человека устроена так, что практически все сферы общественной жизни не обходятся без использования компьютерных технологий и без интернета. Через интернет можно все: общаться, смотреть кино, учиться, работать, приобретать товары и услуги, записаться на прием к врачу, получать государственные услуги.

Вследствие коренных изменений, произошедших в обществе и государстве, в связи с цифровизацией политической и социально-экономической сферы, возникла необходимость в пересмотре классических понятий юридической науки, в обиход вошло понятие так называемого «электронного государства».

Понятие «электронное государство» подразумевает взаимодействие государства с обществом на основе электронных технологий.

С появлением концепции электронного государства в российском обществе возникло понятие цифровизации, под которым понимается внедрение современных цифровых технологий во все сферы жизни, в том числе в образование, в сферу оказания услуг, культуру и тому подобное [10].

Использование современных цифровых технологий не может обойти стороной правовую систему Российской Федерации.

В частности, современные цифровые технологии охватывают практически все отрасли современного российского права: гражданского, уголовного, бюджетного, налогового, административного, отрасли судопроизводства. В том числе и трудовое право [5].

Анализ современного трудового законодательства показывает, что органами государственной власти принимается ряд мер по ускорению введения цифровизации в современное трудовое законодательство [11].

Так, одним из приоритетных направлений деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2019 год вплоть до 2024 года является процесс скорейшего введения электронного документооборота и электронных технологий в правовую систему, регламентирующую вопросы трудового права, трудовых отношений, отношений занятости населения и безработицы [1, с. 16-18].

Первыми шагами по внедрению современных цифровых технологий в трудовое законодательство можно считать 2013 год, который ознаменовался появлением в российском законодательстве нового института трудового права – «дистанционная работа» [8, с. 210-211].

Появлению института дистанционной работы способствовало дополнение Трудового кодекса новой главой 49.1, регламентирующей вопросы труда дистанционных работников. Указанные дополнения внесены в Трудовой кодекс Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. №60-ФЗ «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2, с. 45].

Дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, выполнения трудовой функции, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети интернет.

Несмотря на явные преимущества дистанционной работы, как показала практика, работодатели не спешат переводить работников на дистанционную работу в связи с тем, что работнику в офисе легче давать поручения, легче учитывать рабочее время, устанавливать заработную плату и премии.

Применение дистанционной работы получило широкое распространение весной 2020 года, в связи с введением ограничительных мер, вызванных распространением COVID-19.

Именно это и нашло поддержку со стороны работодателей, в частности при использовании труда беременных женщин, женщин с малолетними детьми.

Президент на совещании с Правительством неоднократно обращал внимание министров на необходимость института дистанционной работы в современном трудовом праве, необходимость которого вызвана изменения общества.

По мнению российский исследователей, одной из главных задач, которую ставил законодатель вводя институт дистанционной работы – повысить эффективность труда не за счет количества времени, затраченного работником, а достигнутыми результатами. Главное достижение, главная идея, положенная в дистанционную работу, заключается в том, что работник приступает к выполнению трудовой функции, не затрачивая время на дорогу к месту работы и обратно, возможность работника провести перерыв в работе по своему усмотрению.

Особого внимания заслуживает ряд мероприятий российского законодателя по введению электронного документооборота. Так, следующим шагом процесса цифровизации российского трудового права стало принятие Федерального закона № 439-ФЗ от 16 декабря 2019 г. Указанный нормативный акт обязал всех работников избрать наиболее удобный для них вид хранения трудовых сведений: посредством «традиционной» трудовой книжке на бумажном носителе либо посредством так называемой «электронной трудовой книжке». Новые положения трудового законодательства предусматривают обязанность работодателя всю информацию о трудовой функции и трудовом стаже работника предоставлять в Пенсионный фонд для ее дальнейшего хранения в информационных ресурсах Пенсионного фонда. Благодаря положениям Федерального закона № 439-ФЗ от 16 декабря 2019 г. в трудовое право введено новое понятие, так называемая «электронная трудовая книжка» [9].

Новая норма трудового законодательства определяет, что на основании поданного работником заявления работодатель передает сведения о работнике в Пенсионный фонд. Информация о работнике хранится в Пенсионном фонде в независимости от того, будет ли в дальнейшем гражданин осуществлять трудовую функцию либо же нет.

Необходимо отменить, что законодатель не предусматривает возможность работников, изъявивших желание о переходе на электронные сведения, вернуться к ведению «традиционной» бумажной трудовой книжки.

Как показала практика, к началу марта 2021 года шесть миллионов работающих россиян выбрали «электронную трудовую книжку», что составляет 12 процентов работающего населения России.

Таким образом, следует отменить, что очень маленький процент россиян выразили доверие «электронной трудовой книжке». Следует также отменить, что среди граждан, изъявивших желание использовать электронную базу данных, большую часть составляет молодёжь до 35 лет.

В 2019 году работники сайта Superjob провели опрос, по данным которого большинство россиян пояснили, что боятся перейти электронный документооборот, в связи с недоверием технологическим процессами и возможной потерей базы данных [6, с. 79-84].

Также, одним из направлений цифровизации, широко используемых в настоящее время субъектами трудовых отношений, является использование при приеме на работу электронных баз вакансий, таких как «SuperJob», «trudvsem.ru». В целях поиска работы, а также поиска кандидатов широкое распространение получили мобильные приложения «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram». На сегодняшний день эти социальные сети являются самым востребованным и перспективным ресурсом, посредством которого распространяется информация в сети Интернет.

Не менее актуальным на сегодняшний день является повсеместное использование субъектами трудового права интернет-платформ: «Яндекс.Такси», «Uber» и т. п.

Главная идея использования указанных интернет-платформ заключается в возможности общения и передачи информации неопределенного количества субъектов, в том числе территориально удаленных друг от друга. Главный плюс использования интернет-платформ заключается в возможно-

сти в кратчайшие сроки получить «задание» и приступить к его выполнению, что значительно повышает производительность труда.

Внесенные изменения в трудовое законодательство, в том числе в части введения электронной трудовой книжки, дистанционного способа работы, имеют ряд преимуществ по сравнению с ранее действовавшими положениями законодательства [7, с. 105-112].

Так, преимущества дистанционного способа работы заключены в следующем:

- снижение расходов работодателей (оплате подлежат только конкретно поставленные и выполненные задачи, отсутствие необходимости в аренде помещений, приобретение оргтехники, мебели и прочего);

- отсутствие необходимости получать разрешения от санитарной инспекции и о пожарной безопасности;

- снижение расходов работника (отсутствие необходимости приобретения спецодежды, оплаты транспорта на проезд к работе).

Несмотря на отрицательные отзывы российских граждан на введение системы «электронных трудовых книжек», следует признать, что электронная база данных работника имеет ряд преимуществ, по сравнению с бумажной трудовой книжкой [7, с. 105-112].

Во-первых, электронная база данных обеспечивает работникам и работодателям достаточно быстрый и удобный доступ к нужной им информации. Создание единой базы данных позволяет работнику заказать сведения о своей трудовой деятельности посредством сайта «Госуслуги».

Во-вторых, ведение электронной базы данных значительно сокращает трату времени работодателя по заполнению и ведению документального документооборота [3].

В-третьих, ведение электронной базы позволяет минимизировать так называемый «человеческий фактор», вследствие которого в бумажной трудовой книжке могут быть допущены описки, недостоверные и неточные сведения.

Ведение «электронной трудовой книжки» дает работодателю возможность не нести дополнительные расходы на приобретение, хранение бумажных трудовых книжек [4, с. 58-62].

Несмотря на положительные стороны цифровизации, обширное введение цифровых технологий в область трудового права может привести к следующим негативным последствиям:

1. Исчезновение ряда «старых» профессий, которые окажутся невостребованными в связи с введением новых профессий и рабочих мест, что приведет к негативным социальным процессам (невостребовательность и невозможность трудоустройства).

2. Изменение условий труда, вызванных введением удаленной работой, работой через интернет-платформы, приведет к уменьшению уровня социальной защиты и социальных гарантий работников. Так, работники, осуществляющие работу на дому, могут лишиться социальной защиты при получении травмы, поскольку исчезнет понятие «получение производственной травмы».

3. Не все работники обеспечены компьютерной техникой и интернетом, в ряде регионов страны имеются проблемы с работой интернета. Уровень жизни некоторых граждан нашей страны также не позволяет обеспечить себя необходимой оргтехникой для работы в условиях цифровых технологий. Переход на дистанционный способ работы и полная замена трудовых книжек приведет к ограничению трудовых прав работников, приведет к дискриминации труда.

4. Нехватка кадров. Для привлечения работников к труду, обусловленному широким применением цифровых технологий, необходимо прежде всего подготовленные в данной области кадры. В этой связи необходимо отметить, что трудоспособное население нашей страны, получившие профессию и высшее образование вплоть до начала 2000-х годов не всегда умеет обращаться и применять в практике цифровые технологии, в связи с чем у работодателя возникнет проблема переобучения (повышения квалификации) работников либо вопрос об увольнении работников в связи с несоответствием предъявляемым условиям труда.

5. Необходимость введения в учебных заведениях новых специальностей, переподготовку кадров и тому подобное.

Работа по «адаптации» действующего трудового законодательства под современные условия общественной жизни на этом не закончилась и продолжается по настоящее время.

В рамках совещания Президента Российской Федерации с представителями министерств 27 мая 2020 года, Президент дал поручение подготовить предложения по внесению изменений в ТК об использовании цифровых технологий при трудоустройстве.

В рамках проведенного совещания, глава Минтруда Антон Котяков предложил ряд мер по ускорению цифровизации кадрового делопроизводства, в частности уже с 2021 года предложил ввести кадровый документооборот электронно без дублирования на бумаге.

Подводя итог, можно сделать вывод, что Россия значительно отстает от ряда мировых держав и экономически развитых европейский государств по уровню цифровизации, в том числе в трудовой сфере граждан.

Большинство работников возрастного ценза от 35 до 60 лет негативно отзываются о введении электронного документооборота и необходимости перехода на электронный документооборот.

Вместе с тем, внедрение цифровизации в трудовую сферу государства не вынужденная мера, а необходимость, вызванная происходящими изменениями в мире и обществе. Цифровизация трудового права – это закономерный исторический процесс, избежать которого не подставляется возможным.

Государством в настоящее время создаются все благоприятные условия для внедрения современных технологий.

Трудовое право стоит на ступени сложного этапа реформирования, внедрения новых технологий, принятия нового, отвечающего современным условиям, законодательства.

Литература

1. Аббасова Е.В., Васильев В.А. Трудовое право в цифровой реальности: проблемы интеграции // Российская юстиция. 2019. №4. С.16-18.

2. Абалдуев В.А., Колобова С.В. Трудовая книжка работника: правовые вопросы документирования трудовых отношений (учебно-практический комментарий). Саратов: ПАГС, 2004.

3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.09.2018 по делу N33-15689/2018 // СПС "КонсультантПлюс".

4. Глоточка С.А. Работа Минтруда России по переводу кадровых документов в электронный вид // Делопроизводство. 2019. №3. С.58–62

5. Еремин В.В. Нормы трудового договора в российской практике применения труда работников // Трудовое законодательство России и практика его применения в современных экономических условиях: Сб. науч. трудов. Саратов: СГЮА,2017. С. 32

6. Колобова С.В. Трудовых отношений устанавливается в суде // Современное право. 2014. №6. С. 79-84

7. Колобова С.В. Документационное оформление трудовых отношений: некоторые проблемы и судебная практика // Делопроизводство. 2019. №4. С. 105-112.

8. Колобова С.В., Сергеенко Ю.С. Трудовое право России: Учеб. М.: Юстицинформ, 2018. С.91

9. О внесении изменений в трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: Федер. закон от 16.12.2019 N439-ФЗ// Российская газета. 2019. 19 дек.

10. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 N203 // Собрание законодательства РФ. 2017. N20. Ст. 2901.

11. Цифровая экономика Российской Федерации: паспорт национальной программы (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, Протокол от 24.12.2018 N16) // Доступ из СПС "КонсультантПлюс".

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 341.9

МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

© 2021 г. О.В Алимова, Е.В. Слобожанский

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Моральный вред как институт в рамках правовой системы применяется сегодня практически во всех странах мира и считается важнейшим элементом международного частного права. В рамках данной статьи авторы определяют сущность морального вреда, учитывая особенности его использования в разных странах мира, и дают характеристику подходам, с помощью которых можно анализировать суть и назначение этой категории.

Ключевые слова: *моральный вред, ущерб, институт, право, частное, система.*

Emotional damage as an institution within the legal system is used today in almost all countries of the world, and is considered the most important element of private international law. Within the framework of this article, the authors define the essence of emotional damage, taking into account the peculiarities of its use in different countries of the world, and describe the approaches that can be used to analyze the essence and purpose of this category.

Keywords: *emotional damage, damage, institution, law, private, system.*

В рамках международного частного права, а также на основании функционирования различных правовых систем собран богатый теоретический и практический материал, связанный с использованием института компенсации морального вреда и дана характеристика этой категории. В России и в ряде других стран, которые ранее входили в состав СССР, институт морального вреда появился только в 90-е годы.

Моральный вред считается термином, который создан на основе исторического развития и будет понятен любому обывателю. Например, согласно мнению Еремичева Е. Н. [1, 159], моральный вред является любыми страданиями и лишениями в рамках физического и нравственного положения, поскольку он наносит потерпевшему непоправимый урон. Кроме того, моральный вред наносит урон личности с точки зрения физиологического и духовного компонента.

Суть определения морального ущерба состоит в том, что происходит лишение или некоторое умаление чести человека, а также проявляется факт унижения достоинств личности, поскольку это наступает в рамках производства по любому делу уголовного или гражданского характера, согласно нанесённым нравственным страданиям. Но нормы действующего законодательства будут предусматривать во многих аспектах сущность термина «моральный вред». В большинстве стран мира, а также на уровне норм международного права эта система применяется.

С точки зрения юридических оценок, моральный веред – самая тяжелая с точки зрения понимания, оценивания и доказывания юридико-правовая категория. Правоприменительная практика позволяет сказать о том, что очень часто вместо понятия «моральный вред» могут использовать такие категории как «моральный ущерб» или «убыток».

Наибольшая область применения права в вопросах определения и взыскания компенсаций морального вреда применяются в рамках стран, которые используют прецедентную или так называемую англо-саксонскую правовую систему. Принимая во внимание тот факт, что ранее Англия выступала одной из самых крупных по количеству колоний стран, базовые принципы англосаксонской правовой системы применяются во многих странах мира.

Зарубежное законодательство определяет ключевые основания несения ответственности в случае нанесения морального вреда. Сама цель правового характера при возмещении морального вреда состоит в том, что имеет место компенсация, связанная с неосторожными действиями, или же умышленное причинение вреда. Так, например, разнообразные варианты характеристик и определение морального вреда в англосаксонской правовой системе говорят о том, что существуют особенные условия компенсации морального вреда в этих странах. Правовое регулирование обязательств, которые возникают на основе причинения вреда, также стоит учитывать в этом случае.

Французское законодательство имеет своеобразный подход к применению ответственности касаемо морального вреда. Так, во французском законодательстве эта категория создана на базе судеб-

ной практики в рамках определения объёма компенсации, размер компенсации в этом случае будет в большей степени зависеть от обстоятельств, которые сформированы в конкретном положении дел. В результате суды стали ориентироваться при вынесении своего приговора и решения на ранее установленные позиции.

Законодательные нормы Франции, а также разнообразная судебная практика не будет ограничивать личные неимущественные права или разнообразные блага определённым списком, и допускается компенсация морального вреда во многих случаях. Всё это с объективной точки зрения способствует увеличению качества правовой защиты разнообразных благ. Судьи во Франции не колеблются в том, каким образом можно расценивать любое правовое нарушение, связанное с оборудованием личных писем, разглашением сведений или незаконным применением имён граждан. Таким образом, не будет создана какая-либо проблема при учёте правовых признаков, позволяющих компенсировать моральный вред. В рамках французской правовой системы не нужно заниматься созданием определённой конструкции, характеризующей общее право любого человека.

В рамках международного частного права не только вопрос о том, каким образом необходимо рассматривать моральный вред, считается дискуссионным и постоянно обсуждается. Имеют место разнообразные подходы, характеризующие факт возмещения морального вреда на практике. Рассмотрим данные подходы [1, с. 156].

Суть концептуального подхода состоит в том, что существует определённая аналогия с наличием так называемого имущественного ущерба и различных проблем. Существование любого человека, а также жизнедеятельности его организма будет приравниваться к различным ценностям. Всё это похоже на имущество. В отношении любых уголовно наказуемых действий может применяться своя уникальная схема. Факты возмещения морального вреда будут закреплены в процедуре, которая не связана с обращением в суд с учётом конкретного набора действий. Помимо этого начиная с 1994 года работает специализированная комиссия, занимающаяся вопросами возмещения имущественного или морального вреда в Англии. Таким образом, возместить ущерб можно только в том случае, когда он будет нанесён в отношении физических или моральных страданий, существующих как минимум шесть недель с того момента, когда зафиксирован факт правонарушения. Этот подход подвергается всесторонней критике в научном сообществе, поскольку дополнительно важно принимать к вниманию все ключевые условия жизнедеятельности любого потерпевшего, а также описывать любые его социальные связи и ключевые особенности построения профессиональной работы.

Следующим подходом является личностный. Его суть в том, что уровень любых переживаний, который вызван нанесением вреда здоровью человека, полностью зависит от ключевых особенностей личности. Следовательно, в связи с нанесением морального вреда происходит назначение специальной компенсации для восполнения утрат и человеческого счастья.

На уровне международного частного права также существует функциональный подход. Сущность этого подхода состоит в том, что нет возможности определить ценность конкретного человеческого счастья. Именно поэтому суд должен назначать компенсационную выплату в таком объёме, который позволит разумно утешить индивида.

В некоторых государствах, в том числе и в Соединённых Штатах Америки, отсутствуют технологии для определения фактов нанесения морального вреда. Однако имеются два основных подхода, характеризующих механизм описания морального вреда в отношении индивида:

1. Временной подход говорит о том, что общая острота и сложность любых переживаний постепенно будет уменьшаться.
2. Общая стоимость нанесённой боли и страданий должна быть оценена при помощи различных критериев рыночного характера. В этом случае нужно понимать, что суд устанавливает объём средств, согласно которому потерпевшие согласятся на добровольном уровне переживать эту боль и в итоге получат ресурсы для её удовлетворения [2, с. 491].

В рамках компенсации любого морального вреда на международном уровне стоит учитывать ряд ключевых обстоятельств, среди которых отмечаются такие как: уровень влияния любого травмирующего фактора; длительность совершенного действия; период времени, который прошёл с того момента, когда были причины различны и страдания. Более того, стоит понимать, что любой психологический элемент в системе морального вреда будет включать в себя несколько основных видов и категорий факторов:

1. Фактор, который всецело связан с ключевыми особенностями нанесённого психологического вреда. С позиции психологии он именуется как стресс, и в некоторых случаях будет вызывать у людей потенциальной страх. Страх в свою очередь представляет собой одну из ключевых доминант, воздействующих на поведение и самочувствие человека.
2. Система факторов, которые могут быть связаны с ключевыми свойствами и особенностями любого индивида, поскольку ему будет причинена травма. Стоит обязательно принимать во внимание различные позиции и качества, способствующие повышению страданий у индивида. Нужно обяза-

тельно уделять внимание изучению особенностей, которые определяют способности индивида переживать разнообразные страдания.

3. Кроме этого, в рамках международного частного права во многих нормах учитываются факторы, которые связаны напрямую с ключевыми свойствами личности любого индивида, учитывая тем самым процессе психического характера и состояние человека. Все эти качества могут приводить к причинению любых страданий морального характера, с осознанием или без него, анализируя последствия.

Некоторые авторы полагают, что моральный вред будет включать в своей структуре факты, связанные с полным нарушением психологических и биологических элементов. В итоге нарушаются: физическое положение человеческого организма; компоненты его функционирования. Все представления индивида о том, каким образом необходимо развивать свои способности, изменяются в культурном плане. Соответственно, можно с уверенностью говорить о том, что моральный вред с учётом теоретического и практического содержания, обладает необходимым набором компонентов психологического уровня.

Согласно мнению А.М. Эрделевского, аналогом морального вреда в законодательных актах Соединённых Штатов Америки и Великобритании считается вред психологического уровня. Автор считает, что эта категория позволяет установить систему нравственных и физических страданий индивида по сравнению с термином «моральный вред» [3]. Суть состоит в том, что психическими страданиями в рамках англосаксонской судебной системы являются различные реакции негативного характера. Но не любая реакция эмоционального типа будет считаться психической, и тем самым предложенное понятие не может быть полноценным.

Вышеизложенная информация позволяет сделать несколько основных выводов:

1. В международном частном праве тема, которая связана с моральным вредом, до сих пор не установлена окончательно с точки зрения характеристики и структуры. Во многом это связано с тем, что в некоторых государствах используются механизмы прецедентного права, вызывающие конкретные казусы. Разнообразные определения морального вреда в правовой системе Великобритании и Соединённых Штатов Америки отличаются от других государств мира.

2. Также стоит отметить, что в международной практике имеются разнообразные подходы, способствующие возмещению морального вреда. Данными подходами являются такие как личностный; концептуальный; функциональный.

Литература

1. Дмитриева Г.К., Кутузов И.М., Еремичев Е.Н. Международное частное право. Учебник. М.: Проспект. 2020. 680 с.

2. Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. М.: Международные отношения. 2019. 1064 с.

3. Эрделевский А.М. О размере возмещения морального вреда // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 17–19.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.8

ПРЕСТУПНАЯ ПРИЧАСТНОСТЬ К АУТОАГРЕССИВНЫМ АКТАМ В МЕСТАХ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2021 г. Д.А. Берестовой

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Аутоагрессивное поведение в местах изоляции от общества представляет особый социально-психологический и криминологический феномен. Большинство аутоагрессивных деяний в местах изоляции от общества корреляционно связано с насильственными практиками криминальной субкультуры, насаждаемой криминальными авторитетами. Поэтому профилактика аутоагрессии немыслима без уголовно-правового противодействия групповой, организованной, насильственной преступности в местах лишения свободы. В статье предлагаются конкретные рекомендации по разрешению наиболее сложных вопросов квалификации групповых и организованных форм преступлений, причастных к аутоагрессивным деяниям.

Ключевые слова: *аутоагрессия, места изоляции от общества, криминальная субкультура, организованная преступность, квалификация*

Autoaggressive behavior in places of isolation from society is a special socio-psychological and criminological phenomenon. Most of the autoaggressive acts in places of isolation from society are correlated with the violent practices of the criminal subculture imposed by criminal authorities. Therefore, the prevention of autoaggression is unthinkable without criminal-law counteraction to group, organized, violent crime in places of deprivation of liberty. The article offers specific recommendations for solving the most complex issues of qualification of group and organized forms of crimes involved in auto-aggressive acts.

Keywords: *autoaggression, places of isolation from society, criminal subculture, organized crime, qualification*

Аутоагрессивное поведение подразделяется на аутоагрессивное суицидальное поведение, т.е. намеренные и осознанные действия индивида, направленные на лишение себя жизни, и аутоагрессивное несуицидальное поведение, т.е. различные самоповреждающие действия индивида, не представляющие угрозы для его жизни и не связанные со стремлением к смерти.

Российская статистика фиксирует снижение уровня самоубийств: в 2015 г. их было зарегистрировано 25 476, а в 2019 году – 17192. Однако в российской пенитенциарной системе уровень суицида устойчиво превышает среднепопуляционный в 2-3 раза [11].

Аутоагрессивное поведение представляет собой сложный социально-психологический и криминологический феномен, который обуславливается внутренними (эмоциональными, когнитивными и др.) и внешними (социальными) факторами [2]. Аутоагрессия в местах изоляции от общества имеет и свои собственные, специфические детерминанты. Во-первых, сама по себе изоляция от общества является пролонгированной экстремальной ситуацией (стрессором). Во-вторых, многие аутоагрессивные деяния в местах изоляции от общества тем или иным образом связаны с таким негативным явлением как криминальная субкультура.

Криминальная субкультура определяется учеными как «система неформальных норм, традиций, обычаев, ритуалов, регулирующих поведение ее представителей» [1]; «совокупность таких элементов, как стратификация, «общак», язык, татуировки, игры и развлечения, клички, «прописка», мифология, санкции» [5].

Определяющими структурными компонентами криминальной субкультуры являются неформальная стратификация лиц, изолированных от общества, и нормы их общежития.

Стратификация лиц, изолированных от общества, предполагает разделение их на группы, отличающиеся по своему статусу и привилегиям:

- лица с отрицательной направленностью (элита - «воры в законе», «смотрящие», «авторитеты» и их подручные «шестерки и др.);

- лица, придерживающиеся нейтральной позиции, ранее не имевшие непосредственного отношения к преступному миру, однако избегающие сотрудничества с правоохранительными органами («мужики», «пацаны», «болото»);

- лица с положительной направленностью, вставшие на путь исправления, сотрудничающие с администрацией («козлы», «суки»);

- лица, отвергнутые сообществом («отверженные», «обиженные»).

Уже в следственном изоляторе индивид примыкает (далеко не всегда добровольно) к какой-либо категории («масти»), существующей в криминальной иерархии. Предпосылками для стратификации индивида являются его возраст, физиологические и психологические особенности, сексуальная ориентация, коммуникативные способности, жизненный опыт и предшествующий образ жизни (в том числе криминальный).

Самое высокое положение на иерархической лестнице занимают «воры в законе», «смотрящие», «авторитеты». Это лица с преступным и пенитенциарным опытом, обладающие физической силой, агрессивностью, достаточно высокими интеллектуальными и волевыми качествами, хорошими организаторскими и коммуникационными способностями, имеющие поддержку (в том числе извне) со стороны криминальных «авторитетов». Для сохранения своего привиллегированного положения они объединяются с себе подобными, устанавливают в среде лиц, изолированных от общества, нормы «воровского закона» («нормы криминальной субкультуры), воздействуют на основной контингент лиц, изолированных от общества, с помощью лиц, стоящих ниже на иерархической лестнице («быков», «шестерок», «пристяжь»).

Криминологические исследования показывают, что криминальные «авторитеты» изобретают различные ритуалы так называемой «прописки», т.е. приема лиц, вновь прибывших в СИЗО или исправительное учреждение (особенно это характерно для воспитательных колоний несовершеннолетних). Заключенные, не способные противостоять насилию, в силу слабости здоровья, мягкости характера, психических и физических отклонений, а также не соблюдающие требования санитарии и гигиены, совершившие половые преступления в отношении несовершеннолетних причисляются к «отверженным», «обиженным». Результаты исследований свидетельствуют, что эти лица составляют 5-10% от общей численности спецконтингента. Все эти лица систематически унижаются и притесняются другими заключенными (осужденными) [6]. Следует отметить, что лицам, не относящимся к «отверженным», периодически также приходится бороться за свой статус, чаще всего с применением насилия в отношении иных лиц, находящихся в изоляции от общества.

Результаты целого ряда исследований свидетельствуют, что в основном самоубийства в условиях изоляции от общества совершаются в результате противоправного воздействия на них иных лиц, которые руководствуются нормами криминальной субкультуры. Нормы криминальной субкультуры можно подразделить на: 1) запрещающие сотрудничать с правоохранительными органами и органами уголовно-исполнительной системы, а также нарушать нормы воровского закона (например, совершать хищения у других лиц, изолированных от общества); 2) обязывающие признавать власть «авторитетов», вести себя в соответствии со своим положением; нести ответственность за данное слово (например, платить по карточным долгам и др.).

Если лицо, находящееся в изоляции от общества, нарушает неформальные законы преступной среды, то в отношении него применяются самые разнообразные санкции. Так, за неуплату карточного долга должника могут различными способами склонять к самоубийству или доводить до него. За воровство у сокамерников, сотрудничество с администрацией виновный переводится в разряд «обиженных», систематически подвергается унижению, жестокому обращению, половому насилию, что нередко побуждает его к суициду. Однако в служебных записках, как правило, указываются иные факторы, обусловившие самоубийство (депрессия, спонтанно возникшая аффективная реакции, склонность к суицидальному поведению). Уголовное преследование по фактам совершения преступлений, причастных к аутоагрессивным деяниям, чаще всего не возбуждается, поскольку это может отрицательно сказаться на оценке работы учреждения уголовно-исполнительной системы.

Что касается иных аутоагрессивных действий, проявляющихся в членовредительстве, голодовке и др., то они зачастую совершаются лицами с отрицательной направленностью. Периодически становятся общеизвестными даже случаи массовых аутоагрессивных действий. Так, в 2005 г. в Льговской колонии Курской области более 600 осужденных вскрыли себе вены. В 2003 г. 15 осужденных Россошанской колонии (Воронежская область) прокололи себе легкие с помощью заточек [9]. В колонии № 13 г. Энгельс Саратовской области 10 осужденных вскрыли себе вены [10]. В колонии строгого режима № 2 г. Челябинска в 2010 г. 22 осужденных нанесли себе поверхностные резаные раны предплечий рук [12]. Мотивация совершения несуицидальных аутоагрессивных действий может быть самая разнообразная (релаксационная, манипулятивная, призывная, демонстративная; подражательная, мазохистская, симулятивная). Целью может быть и дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Резюмируя, отметим, что аутоагрессивное поведение в местах изоляции от общества коррелянционо связано с насильственными практиками криминальной субкультуры, насаждаемой криминаль-

ными авторитетами. Поэтому профилактика аутоагрессии немыслима без уголовно-правового противодействия групповой, организованной, насильственной преступности в местах лишения свободы.

Основой уголовно-правового противодействия общественно-опасным деяниям, причастным к аутоагрессивным деяниям в местах лишения свободы, являются прежде всего ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства»; ст. 110^1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; ст. 110^2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»; ст. 151^2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Анализ правоприменительной практики показывает, что одним из актуальных вопросов квалификации является уголовно-правовая оценка преступлений, причастных к аутоагрессивным деяниям, совершенных в соучастии.

В теории уголовного права выделяются четыре формы соучастия (группа без предварительного сговора, с предварительным сговором, организованная группа, преступная организация (преступное сообщество)) и два вида соучастия: простое (соисполнительство) и сложное (с распределением ролей) [3].

Согласно уголовному закону совершение преступления, причастного к аутоагрессии, в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной преступной группы признается деянием с отягчающим обстоятельством (п. г. ч. 2 ст. 110, п. г. ч. 3 110.1, п. г. ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. Кроме того, в УК РФ имеется норма, регламентирующая ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству (ст. 110.2 УК РФ). Еще существуют нормы, устанавливающие ответственность за создание, руководство, участие в преступной группе (например, ст. 209 ст 210 УК РФ), и норма, предусматривающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)

Эта солидная нормативная база применительно к конкретным правоприменительным ситуациям требует разрешения вопросов о том, образует содеянное совокупность преступлений или нет. Первый дискуссионный вопрос возникает при уголовно-правовой оценке действий тех лиц, которые организуют действия лиц, доводящих потерпевших до самоубийства, склоняющих потерпевших к самоубийству, либо содействующих самоубийству. В уголовно-правовой литературе существуют два противоположных мнения. Согласно первому из них, совершение вышеуказанных деяний охватывается ст. 110.2 УК РФ [8]. В соответствии со вторым – нет, так как в ст. 110.2 УК РФ криминализирована исключительно организация распространения информации о способах совершения самоубийства или призывы к совершению самоубийства [4]. Мы разделяем последнюю позицию, поскольку в ст. 110 и ст. 110.1 УК РФ умалчивается о таких формах совершенения преступления как призывы и распространение информации о способах совершения самоубийства.

Учитывая правовые реалии, действия организатора доведения, склонения и содействия самоубийству можно квалифицировать только как деяния одного из участников группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, совершившей доведение, склонение или содействие самоубийству (по п. г ч.2 ст. 110, п. г ч.3 ст. 110.1 УК РФ) или как приготовление к соответствующим преступлениям, если его организационные усилия не увенчались успехом (ч.1 ст. 30 и п. г ч.2 ст. 110, п. г ч.3 ст. 110.1 УК РФ). Подобная квалификация будет верной и в тех случаях, когда лицо, занимающееся организационной деятельностью, непосредственно не участвовало в актах доведения, склонения, содействия, вовлечения в аутоагрессивные деяния. Дело в том, что согласно закону любой участник организованной группы вне зависимости от его роли признается соисполнителем преступления, совершенного организованной группой, поскольку его усилия, совместно с усилиями других соучастников, образуют единое в уголовно-правовом смысле деяние, влекущее один и тот же преступный результат.

Вторая проблемная ситуация связана с квалификацией действий такого лица, виновного в преступлениии, причастного к аутоагрессии (ст. 110, 110.1 ил ст. 151.2 УК РФ), которое виновно в создании, руководстве или участии в устойчивой, вооруженной группе, созданной для нападений (ст. 209 УК РФ) или преступном сообществе (ст. 210 УК РФ), либо занимает высшее положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ).

В соответствии с положениями ст. 17 УК РФ содеянное требует квалификации по правилам совокупности преступлений. При этом следует иметь в виду, что в в ч.4 ст. 210 УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства для составов Создание преступного сообщества (ч.1) и участия в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп (ч. 1.1.) указывается на совершение деяния лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Выбор конкретной нормы из числа ст. 209 и 210 УК РФ осуществляется с учетом правил разграничения смежных составов преступлений, разработанных в теории уголовного права.

Третья проблемная ситуация возникает в случаях, когда доведение, склонение, содействие самоубийству, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни, совершаются в целях дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. На наш взгляд, руководствуясь правилом, сформулированным в ч.1 ст. 17 УК РФ, можно сделать вывод, что содеянное требует квалификации по правилам совокупности преступлений, поскольку в ст. 321 УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, не упоминается о том, что деяния, криминализированные в данной норме, могут быть сопряжены с самоубийством или иным несуицидальным аутоагрессивным актом.

Выводы:

1. Результаты криминологических исследований свидетельствуют, что в местах изоляции от общества акты аутоагрессии чаще всего совершаются в результате противоправного воздействия на потерпевших иных лиц, которые руководствуются нормами криминальной субкультуры.

2. Преступления, причастные к аутоагрессивным деяниям, имеют характер систематической деятельности, совершаются лицами с отрицательной направленностью, действующими в соучастии (в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы).

3. Потерпевшими являются лица, занимающие низшие ступени в неформальной иерархии лиц, находящихся в местах изоляции (отверженные, опущенные); лица, активно сотрудничающие с администрацией; лица, нарушившие нормы криминальной субкультуры, в том числе невыплатившие карточные долги, не выполнившие указания лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии и т.п.

4. В некоторых случаях совершение преступлений, причастных к аутоагрессивным деяниям, является средством для достижения основной преступной цели – дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

5. Криминологические особенности преступной причастности к аутоагрессии в метах изоляции от общества следует учитывать как в процессе выявления и пресечения этих преступлений, так и в ходе их уголовно-правовой оценки.

6. Действия организатора доведения, склонения и содействия самоубийству следует квалифицировать как доведение, склонение или содействие самоубийству, совершенные организованной группой (п. г ч.2 ст. 110 или п. г ч.3 ст. 110.1 УК РФ) или как приготовление к соответствующим преступлениям, если его организационные усилия не увенчались успехом (ч.1 ст. 30 и п. г ч.2 ст. 110 или ч.1 ст. 30 п. г ч.3 ст. 110.1 УК РФ).

7. Действия лица, виновного в групповом преступлении, причастном к аутоагрессии (ст. 110, 110.1 ил ст. 151.2 УК РФ), которое создало, руководило или участвовало в устойчивой, вооруженной группе, созданной для нападений (ст. 209 УК РФ) или преступном сообществе (ст. 210 УК РФ), либо занимало высшее положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) следует квалифицировать в соответствии с положениями ст. 17 УК РФ по правилам совокупности преступлений.

8. Если доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110 или ст. 110.1 ил ст. 151.2 УК РФ) совершается в целях дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, то содеянное по правилам совокупности преступлений дополнительно квалифицируется по ст. 321 УК РФ.

Литература

1. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. УФА: Уфимский юрид. ин-т МВД РФ, 1998. С. 22-23.

2. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... к.ю.н., Рязань, 2011. С. 114.

3. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 53-63.2

4. Егорова Н. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6.

5. Кузьмин С.И., Малетина Е.А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 1. С. 21-28.

6. Олейник А. Н. Тюремная субкультура России: от повседневной жизни до государственной власти. Тверь, 2008. С. 120.

7. Официальный сайт Ассоциации независимых наблюдателей // URL: http://www.onk-ru.info/

8. Смирнов А. М. Уголовно-правовая характеристика организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Аллея Науки. 2018. №7(23). // URL: https:// Alley-science.ru

9.Официальный сайт Фонда «В защиту прав заключенных» // URL: http://www.zashita-zk.org/

10. Тюремный портал России. Сайт о жизни и деятельности учреждений ФСИН // URL: http://prisonlife.ru/

11. URL: https://rosstat.gov.ru/

12.URL: http://www.onk-ru.info/ Официальный сайт Ассоциации независимых наблюдателей

УДК 343.34

ОСОБЕННОСТИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (СТ.СТ. 285 И 286 УК РФ)

© 2021 г. А.Н. Карлаш, А.Л. Клочкова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В рассматриваемой статье изложен анализ составов должностных преступлений – злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. Описаны общие признаки и особенности данных составов. В том числе уделено особое внимание тем критериям, по которым возможно произвести разграничение указанных составов преступлений с целью более корректной и эффективной реализации правоприменительной функции.

***Ключевые слова**: должностное лицо, состав преступления, разграничение составов, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий.*

The article under consideration caries out an analysis of the composition of malfeasance - abuse of powers and misuse of powers. The general features and characteristics of these compositions are described. In particular, special attention is paid to those criteria by which it is possible to differentiate the indicated offenses in order to implement the law enforcement function more correctly and efficiently.

***Key words:** official, corpus delicti, delimitation of corpus delicti, abuse of office, misuse of office.*

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем уголовного права является рассмотрение вопросов разграничения таких смежных составов преступления как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Правильная квалификация для любого общественно опасного деяния крайне важна, поскольку этот особый процесс не только оказывает влияние на укрепление законности и правопорядка, но и для самого обвиняемого в совершении преступления, поскольку от него (данного процесса) напрямую зависит назначаемое обвиняемому наказание, в том числе для потерпевшего, со стороны которого должна быть уверенность в справедливом воздаянии со стороны социума за совершенные в отношение него противоправные общественно опасные деяния. Иначе говоря, весь процесс квалификации преступления состоит в последовательном отграничении каждого отдельного признака совершенного преступного деяния от признаков иных, смежных преступлений [1, с. 126].

Попробуем разобраться в их сущности. В цивилистике активно разрабатывается категория злоупотребления правом, в ст. 10 ГК РФ прописаны пределы осуществления права, притом, можно быть в общем русле правовых предписаний, но отклониться от них в частностях, например, используя недозволенные формы поведения в общих рамках поведения законного. Этому процессу была посвящена активная дискуссия среди ученых-правоведов. Выразитель одной из позиций Н.С. Малеин считал, что когда субъект реализует предоставленные ему права, он в любом случае злоупотреблять ими не может, если находится в рамках правового поля, а выходя за рамками последнего, лицо совершает не злоупотребление правом, а правонарушения [4, с. 90].

В.П. Грибанов, выражая вторую позицию, исходил из того, что злоупотребление правом не имеет отношения к содержанию субъективного права, а относится к процессу его реализации [1, с. 58], означая выбор формы его реализации за пределами осуществления предоставленных прав. Эта позиция имеет отношение к концепции, условно именуемой формальной концепцией злоупотребления правом. Есть еще одна концепция, которую условно именуют телеологической, или целевой (термин К.А. Грекова). В ее рамках злоупотребление правом означает выход за рамки целевого предназначения права и его действие в противовес интересам общества и государства.

Думается, что в уголовном праве мы имеем дело именно с ней применительно к злоупотреблению полномочиями, т. е. субъект реализует предоставленные ему полномочия, но делает это не в интересах общества и государства, а руководствуясь личными мотивами, включая корыстную мотивацию. А вот применительно к превышению полномочий, скорее, работает формальная теория злоупотребления правом, поскольку субъект нарушает форму и процедуру реализации права в процессе превышения полномочий. Рассматривая понятие полномочия, следует отметить, что оно легально не закреплено. Руководствуясь доктринальным толкованием, можно говорить, что, в отличие от субъективного права, оно основано на законе, кроме того его реализация происходит в крайне строгом соответствии с законодательной основой, поскольку, исходя из словарной статьи, – это «признанное в

установленном порядке право социального субъекта влиять на поведение людей и деятельность других институтов с помощью использования легитимных средств воздействия» [7, с. 126].

Реализация должностных полномочий не только должна иметь в основе юридический факт, позволяющий и предписывающий это сделать, но и подчеркнем, что должностное лицо обязано соблюсти определенную форму реализации, т. е. процедурную форму. И первый, и второй случай имеют отношение к процессу превышения полномочий, но в одном случае не было оснований вообще реализовывать полномочия, а во втором – их реализация происходит таким образом, которая находится за пределами установленной нормативными актами процедурной формы.

К.А. Греков указывает, что в случае злоупотребления должностными полномочиями тоже происходит нарушение либо формы, либо основания их реализации, что, по его мнению, может служить доказательством не только тесной родственной связи составов преступлений, предусмотренных в статьях 285 и 286 УК РФ, но и подтверждает, что злоупотребление полномочиями – это один из случаев превышения полномочий. Этот исследователь отмечает большое число проблем, связанных в правоприменительной практике с квалификацией деяний по этим статьям, и говорит, что одно и то же деяние можно квалифицировать и как злоупотребление, и как превышение полномочий [2].

Обратим внимание, что юристы-практики, включая адвокатов, и ученые-криминологи неоднократно предпринимали попытки выявить отличие этих составов. Например, существует такое мнение: главное, на что следует ориентироваться при отграничении этих составов – это, во-первых, мотив преступного деяния. Во-вторых, осуществляя злоупотребление должностными полномочиями, лицо при этом не выходит за те рамки предоставленной ему законодательством власти, однако и использует ее против интересов службы, в то же время при превышении своих полномочий должностное лицо использует те полномочия, которые у него отсутствуют, таким образом совершая противозаконные действия. В-третьих, с позиции адвоката при злоупотреблении полномочиями наступает материальный ущерб, а превышение наносит вред правам личности и государству в целом [5].

Наш анализ судебной практики не подтверждает абсолютности второго и третьего критерия, хотя автор и сам признает выдвинутый им третий критерий несовершенным. Многие исследователи посвящали свое внимание проблеме изучения разграничения этих родственных составов. При этом справедливым представляется мнение В.Н. Боркова, высказанное им о невозможности выделения формальных критериев, как то мотив и форма деяния. Этот исследователь иронично заметил, что такие критерии подходят для статистической отчетности, однако плохо коррелируют с реальной действительностью. Часть исследователей по результатам проведенного анализа приходила к выводу о нецелесообразности существования этих составов в качестве отдельных статей уголовного закона России, подразумевая необходимость их слияния в единый обобщенный состав преступления [6, с. 196].

Традиционно выделение преступлений в отдельные составы бывает обычно вызвано двумя причинами. Во-первых, необходимостью дифференциации ответственности, а во-вторых, нежеланием законодателя детализировать объективную сторону преступления. В данном случае мы не наблюдаем действия первого фактора, поскольку в значительной степени наказания, помещенные в санкции обеих статей за исключением части третьей обеих статей повторяют друг друга. Сходство в этих составах наблюдается и в объекте преступного посягательства, обе эти нормы имеют спецсубъект, а также совпадают по последствиям совершения преступления в виде наступления существенного вреда, однако по объективной стороне и такому компоненту субъективной стороны как мотив эти составы отличаются.

Статья 285 предполагает совершение этого преступного деяния с корыстным мотивом или иной личной заинтересованностью, тогда как при квалификации деяний по ст. 286 УК РФ мотивационный компонент значения не имеет. В одном случае в объективной стороне состава преступного деяния (ст. 285 УК РФ) злоупотребления должностными полномочиями совершаются вопреки интересам службы, во втором (ст.286 УК РФ) наблюдается явный вход за пределы предоставленных должностных полномочий. Отметим, что с советских времен в ст. 285 УК РФ было изменено не только наименование (по сравнению со ст. 170 УК РСФСР), но и объективная сторона, ранее преступным считалось использование служебного положения, а не должностных полномочий как сейчас. Примечательно, что инерционность мышления правоприменителей такова, что высшая судебная инстанция вынуждена была, отменяя некоторые приговоры, пояснить, что в ст. 285 УК РФ речь идет конкретно о злоупотреблении должностными полномочиями, а не о злоупотреблении служебным положением. Например, нет состава преступления, предусмотренного в ст. 285 УК РФ, в ситуации, когда работник ФСНП угрожал работникам автосервиса увольнением, принуждая их к бесплатному ремонту своей машины [8, с. 15].

Верховный Суд РФ требовал пояснить, и в приговоре, и материалах уголовного дела, указывая объем полномочий и нормативно-правовые акты, их предоставившие. Причем достаточно конкретно: часть, пункт, статью, при невыполнении такого условия равным образом действующего и для злоупотребления, и для превышения должностных полномочий, ликвидировать эту лакуну в самом судебном

заседании при слушании дела не представляется возможным, поэтому, согласно ст. 237 УПК РФ, его требуется возвращать для устранения препятствий к рассмотрению дела в суде.

Последствием этого будет возможность привлечения к уголовной ответственности только за те деяния, которые возникли из компетенции и должностных полномочий, а те случаи, которые связаны с должностным положением, в частности сформированные дружеские и служебные связи, авторитет власти, не подлежат криминализации, поскольку формально не входят в компетенцию, хотя и возникли из-за занимаемого субъектом должностного положения. Интересно, что главным признаком объективной стороны преступления в ст. 285 УК РФ является действия вопреки интересам службы, причем речь идет о возложенных на аппарат публичной власти задачах, даже если они противоречили закону, но не интересам дела, то состав преступления, предусмотренный ст. 285 УК РФ, по мнению А. В. Иванчина и М. Н. Каплина, отсутствует [3, с. 78].

Отдельные исследователи полагают, что в тех случаях, когда должностное лицо совершает действия, формально соответствующие его полномочиям, однако в конкретном случае – незаконные, то таким образом это лицо совершает не только выход за пределы своих полномочий, но и совершает частный случай злоупотребления полномочиями.

А. Грибов полагает, что нельзя утверждать, что эти составы преступлений соотносятся как общее и частное, а, с его точки зрения, они частично пересекаются, он полагает, что вместе оба этих состава составляют злоупотребление служебным положением, т.е. его противоправное использование. Этот исследователь занимает противоречивую позицию: с одной стороны, он одобряет и считает обоснованным установление ответственности не только за злоупотребление, но и за превышение полномочий, а с другой, считает, что в данном случае законодатель нарушает принцип экономии законодательного текста, полагая, что между указанными составами происходит конкуренция в тех случаях, когда лицом совершаются полномочия, которые входят в его компетенцию, однако в определенных случаях являющиеся незаконными.

Следует согласиться, что ключевым критерием разграничения в таком случае остается мотивационный компонент, однако личная заинтересованность – крайне расплывчатый критерий, могущий трактоваться очень широко. Причем, если корыстная заинтересованность обычно выражается в получении взятки, что на практике доказать вполне можно, то корыстнонизменный мотив бывает установить затруднительно.

Как ранее было отмечено, мотив преступления – условный критерий, используемый для разграничения рассматриваемых преступных деяний. Например, когда лицом совершается злоупотребление должностными полномочиями и при этом отсутствуют указанные в законе побуждения, это не означает квалификацию в качестве превышения должностными полномочиями. Данное обстоятельство лишь свидетельствует об отсутствии в деянии лица состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что, осуществляя разграничение злоупотребления должностными полномочиями и их превышения, правоприменителю необходимо основываться не только на определении и исследовании мотивов совершения данных общественно опасных деяний, но и на наличии/отсутствии у субъекта преступления должностных полномочий, поскольку превышение полномочиями может быть в том числе совершено и общим субъектом преступления, не имеющим признаков специального. Кроме того, возможны правовые последствия в качестве возникновения прав и обязанностей для иных лиц, в то время как при превышении должностными полномочиями основания для их реализации либо отсутствуют либо отсутствуют основания для реализации полномочий либо отсутствует возможность их реализовать таким образом, то есть за рамками той процедурной формы, которая предписана нормативными актами.

Литература

1. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1991. 204с.
2. Греков К.А. Соотношение категорий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» в уголовном праве России // Юристъ-Правоведъ. 2007. №2 (21). С. 115–117.
3. Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 108с.
4. Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 204с.
5. Отличие злоупотребления от превышения должностных полномочий // URL: https://advokat-osherov.ru/blog/ (дата обращения: 14.05.2020).
6. Соловьев О.Г., Авдеев О.Ю. Конструирование диспозиции уголовно-правовой нормы: особенности использования приемов законодательной техники / Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2011. С. 194–201.
7. Современный словарь по политологии / Под ред. В. А. Мельника. Минск: Книжный Дом, 2004.
8. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): Методические рекомендации. Омск, 2013. 31с.

УДК 343.2/.7

СПЕЦИФИКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННОЙ С ИНСТИТУТОМ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

© 2021 г. А.И. Королевский, Н.Г. Осадчая

Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66

Rostov Branch of
Russian State
University of Justice,
66, Lenina St.,
Rostov-on-Don, 344038

Настоящая статья содержит анализ специального законодательства, регулирующего вопросы применения оружия и специальных средств сотрудниками правоохранительных органов при задержании лица, совершившего общественно-опасное деяние. Во избежание трудностей практики применения уголовного закона по аналогии и для детальной правовой регламентации авторами предлагается рассмотреть вопрос о включении в уголовное законодательство Российской Федерации норм, регулирующих вопросы квалификации вреда, причинённого при ошибке в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: *необходимая оборона, уголовное право, полиция, причинение вреда при задержании лица, уголовная ответственность сотрудников правоохранительных органов, специальные средства.*

This article analyses special legislation regulating the use of weapons and special means by law enforcement officers when detaining a person who has committed a socially dangerous act. In order to avoid difficulties in the practice of applying criminal law by analogy and for detailed legal regulation, the authors propose to consider the inclusion in the criminal legislation of the Russian Federation of norms regulating the qualification of harm caused by an error in the presence of circumstances that exclude the criminality of the act.

Keywords: *necessary defense, criminal law, police, causing harm during the detention of a person, criminal liability of law enforcement officers, special means.*

Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, долгое время изучался многими учёными-правоведами, однако в настоящее время в правоприменительной практике возникают вопросы, связанные с установлением допустимых пределов причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

В статье 38 УК РФ прописано, что причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, не является преступлением, причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. А во второй части данной статьи указывается: превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. [1]. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Следует отметить, что согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 (далее – ППВС РФ № 19) правомерные действия сотрудников, исполняющих служебные обязанности в пределах установленных специальным законодательством для охраны правопорядка, состояние необходимой обороны не образуют. Необходимо учитывать, что если вред был причинён после совершения или окончания преступления и необходимость применения силовых мер отпала, то в зависимости от конкретных обстоятельств деяние может быть квалицировано по статье 38 УК РФ или же на общих основаниях. Формально институт причинения вреда включён в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. Отличие данных обстоятельств от иных институтов уголовного права, которые содержат основания малозначительности деяния или освобождения от уголовной ответственности, в том, что деяния, исключающие преступность, не представляют общественной опасности в контексте защиты прав граждан. Законодатель подошёл к правомерности причинения при задержании довольно жёстко, поэтому иногда следует при рассмотрении дела удостовериться в отсутствии в составе признаков необходимой обороны, например, если преступник оказывает сопро-

тивление, сопряжённое с насилием по отношению к задерживающим субъектам, то деяние следует квалифицировать как необходимую оборону.

Возникает вопрос: имеет ли место институт задержания при приготовлении к преступлению, при покушении на преступление или в данном случае речь идёт о необходимой обороне. Необходимая оборона возникает в случае наступления опасности причинения вреда конкретным интересам, а при задержании интересы, как правило, уже нарушены, кроме случаев задержания преступника в момент приготовления или покушения на преступление [2].

С.Г. Келина по этому поводу пишет: отличие необходимой обороны от задержания лица заключается в том, что при задержании отсутствует принцип внезапности нападения [3]. С этим суждением нельзя согласиться в полной мере, так как задержание может производиться без подготовки, в том числе в отношении особо опасных преступников, поэтому предусмотреть детали задержания и поведение задерживаемого представляется затруднительным.

Приведём пример. Сотрудники полиции пытались проверить документы молодых людей, последние попытались скрыться на автомобиле, нарушая при этом правила дорожного движения опасным способом. Полицейские преследовали молодых людей на служебном автомобиле, в результате погони произошло дорожно-транспортное происшествие. При задержании один из преступников использовал травматическое оружие против сотрудников полиции, второй попытался выхватить из рук полицейского табельное оружие, тогда старший лейтенант произвёл два выстрела в предплечье задерживаемого. При задержании также были изъяты наркотические вещества [4].

В данном случае мы имеем дело с институтом задержания, который трансформировался в процессе совершения нападения задерживаемых лиц на задерживающих сотрудников полиции в институт необходимой обороны. Нельзя сказать, что задерживающий всегда готов к активным действиям со стороны преступника. Следует отметить, что правом на задержание преступника обладают не только сотрудники охраны правопорядка и наделённые специальным правом лица, но и пострадавшие, свидетели преступления, если им достоверно известны обстоятельства его совершения. В отношении указанных лиц применяются положения статьи 38 УК РФ в случае причинения ими вреда не при необходимой обороне, а в случае задержания ими лица, совершившего преступление. Задержание преступника иными лицами должно совершаться исключительно с целью доставления преступника органам правопорядка или для пресечения совершения преступления, если отсутствовала возможность осуществить задержание без причинения вреда.

Общественная опасность причинения вреда при задержании исключается при совокупности следующих обстоятельств: правомерная цель задержания, вынужденный характер и соразмерность причинения ущерба в конкретных обстоятельствах дела. Приведём пример из практики. Инспекторы дорожно-патрульной службы производили попытку задержания автомобиля, передвигавшегося с многократным превышением скоростного режима, согласно данным полиции, в автомобиле могли находиться лица, подозреваемые в совершении преступлении. Когда автомобиль удалось блокировать, водитель и его пассажиры, находясь в состоянии наркотического опьянения, оказывали активное сопротивление сотрудникам полиции, поэтому последние произвели несколько предупредительных выстрелов, а затем в целях пресечения нападения выстрелил правонарушителю в ногу [5]. В данном случае от административного правонарушения правонарушители перешли к действиям, характеризующимся как преступление, таким образом, причинённый ущерб при задержании был обоснован сопротивлением преступников. Однако здесь возникает вопрос о том, возникло ли при этом состояние необходимой обороны. В связи с этим вопросом предлагаем разделять сопротивление на насильственное, порождающее необходимую оборону, и не ненасильственное. Ненасильственное сопротивление, равно как и неповиновение в соответствии со статьей 19.3 КоАП РФ, выражается в пассивном или активном поведении, при котором преступник отказывается следовать за задерживающими лицами, например, пытается привязать себя к предметам обстановки или ложиться на землю. ППВС № 19 в пункте 21 указал на необходимость установления судами правомерности причинения вреда при условии невозможности совершения задержания иными средствами.

Институты необходимой обороны и задержания лица имеют общие черты, например, их общей целью является защита охраняемых законом правоотношений, а признаком – дозволение правомерного причинения вреда и исключение преступности деяний при его применении.

Задержание для уполномоченных лиц является в большей степени служебной обязанностью, при невыполнении которой к лицу применяются соответствующие виды ответственности (дисциплинарной и уголовной при преступном бездействии).

При задержании согласно статьям УК РФ речь идёт о совершении задерживаемым лицом преступления. На практике возникают ситуации, когда уяснить, имеет ли деяние все признаки преступления, представляется затруднительным, кроме того сотрудник органов правопорядка или гражданин в момент задержания должны определить вменяемость преступника и квалифицировать деяние. Задержание также применимо и в отношении лиц, совершивших административное

правонарушение, что приобретает особую важность в рамках декриминализации, среди примеров нарушение режима чрезвычайной ситуации, стрельба в неположенном месте, причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью при нарушении правил дорожного движения, действия, угрожающие опасности на водном транспорте, и т.д.

ППВС № 19 указывает, что если при задержании лицо добросовестно заблуждалось в отношении характера правонарушения, то его действия можно оценивать по правилам статьи 38 УК РФ, если обстановка совершения противоправного деяния позволяла принять административное правонарушение за преступление, если же по обстоятельствам дела задерживающее лицо могло и должно было осознавать характер деяния, то причинение вреда при задержании следует квалифицировать как неосторожное преступление. Заслуживает внимание вопрос о задержании лиц, совершивших дисциплинарные проступки, должностных лиц, обеспечивающих безопасность и охрану правопорядка, работающих на атомных электростанциях [6] или ядерных производствах, обеспечивающих работу транспорта, гидроэлектростанций и т.д. Примером может служить крушение пассажирского самолёта Боинг 735-505, причиной которого стало потеря управления самолётом пилотом, находившимся в состоянии опьянения [7]. В подобных случаях применение властного принуждения может способствовать порядку и предотвращению подобных ситуаций. В отношении военнослужащих допустимо применение таких обеспечительных мер, как задержание и доставление, в том числе при нарушении им воинской дисциплины. В некоторых случаях к военнослужащим может быть применена такая мера, как дисциплинарный арест [8].

Применение задержания может быть обусловлено специальным статусом задерживаемого, источником повышенной опасности, обеспечение которого зависит от действий определенных лиц, дисциплина которых имеет значение для защиты и охраны общественных отношений. Считаем необходимым изменить слово «преступление» на «общественно-опасное деяние» в статье 38 УК для того, чтобы под действие указанно статьи попали случаи задержания лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и лиц, которые невиновно причинили уголовно-значимый вред.

Отметим, что применение норм, закреплённых в статье 38 УК РФ, а также в части 2 статьи 108, части 2 статьи 114 УК РФ об ответственности за превышение мер при задержании лица встречается не часто, однако для определения роли института задержания следует рассматривать его применение в судебной практике. Приведём пример из Обзора практики Верховного суда от 22 мая 2019 года. В Обзоре сказано, что у судов возникают трудности при установлении факта превышения установленных законом пределов причинения вреда при задержании. Далее следует практика Зеленоградского районного суда города Москвы 2015 года, согласно которой инспектор Дорожно-патрульной службы Н. при исполнении своих обязанностей по указанию начальника о выезде на место совершения преступления прибыл в указанное место, где находились преступники С., Э., Л. На место преступления прибыли также двое других сотрудников правоохранительных органов. В момент задержания Н. нанёс удары С., который лежал на полу и не оказывал сопротивления. В результате деяний Н. был причинён лёгкий вред здоровью. Осуждённый Н. в свою защиту сообщил, что С. предпринимал попытки подняться и, так как не был в наручниках, мог выхватить пистолет у рядом лежащего соучастника преступления. Через стеклянные двери Н. заметил у соучастников С. предметы, похожие на огнестрельное оружие. Осуждённый Н. обосновал свои действия пресечением угрожающей опасности применения огнестрельного оружия, также он утверждал, что после применения физической силы на С. были надеты наручники. Согласно свидетельским показаниям Н. применил силу после предупреждений и с учётом обстановки, также Н. был поощрён премией за задержание. Судом первой инстанции действия Н. были квалифицированы по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ.

Судом апелляционной инстанции на основании видеоматериалов и свидетельских показаний были сделаны следующие выводы. Сотрудники правоохранительных органов прибыли на место совершения преступления в ночное время. На основании полученной информации у Н. были все основания полагать, что у преступников могут быть при себе орудия преступления, кроме того Н. увидел в руках преступников предметы, которые могли таковыми являться. Специальные средства, необходимые для произведения задержания, у Н. отсутствовали, поэтому он сделал предупреждение о том, чтобы преступники легли на пол и не двигались. При нанесении ударов потерпевшему Н. руководствовался требованиями разумности для предотвращения угрозы жизни и здоровью сотрудников полиции. Об этом свидетельствовали место, время, количество задерживаемых и задерживающих лиц, вооружённость преступников. Также с учётом всех доказательств, имеющихся в деле, суд апелляционной инстанции не усмотрел в действиях Н. умысла на превышение должностных полномочий при причинении вреда. Следует отметить, что суд первой инстанции не оценил имеющиеся в деле видеозаписи, которые являлись относимым, допустимым и достоверным доказательством по делу. Таким образом, судебная коллегия по уголовным дела отменила обвинительный приговор суда первой инстанции.

Задержание относится к специальным полномочиям не только правоохранительных органов, но и войск национальной гвардии (пункт 2 части 1 статьи 8 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» (далее – ФЗ №266). Военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии обязаны задерживать подозреваемых в совершении преступления лиц, находящихся в розыске для доставления в органы полиции. Правом задержания обладают дознаватель, следователь, которые относятся к органам внутренних дел, и командиры воинских подразделений войск национальной гвардии. Задержание силами органов внутренних дел и военных формирований имеет специфику, например, военные органы расследуют преступления, совершённые военнослужащими, лицами, проходящими военные сборы, гражданским персоналом Вооружённых сил и т.д. В то же время задержание силами сотрудников (военнослужащих) войск национальной гвардии может производиться в отношении любых субъектов, которые на момент задержания являются подозреваемыми в совершении общественно-опасного деяния.

Задержание представляется мерой принуждения, которая производится органов дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица. Таким образом, задержание производится в два этапа, поэтому уголовно-правовое задержание следует отличать от уголовно-процессуального, отметим, что УПК РФ не регулирует сам порядок лишения свободы передвижения или момент физического задержания.

Возникает также вопрос касательно статуса задерживаемого лица, так как считать такое лицо подозреваемым de jure с момента его доставления до составления протокола о задержании или при несоставлении такого протокола в случае допущения ошибки не представляется возможным. Для исследования институт задержания лица в данной работе нами используются термины «преступник», «подозреваемый», «задерживаемый», «обвиняемый», однако указанные понятия не равнозначны. Закон №266 содержит обязанность уполномоченных служащих осуществить доставление задержанного лица в органы внутренних дел в течение 3 часов с момента физического задержания. Соответственно, возникает вопрос о статусе лица в течение указанных 3 часов и входит ли указанный срок в иные процессуальные сроки, предусмотренные статьями 92, 94 УПК РФ.

Федеральный закон № 226-ФЗ содержит предписание, разрешающее сотрудникам войск национальной гвардии использовать подручные средства при отсутствии специальных средств или оружия для задержания лица, а также при состоянии крайней необходимости или необходимой обороны. В рамках несения военной службы согласно Уставу Вооружённых сил РФ каждый военнослужащий должен действовать разумно с учётом обоснованного риска, однако обоснованный риск необходимо отграничивать от принципа разумности, который служит пределом для правомерности причинения вреда при задержании [9]. Если военнослужащие действуют в режиме контртеррористической операции и при совершении определённых действий для задержания преступников или ликвидации террористической группировки, возможно причинение ущерба гражданским лицам или военнослужащим, как имущественного, так и вреда здоровью, здесь речь идёт об обоснованном риске, который исключает преступления, регламентированные статьями 285, 286 УК РФ. Доказательством обоснованности будут служить данные рекогносцировки, разведки и иные обстоятельства, имеющие значение по делу.

Специфика задержания обусловлена, в том числе, ведомственными нормативно-правовыми актами, например инструкциями Министерства Внутренних дел и иных органов охраны правопорядка. Так, приказом МВД РФ от 29 января 2008 года № 80 регулируются вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (ППСП). В соответствии с указанным приказом деятельность ППСП основывается на законности и соблюдении прав и свободе человека и гражданина. Одной из задач деятельности ППСП является предупреждение и пресечение общественно-опасных деяний при патрулировании, а также задержание лиц, совершивших преступление. Руководитель структурных подразделений службы обязан обеспечить проведение соответствующего инструктажа по указанным вопросам.

Заместитель руководителя подразделения проверяет знание порядка эксплуатации специальных средств и применения оружия. Приказ МВД запрещает вооружать полицейских, которые не прошли первоначальную подготовку. Также указанный Приказ содержит указание о том, на кого во время службы должны обращать внимание сотрудники, например на лиц, которые одеты не по погоде или часто появляются возле банков и учреждений торговли. Обязанностью сотрудников ППСП является принятие мер, исключающих возможность внезапного нападения. Для того чтобы произвести задержание с помощью других нарядов, сотрудник службы подаёт специальный сигнал. Интересно, что Приказ МВД использует понятие крайней необходимости при регламентации применения табельного оружия для предупредительного выстрела или подачи сигнала тревоги. При определении качества несения службы оценивается характер и способы реагирования на совершённые преступления, их пресечение и своевременность задержания преступников. Для показателей активности при выполнении обязанностей используются количественные показатели. В качестве специальных средств сотруд-

никами могут быть использованы служебные собаки для предотвращения нападения на сотрудников, пресечения сопротивления при задержании, непосредственно для задержания лица.

Однако следует учитывать, что речь идёт о задержании лица, который пытается скрыться, или имеются основания полагать, что он вооружён или предпримет попытки причинения ущерба себе или иным лицам. Патрулирование с собаками без намордника, а также использование собак лицом, не прошедшим специальное кинологическое обучение, запрещается. Для того чтобы определить правомерности причинённого ущерба с использованием собаки, необходимо соблюдать требования уголовного закона и специального законодательства, например, при производстве обыска собака может находиться без намордника в 3 метрах от задержанного, перед пуском собаки без намордники и ошейника для целей задержания сотрудник полиции должен предупредить о совершении указанных действий. Также в случае причинения собакой вреда здоровью задержанного сотрудник полиции должен оказать ему первую помощь. Обстоятельства, причины и способы применения собаки для задержания должны быть отражены в рапорте сотрудника полиции, который в случае производства уголовного дела в связи с причинением ущерба при задержании будет служить письменным доказательством. В соответствии с нормативными инструкциями МВД при задержании лица необходимо оценить правомерность своих действий, возможности задержания, условия задержания и определить тактику. При задержании нормы подзаконных нормативных актов предписывают учитывать личность задерживаемого, последствия в случае незадержания, наличие или отсутствие факторов, препятствующих задержанию, возможность применения задерживаемым лицом оружия, основания правомерности применения сотрудником полиции специальных средств, огнестрельного оружия и физического принуждения. Особое внимание уделяется необходимости установления наличия у преступника возможности использования оружия. В отдельных случаях при произведении задержания преступнику не сообщаются действительные основания его задержания, а используется отвлечённое основание, например, проверка паспортного режима в условиях карантина или не соблюдение правил дорожного движения.

Таким образом, при изучении нормативных актов о задержании лица, совершившего общественное деяние, нами были выявлены некоторые нормы о задержании, нарушение которых может свидетельствовать о превышении должностных полномочий при задержании лица или о несоответствии причинённого вреда при задержании степени общественной опасности деяния, однако, на наш взгляд, указанные инструкции нуждаются в детальном дополнении элементов задержания, например, в отношении задержанных определённых категорий преступников.

Следует отметить особое значение института «ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния», который успешно имплементирован в нормы уголовного законодательства Республики Беларусь. Считаем, что указанный институт способствует правовому развитию института причинения вреда при задержании лица с учётом особенностей национального законодательства. А.Ф. Кони предполагал, что ошибка в суждении о наличии или отсутствии в деяниях признака преступности является правомерным заблуждениям в рамках действия уголовно-правовых норм [10]. Согласно З. Геллеру: «ошибочное предположение наличности «отрицательных обстоятельств деяния» исключает преступность умысла» [11].

Российское нормативно-правовое регулирование не предусматривает ситуации, связанные с ошибкой суждения о том, что производимые при задержании действия исключают преступность деяния.

ППВС № 19 содержит толкование норм статьи 38 УК РФ и оценку вреда при мнимом задержании лица, что, по мнению некоторых учёных, является случаем ошибки [12]. Во избежание трудностей практики применения уголовного закона по аналогии (ст. 28 УК) и для детальной правовой регламентации законодателю следует рассмотреть вопрос о включении в УК РФ норм, регулирующих вопросы квалификации вреда, причинённого при ошибке, в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Литература

1. Каримов, А.А. О готовности сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия // Вестник КЮИ МВД России. 2017. № 1. С.54

2. Милюков С.Ф., Дронова Т.Н. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть: учебник. СПб., 2009. С. 315-361.

3. Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 25.

4. По материалам служебной проверки о применении табельного огнестрельного оружия. Архив УМВД России по Адмиралтейскому району г. СПб.

5. Российская газета. 2017. 06 июня. Официальный сайт Российской газеты // URL:https://rg.ru/.html (Дата обращения: 05.04.2021)

6. Федеральный закон от 08.03.2011 № 35-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии» // Собрание законодательства РФ. 2011.14.03. № 11. Ст. 1504.

7. Российская газета. 2010. 16 сент. Официальный сайт Российской газеты // URL: https://rg.ru/.html (Дата обращения: 05.04.2021)

8. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.10.2018 № 597) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 2007.19.11. № 47 (1 ч.). Ст. 5749

9. Чукин Д.С. Правовые коллизии в части регулирования права военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 86 - 91.

10. Кони А.Ф. Об ошибке в области уголовного права // Журнал Министерства Юстиции. 1866. № 6.

11. Геллер З. Ошибка человека и значение ее при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьев. Тип. К. Маттисен, 1910. С. 116.

12. Духовник Ю.Е. Юридическая природа ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния / Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика. Махачкала, 2015. С. 48-49

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

© 2021 г. Е.Ю. Коруненко, Л.А. Кочергина

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В настоящей статье рассматриваются вопросы реализации отдельных видов освобождения от уголовного наказания в Российской Федерации, даётся характеристика данного уголовно-правового института в контексте гуманизации уголовно-правовой политики, рассматриваются проблемы отдельных его видов. Затрагивается ряд вопросов, касающихся повышения эффективности института освобождения от наказания за счет обоснованного и правильного его применения строго в соответствии с требованиями закона, четкой регламентации и строгого соблюдения условий применения.

Ключевые слова: *освобождение от наказания, амнистия, условно-досрочное освобождение, помилование, отсрочка от исполнения наказания.*

This article considers the implementation of certain types of exemption from criminal punishment in the Russian Federation, describes this criminal-law institution in the context of the humanization of criminal-law policy, and considers the problems of its individual types. A number of issues related to improving the effectiveness of the institution of release from punishment due to its reasonable and correct application strictly in accordance with the requirements of the law, clear regulation and strict compliance with the conditions of application are discussed.

Key words: *release from punishment, amnesty, parole, pardon, deferral from execution of punishment*.

В современный период институт освобождения от уголовного наказания продолжает оставаться одним из основных механизмов, осуществляющих эффективность принципа гуманизма в процессе противодействия преступности и превентивных мер, и реализацию разумного компромисса среди различных категорий осужденных.

При этом следует понимать, что освобождение от наказания – это не освобождение от уголовной ответственности, так как, если лицо освобождается от уголовной ответственности, соответственно, он становится свободным и от государственного осуждения, которое реализуется и выражается в обвинительном приговоре. Право на освобождение от уголовного наказания реализуется при наличии вынесенного судом обвинительного приговора. Этот институт уголовного права характеризуется

тем, что суд может принять решение о неприменении наказания к осужденному лицу или освободить его от отбытия наказания до истечения срока, установленного в приговоре.

Рассматриваемый институт имеет важное значение в качестве разумного компромисса, так как способствует положительному посткриминальному поведению лиц, которые были осуждены за совершенное преступление. Данный институт – это своего рода альтернатива последующего отбывания наказания лицами, которые совершили отдельные категории и виды преступлений. Значимость освобождения от уголовного наказания, прежде всего связанного с лишением свободы, проявляется и в снижении экономических расходов государства на содержание осуждённых лиц в местах лишения свободы, что имеет значение в сложившихся экономических условиях [3, с. 34].

Безусловно, задача на сокращение числа осужденных в местах лишения свободы не выступает первостепенной для исследуемого правового института, основополагающим является углубление дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности [5, с. 487]. В связи с этим исследование вопроса о допустимости распространения идеи компромисса на институт освобождения от уголовного наказания достаточно актуально в силу необходимости укрепления гуманистических тенденций уголовной политики, что должно способствовать формированию новой социально-нравственной ситуации в сфере уголовного наказания.

Стоит отметить, что дефиниция «освобождение от наказания» в уголовной доктрине означает и полное освобождение от наказания, и варианты его смягчения.

Правовая регламентация института освобождения от наказания осуществляется нормами УК РФ [1], глава двенадцатая которого так и называется «Освобождение от наказания». Современная правоприменительная практика определяет виды освобождения от наказания, среди которых следующие:

- условно-досрочное освобождение (УДО);
- замена неотбытой части более мягким;
- освобождение от наказания (по болезни, по причине изменения обстановки);
- отсрочка (беременным; женщинам и мужчинам, имеющим детей до 14 лет; больным наркоманией);
- освобождение от отбывания наказания по истечению сроков давности обвинительного приговора.

Специалисты отмечают, что условное осуждение также следует относить к видам освобождения от наказания [6, с. 67].

Ряд авторов утверждает, что помимо главы двенадцатой УК РФ, отдельные виды наказания изложены и в других главах уголовного закона, соответственно можно добавить к имеющимся следующие виды освобождения: помилование, амнистия, принудительные меры воспитательного воздействия или помещение в специальное учреждение [12, с. 19].

Важно подчеркнуть, что решение об освобождении наказания может принять только суд посредством вынесения решения:

- о не назначении наказания осуждённому;
- об освобождении от реального отбытия наказания;
- об отсрочке отбывания наказания;
- о досрочном освобождении от отбывания оставшейся части наказания.

В специальной литературе имеется множество классификаций освобождения от наказания [7, с. 34]. При этом единый содержательный критерий, который бы можно было бы положить в основу классификации видов освобождения от наказания, уголовно-правовая доктрина не предлагает. Исследователи подразделяют виды освобождения от наказания на обязательные и факультативные; условные и безусловные и др. Наиболее распространённым среди специалистов является классификация, исходя из их распределения в структуре УК РФ.

К общеправовому основанию освобождения от наказания относится не возможность или нецелесообразность его исполнения из-за утраты или снижения общественной опасности совершенного преступного деяния или лица, которое его совершило [11, с. 10].

Говоря о социальной сущности рассматриваемого института, стоит заметить, что она заключается в стимулировании превенции и ресоциализации осуждённых.

Анализ судебной практики свидетельствует, что правоприменители недостаточно эффективно используют институт освобождения от наказания, а в применении индивидуально имеется ряд проблем. К сожалению, тема объемна и мы остановимся более подробно лишь на некоторых из рассматриваемых видах.

Прежде всего, необходимо отметить, что, несмотря на то, что государством в качестве одного из направлений уголовной политики была провозглашена гуманизация, количество решений судов об освобождении от наказания свидетельствует об устойчивой динамике к снижению. Так, количество лиц, попадающих под амнистию, постоянно снижается.

Аналогичная ситуация и с помилованием. После прекращения деятельности в 2001 году Комиссии по помилованиям и передачи этой функции на региональный уровень, количество положительных решений значительно сократилось. Так, за 2019 год региональные комиссии приняли решение об удовлетворении менее чем 5% ходатайств. По итогам 2020 года комиссия по помилованию Ростовской области рассмотрела 110 ходатайств сужденных (из них – 22 от женщин). Положительное решение было принято только в отношении одного человека.

Подобная ситуация наблюдается и в других региональных комиссиях РФ. Эксперты отмечают в качестве основной проблемы неэффективности деятельности этих комиссий отсутствие четких критериев, наличие которых даёт возможность получить положительное заключение на своё ходатайство [9, с. 57]. Это обусловлено тем, что при применении амнистии отсутствует дифференцированный подход, а её применение базируется преимущественно на политических соображениях.

Еще одним проблемным аспектом института освобождения от наказания, который активно дискутируется как теоретиками, так и практиками уголовного права, является освобождение от наказания по статьи 82.1. УК РФ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» [2]. За десять лет её применения ряд проблем остался неразрешенным, несмотря на то, что за этот период она редактировалась уже дважды – в 2013 и 2016 году. В части первой установлено положение о наличии решения суда об отсрочке отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения, полной реабилитации при наличии нескольких условий. В данном случае основополагающим выступает изменение времени исполнения наказания, оно передвигается на более поздний срок. Осуждённый должен соблюдать все условия отсрочки, тогда суд может освободить осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания [9, с. 59].

Ряд специалистов полагает, что можно применять отсрочку отбывания наказания по основаниям ст. 82.1 УК РФ, более расширенному кругу составов преступлений УК РФ [10, с. 56].

У ряда авторов вызывают возражения срок ремиссии, установленный законодателем, – два года. Они аргументируют это тем, что согласно медицинским данным срок ремиссии у больных наркоманией составляет 12 месяцев, но при этом её полный цикл проходит менее 20%, страдающих наркотической зависимостью. Помимо этого, в отдельных исследованиях авторы отмечают, что доказанные эффективные средства лечения от этого недуга отсутствуют, а выздоравливают лишь 10-20 % пациентов. Проблемным остаётся вопрос и по поводу субъекта, уполномоченного отслеживать и давать оценку результата ремиссии в течение двух лет. Могут ли этим заниматься негосударственные медицинские центры?

Наравне с другими видами освобождения от наказания, отсрочка отбывания наказания по ст.82.1. УК РФ популярности в правоприменительной практике не получила, в частности лечение и восстановление наркозависимых – дорогое удовольствие для государства. Еще стоит отметить, что в процессе реализации данной отсрочки происходит ряд правоограничений для осужденного, которые занимают продолжительное время и выходят за пределы срока самого наказания.

Необходимо отметить, что наиболее распространённым видом освобождения от наказания попрежнему остаётся условно-досрочное освобождение [4, с. 440]. Согласно данным Верховного Суда России ежегодно в судах рассматривается около 130 тысяч ходатайств об УДО, а удовлетворяется лишь незначительная часть. С каждым годом суды все жестче подходят к решению этого вопроса, и за последние 10 лет процент положительных решений снизился почти вдвое. Представим динамику вынесения судебных решений об УДО за последние четыре года на основе статистических данных Судебного департамента при ВС РФ на рисунке 1, отметив, что данные за 2020 год еще не опубликованы.

Анализируя вышеуказанные данные, можем отметить, что количество положительных решений судов по УДО имеет устойчивую тенденцию к снижению. Это общероссийская тенденция, наблюдаемая во многих субъектах РФ, что, по мнению экспертов, свидетельствует об усилении репрессивных начал в уголовном судопроизводстве.

В качестве еще одной проблемы применения УДО можно указать вопрос об объективности и прозрачности принимаемых решений обусловно-досрочном освобождении. В последние годы сомнения высказывают не только представители социума, далёкие от юридических проблем, но и профессиональные юристы и представители политических кругов. Примером может быть решение об условно-досрочном освобождение фигурантов по скандальному делу «Оборонсервиса», а также арест ряда руководящих сотрудников ФСИН по обвинению в коррупции, в том числе и по вопросам предоставления учреждениями исполнения наказаний положительных заключений в суд для отдельных категорий осужденных. Полагаем, что коррупционные факторы при решении вопросов об УДО возможно устранить посредством повышения общественного контроля со стороны институтов гражданского общества за принимаемыми решениями, в том числе и со стороны уполномоченных по правам человека в субъектах РФ.

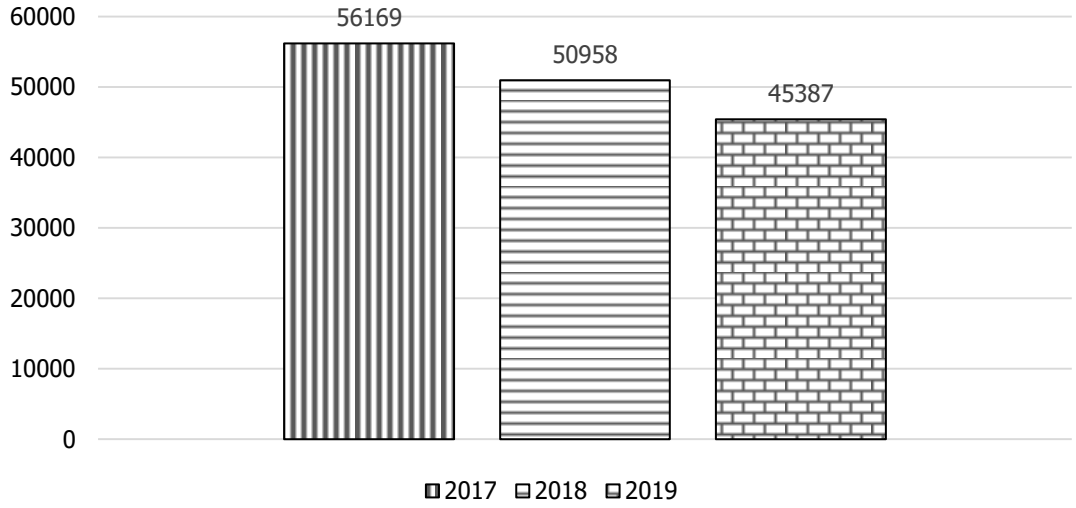

Рисунок 1. Динамика вынесения судами решений об условно-досрочном освобождении

Подводя итоги, необходимо отметить, что в статье была обозначена лишь небольшая часть проблем из имеющихся в теории и практики освобождения от наказания, что ни коим образом не принижает значения института освобождения от наказания, так как длительное существование уголовной юстиции свидетельствует о том, что добиться снижения преступности только репрессивными мерами невозможно. Повысить эффективность рассматриваемого института освобождения от наказания возможно только при условии обоснованного и правильного его применения строго в соответствии с требованиями закона, четкой регламентации и строгого соблюдения условий применения всех видов освобождения от наказания.

Литература и источники

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (в актуальной редакции) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
3. Бапинаева Т.М. Проблемы освобождения от наказания в уголовном законодательстве РФ // Студенческий. 2019. № 30-3 (74). С. 33-35.
4. Баталина Г.М. Отдельные проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Аллея науки. 2019. № 8. С. 439-447
5. Бжассо Д.Н. Освобождение от уголовного наказания // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 7 (34). С. 486-488
6. Борукаева Л.А. Виды освобождения от уголовного наказания // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 66-70.
7. Бриллиантов А.В. Освобождение от наказания: законодательство, теория и судебная практика: Монография. М.: РГУП, 2019. – 96 с.
8. Губайдуллина Э.М. Применение условного осуждения и отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1. С. 144-147.
9. Савельев Д. В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 191с.
10. Скобелин С.Ю. Юридическая природа и потенциал отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 54-61.
11. Терентьева В.А. О понятии освобождения от уголовного наказания в доктрине уголовного права // Уголовная юстиция.2017. № 10. С. 9-13
12. Толкаченко А.А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8 (116). С. 18-27.

УДК 343.222

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

© 2021 г Г.Ю. Лесников[1], С.Н. Безуглый[2], И.М. Цуриков[3]

[1]ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
119991, Москва, ГСП-1, ул. Житная, 14

Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia»,
GSP-1, 14 Zhitnaya, str., Moscow, 119991

[2]Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

[3]Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, 6

Russian State University For The Humanities
6, Miusskaya square, Moscow, GSP-3, 125993

Статья посвящена базовым основам ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Авторами рассматриваются отдельные законодательные положения, описывающие условия признания лиц находящимися в состоянии опьянения. Рассмотрен проблемный вопрос о возможности признания таких лиц невменяемыми. Сделан вывод о терминологическом несоответствии положений уголовного закона в части определения опьянения субъекта. Авторами также отмечается отсутствие в уголовном законе нормативных оснований для лечения лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией. Сделан вывод о необходимости разработки такого механизма, предложено также учитывать результаты лечения при решении вопроса об условно-досрочном освобождении.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, преступление, опьянение, определение опьянения, невменяемость, справедливость.*

The article presents the basic principles of liability of persons who have committed a crime in a state of intoxication. The authors consider some legislative provisions describing the conditions for recognizing a person as the one in a state of intoxication. The authors consider a problematic issue of the possibility of recognizing such a person as insane. The conclusion is made about the terminological inconsistency of criminal-law provisions in terms of defining intoxication. The authors also outline the absence of normative grounds for the treatment of persons suffering from alcoholism and drug addiction in the criminal law. It is concluded that it is necessary to develop such a mechanism; it is also proposed to take into account the results of treatment when deciding on the issue of parole.

Key words: *criminal liability, crime, intoxication, definition of intoxication, insanity, justice.*

Определение состояния человека в момент совершения преступления имеет большое значение в практической деятельности правоохранительных органов. Прежде всего, с позиций обеспечения справедливости уголовной репрессии при возникновении ответственности и последующем назначении наказания (и то, и другое, по определению, допустимо лишь при наличии вины). Между тем при совершении преступления некоторые состояния, к примеру, транзиторный психоз, вообще исключают возможность привлечения лица к уголовной ответственности, так как человек находится в состоянии невменяемости. Другие же состояния, к примеру физиологическое опьянение, не влияя на возможность лица быть привлеченным к уголовной ответственности, могут учитываться при индивидуализации наказания.

Вопросы, касающиеся изучения состояний человека, в которых он совершает преступление, очень сложны и многогранны, что обусловливается как активным изменением общественных отношений, трансформацией нравственных императивов в обществе, развитием науки, так и причинами технического, экономического характера.

Применительно к рассматриваемой теме следует отметить, что человек старается модернизировать все новые и новые сферы деятельности, внедряя автоматизацию процесса, увеличивая применение механизмов, техники. Однако следует констатировать, что без участия человека все же нельзя обойтись даже в автоматизированных процессах. Относительно этого тезиса и актуализируется изучение ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, хотя актуальность и не исчерпывается только упоминанием про участие нетрезвых лиц в процессах, связанных с техникой, механизмами. И наука [2, с. 1343], и судебная практика [10] находят связь опьянения и насильствен-

ных преступлений, опьянения и преступлений против собственности, связь опьянения и иных групп преступлений. Именно по этой причине необходимо исследовать влияние опьянения на ответственность лица, варианты возможного учета этого состояния при криминализации и пенализации преступлений, возможность признания опьянения основанием для назначения мер медицинского характера.

Состояние опьянения подлежит учету при привлечении лица к уголовной ответственности, но легального определения «состояния опьянения» или «опьянения» в уголовном праве нет. В примечании 2 к ст. 264 УК РФ указано только, что «находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ … или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения». Отсутствует оно и в КоАП РФ, где указано про «установление факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека». Из вышеприведенных законодательных предписаний следует, что установление факта опьянения поставлено исключительно в зависимость от «возможной суммарной погрешности измерений»; минимальных количественных показателей веществ, вызывающих опьянение, в организме человека. Внешние признаки факта опьянения, имеющего юридическое значение, нормативно не определены.

Вместе с тем, в руководстве по наркологии 2002 года [11, с. 420–421] указывается, что формулировка: «установлен факт употребления алкоголя, признаков опьянения не выявлено», по сути, обобщает два самостоятельных состояния, каждому из которых присуща своя микросимптоматика. Во-первых, это состояние, когда освидетельствуемый употребил спиртные напитки в небольшом количестве, недостаточном для проявления опьянения, а во-вторых, когда состояние опьянения, развившееся после употребления значительной дозы алкоголя, уже редуцировалось. В диапазоне концентраций алкоголя в крови от 0,2-0,3 до 0,8-1,0 промилле, как правило, синдрома опьянения выявить не удается, а определяются лишь отдельные признаки действия алкоголя: запах алкоголя изо рта, отдельные нарушения при выполнении координационных проб и др.

Анализируя все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что установление самого факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ еще не является опьянением. Вполне очевидно, что нормативная база 2002 года и 2021 года в значительной степени отличаются, а руководства, методические рекомендации основываются именно на текстах законов. Однако становится очевидным невозможность, даже гипотетически, поставить знак равенства между понятиями «опьянение» и «установленный факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ». В равной мере это относится и к вопросу о признании лица, находящимся в состоянии наркотического опьянения.

В статье не ставится вопрос о повышении количественных значений миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или абсолютного этилового спирта на один литр крови, характеризующих состояние опьянения. По нашему мнению, здесь имеются некоторые терминологические противоречия. Нельзя признать человека находящимся в состоянии опьянения, если такого состояния нет, однако его можно признать лицом, употреблявшим вещества, вызывающие опьянение. В связи с этим полагаем считать формулировку, использованную в примечании к ст. 12.8. КоАП РФ, более корректной, чем примечание 2 к ст. 264 УК РФ.

Возвращаясь к проблематике дефиниций, нужно отметить, что в науке предложено дополнить статью 23 УК РФ определением состояния опьянения как аномального психического состояния лица в момент совершения преступления, вызванного употреблением алкогольной и другой спиртосодержащей продукции, наркотических средств, психотропных или иных психоактивных веществ [6, с. 11]. Обращаясь к опыту законодателей зарубежных стран, можно указать, что имеются прецеденты использования дефиниции «состояния опьянения». Так, его можно встретить в ст. 134-12 Уголовного кодекса Республики Молдовы [14], где оно определяется как состояние лица, возникшее вследствие употребления алкоголя, наркотиков и/или других веществ, вызывающих опьянение, и выразившееся в психофункциональном расстройстве организма. Необходимо указать, что только в Республике Молдова из всех стран СНГ имеется определение состояния опьянения, где сделан акцент на «психофункциональное расстройство организма». Исключительность такого подхода можно объяснить тем, что определение «состояние опьянения» или «опьянения», вызванного разными веществами, не может регламентироваться уголовным законодательном, а является объектом изучения медицины, наркологии, социальной психиатрии. В своей сути «опьянение», «состояние опьяне-

ния» не юридические термины, а медицинские, наркологические. Введя в уголовный закон легальную дефиницию «опьянения» либо «состояния опьянения», законодатель обременит себя определением, которое будет не всегда актуальным.

Опьянение – это состояние организма, возникающее в результате острой интоксикации психоактивными средствами; характеризуется комплексом психических, вегетативных и соматоневрологических расстройств [8, с. 433]. Из определения следует, что опьянение человека всегда связано с нарушением целого ряда систем организма. В свою очередь, УК РФ в ст. 23 декларирует, что «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения … подлежит уголовной ответственности». При системном анализе определения опьянения и предписания уголовного закона мы неизбежно упираемся в вопрос о вменяемости субъекта.

Чтобы лицо могло нести уголовную ответственность оно должно быть вменяемым, данный признак является обязательным для субъекта. В свою очередь, не может подлежать ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Полагаем, что в подавляющем большинстве случаев опьянения лицо сохраняет возможность осознавать свои действия, а также может ими руководить. Однако симптоматика опьянения (к примеру, алкогольного [11, с. 423]) показывает возможное отсутствие у человека осознания действительности, невозможность руководить своими действиями. В науке признается возможность отсутствия у человека осознания фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) либо невозможности руководить ими из-за обычного опьянения, но указывается, что предпосылки уголовной ответственности есть, а в частности:

– объективной предпосылкой уголовной ответственности лица, находящегося в состоянии опьянения, служит общественная опасность совершенного лицом деяния;

– субъективной предпосылкой – отсутствие психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики [7, с. 13].

По нашему мнению, на возможность признания лица вменяемым влияют два основных фактора.

Во-первых, лицо само приводит себя в такое состояние, и, мы полагаем, что оно должно понимать все возможные последствия [3, с. 1873]. Это в равной степени относится ко всем средствам, которые вызывают опьянение.

Во-вторых, при простом опьянении отсутствует медицинский критерий невменяемости, что делает невозможным применение к лицу положений о невменяемости либо ограниченной вменяемости.

Мы не утверждаем, что каждое лицо, находящееся в состоянии опьянения, должно нести уголовную ответственность, но для этого должны быть определенные юридические и медицинские основания. К примеру: «клиническая картина острых отравлений курительными смесями, похожа на алкогольное опьянение. Сначала возникает некоторое двигательное и речевое возбуждение, могут появиться яркие красочные галлюцинации, ощущение беззаботности, приятной расслабленности. Отмечается увеличение частоты пульса и систолического кровяного давления. В некоторых случаях развиваются явления острого психоза и паники. Во время интоксикационного психоза больной оказывается в состоянии возбуждения, затуманенного сознания, дезориентации, зрительных галлюцинаций, делирия» [9, с. 15]. Клиническая картина показывает, что возможно как сочетание юридического и медицинского критерия, так и наличие только одного юридического.

Действие ст. 23 УК РФ не распространяется на лиц, состояние которых в период совершения общественно опасного деяния было расценено как психотическое (интоксикационный психоз, психотические формы алкогольного и наркотического опьянения, патологическое опьянение) [5, с. 288]. Так, действие алкоголя зависит от множества факторов (наличия черепно-мозговых травм, инфекций и иного), и это определяет непредсказуемость реакций организма. Полагаем, что в каждом случае ситуацию следует рассматривать индивидуально. Даже если степень интоксикации была низкой, нельзя исключать состояния невменяемости или ограниченной вменяемости, для целей установления которых следует назначать экспертизу.

Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, может иметь и более глубокий подтекст. Связь между алкоголизмом или наркотизмом и преступностью может иметь как причинный характер, когда зависимость лица от алкоголя, наркотиков или иных одурманивающих веществ толкает его на преступление с целью добыть средства на приобретение данных веществ, так и стимулирующий характер, когда преступление совершается в состоянии опьянения, растормаживающем, освобождающем из под контроля социально негативные, антиобщественные установки личности [4, с. 31–32]. В случае если лицо страдает алкоголизмом либо наркоманией, обусловленность преступления единичным фактом опьянения становится опосредованной, влияние сиюминутного состояния на преступление приобретает иной смысл.

Любой прогрессивный, справедливый закон должен бороться не только с последствиями противоправного поведения, не только наказывать лиц, совершивших преступления, но и помогать им в исправлении, лечении, ресоциализации. В недавнем заявлении директора ФСИН России указывалось на реализующуюся в ведомстве программу реабилитации лиц, имеющих алкогольную или наркотическую зависимость. Отмечено, что уделяется внимание адресной помощи осужденным, которые имели алкогольную и наркотическую зависимость, для этого Службой реализуется соответствующая социально-психологическая программа, курс мероприятий которой по итогам 2020 года успешно окончили более трех тысяч осужденных [1].

Нельзя назвать создание и реализацию этой программы чем-то новым. Так, еще в диссертационном исследовании Ю.И. Козаренко (2014) одним из положений, выносимых на защиту, было предложение дополнения ст. 23 УК РФ частью 3 в следующей редакции: «Состояние опьянения лица, совершившего преступление и страдающего алкоголизмом или наркоманией, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера» [11]. Если проанализировать уголовные законы стран СНГ, то похожие нормы можно встретить, к примеру, в Уголовном кодексе Республики Армения [12], Республики Беларусь [13], Республики Таджикистан [15].

По нашему мнению, такая норма необходима и в уголовном законодательстве Российской Федерации. При этом аргументировать такую позицию можно хотя бы тем, что даже без законодательной регламентации этого вопроса практическими работниками такая деятельность уже осуществляется. Иными словами, налицо ситуация, когда закон отстает от реалий правоприменения, а это должно устраняться в возможно кратчайшие сроки. Также мы полагаем, что результаты такой реабилитации, лечения могли бы быть востребованы практикой через призму ст. 79 УК РФ. Хотя самый главный результат такой работы с лицом, совершившим преступление, заключается, по нашему мнению, именно в возможности выздоровления члена социума, налаживании его жизни, включения его в социально-полезные связи, что, в принципе, должно свести к минимуму возможность совершения им новых преступлений.

В заключении необходимо указать на важность дальнейших разработок проблемного вопроса учета опьянения в уголовном праве, изучении всех аспектов ответственности лиц на уровне междисциплинарных исследований. Это могло бы существенно помочь в исправлении понятийного аппарата уголовного права, выработке новых подходов к исправлению осужденных лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией. Даже само лечение либо реабилитация исследуемой категории лиц требует основательной проработки научных и методических подходов с учетом последних достижений в различных областях науки.

Литература

1. «Трезвый срок» // Российская газета – Федеральный выпуск. 2021 № 55 (8406).
2. Felson R.B., Staff J. The Effects of Alcohol Intoxication on Violent Versus Other Offending // Criminal Justice and Behavior. 2010. V. 37. I. 12. Pp. 1343-1360.
3. Sergej N. Bezugly, Rustam A. Bazarov, Elizaveta I. Kostennikova, Gennadij Yu. Lesnikov and Ivan V. Mironuk Committing a Crime while Intoxicated: The Basis of Liability and Legal Regulation // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Volume 9. Pp. 1871-1875.
4. Галактионов С.А., Кулаков А.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Вестник Самарского юридического института. 2019. №1 (32). С. 30–37.
5. Клименко Т.В. Судебная психиатрия: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 365 с.
6. Козаренко Ю.И. Состояние опьянения: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград. 2014. 215 с.
7. Любавина М.А. Ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Криминалистъ. 2014. № 2 (15). С. 11–16.
8. Новая популярная медицинская энциклопедия / гл. ред. В.И. Покровский. М., 2008. 768.
9. Отравление наркотиками и психодислептиками: Федеральные клинические рекомендации / гл. ред. Ю.Н. Остапенко. М., 2013. 41 с.
10. Приговор №2-8/2020 от 06 октября 2020 г. по делу № №2-8/2020 // Архив Оренбургского областного суда.
11. Руководство по наркологии / под ред. Н.Н. Иванца. М.: ИД Медпрактика-М, 2002. 504 с.
12. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. №3Р-528 (ред. от 18.01.2021) // Официальные ведомости Республики Армения. 2003. №25 (260). Ст. 407.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275 (ред. от 06.01.2021) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 24. Ст. 420.

14. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года №985-XV (в ред. от 16.12.2020) // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. №128-129. Ст. 1012.
15. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. №574 (ред. от 20.04.2021) // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68–70.

УДК 343

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (СТ. 150 УК РФ): ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

© 2021 г. Е.А. Сазанова[1], Е.В. Собакарева[2]

[1]Южный университет (ИУБиП)
344068, Россия, г. Ростов-на-Дону,
Михаила Нагибина, 33а/47

Southern University (IMBL)
33a/47, Mikhaila Nagibina,
Rostov-on-Don, 344068

[2]Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
344015 г. Ростов-на-Дону,
ул. Маршала Еременко, 83

Rostov Law Institute
of Interior Ministry
of the Russian Federation
83, Marshala Eremenko str.,
Rostov-on-Don 344015

Статья посвящена вопросам квалификации ст. 150 УК РФ, авторы предлагаю усовершенствовать данную норму, при применении которой возникают проблемы в судебно-следственной практике. Пленум Верховного Суда РФ также не в полной мере разъясняет особенности деяний, входящих в объективную сторону ст.150 УК РФ, что при ее применении порождает ошибочность квалификации.

Проблемность оценки вины и мотива в ст.150 УК РФ также дает основание полагать, что разграничение со смежными составами в правоохранительной практике весьма затруднительно.

Авторами проводится разграничение со смежными составами, высказывается предложение о внесении дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда № 1 от 1 февраля 2011 года.

Ключевые слова: *вовлечение в совершение преступления, несовершеннолетний, проблемы квалификации, момент окончания совершения преступления, сложность оценки деяний, отличие от смежных составов.*

The article considers qualification of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, the authors propose to improve this rule, the application of which causes problems in judicial and investigative practice. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation also does not fully explain the features of acts included in the objective side of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, when applied, generates erroneous qualification. The problematic nature of the assessment of guilt and motive in Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation also gives reason to believe that the distinction with related compositions in law enforcement practice is very difficult. The authors draw a distinction with related compositions, make a proposal to make additions to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 1 of February 1, 2011.

Keywords*: involvement in the commission of a crime, a minor, qualification problems, the time of the end of the commission of a crime, the complexity of evaluating acts, difference from related compositions.*

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» как антиобщественные действия несовершеннолетних определены не только употребление алкоголя и одурманивающих веществ, но и занятие проституцией, попрошайничество, бродяжничество, а также иные действия, которые нарушают права и законных интересы других лиц [1]. Если бы в статье 151 Уголовного кодекса Российской Федерации были перечислены все указанные выше антиобщественные действия, то существенно сократилось бы количество проблем, связанных с разграничением смежных со статьей 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, например, с квалификацией вовлечения несовершеннолетнего в занятие проституцией (часть 3 статьи 240 Уголовного кодекса Российской Федерации [2]).

Уяснение разъяснений, которые даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, позволяет утверждать, что зачастую вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность тесно связано с вовлечением в антиобщественную деятельность, например, в употребление алкоголя или наркотиков. Подобные действия нередко предшествуют вовлечению в преступную деятельность, поскольку измененное состояние сознания под воздействием алкоголя либо наркотиков искажает восприятие действительно, снимает внутренние психологические барьеры. Кроме того, вовлечение в употребление наркотиков, на чем акцентирует внимание Л.С. Радькова, можно рассматривать как самостоятельный способ вовлечения в преступную деятельность, связанную с незаконным распространение наркотиков, потому что зависимые люди легко выполняют указания, чтобы получить возможность употребить наркотики, получаемые в виде платы [3, с.3].

Не оспаривая утверждение Л.С. Радьковой, стоит отметить, что способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не имеет значения для квалификации деяния. Подобный подход можно объяснить тем, что предусмотреть все возможные способы в конкретной норме закона невозможно, хотя и определенные критерии для квалификации деяния все же должны присутствовать. Важным применительно к квалификации деяния, как предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, будет побуждение к совершению именно преступления, определенного в качестве такового в Уголовном кодексе Российской Федерации. В том случае когда деяние, совершенное несовершеннолетним под воздействием взрослого, является административно наказуемым либо порицается обществом с позиций морали и нравственности, состав преступления, закрепленного в статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, отсутствует.

Вместе с тем ряд исследователей полагает, что понятие вовлечения, закрепленное в статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, идентично понятию вовлечения, которое присутствует в статье 151 этого же кодекса. Например, В.А. Горностаева полагает, что вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность может быть совершено теми же способами, что и вовлечение в совершение преступлений [4, с.48]. С учетом разъяснений, которые были даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 42 постановления от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [5], с данным утверждением можно согласиться.

На сегодняшний день острой проблемой общества является разжигание агрессии в сети интернет, с использованием мессенджеров. В.Е. Круковский и И.Н. Мосечкин отмечают, что очень часто встречается именно активизация агрессии, провокация на совершение преступлений. Сложным является также квалификация такого деяния как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления вследствие того, что объект агрессии не персонифицирован. Авторы акцентировали внимание на том, что фактически речь идет о провокации на совершение немотивированных и массовых убийств, иллюстрируя свое утверждение на примере множественных случаев убийств, которые были совершены подростками в учебных заведениях [6, с.200].

Представляется, что наличие подобной проблемы носит скорее теоретический характер в силу того, что призывы к экстремистской деятельности влекут наступление ответственности именно за экстремизм. Вместе с тем, определенная проблема будет присутствовать в том случае, когда взрослые будут провоцировать несовершеннолетних к совершению преступлений в отношении определенной социальной группы либо в отношении людей определенной национальности. При этом для квалификации будет иметь значение, были ли допущены лицом просто негативные взыскания либо в высказываниях содержался призыв к действию. Во втором случае явно присутствует состав преступления, предусмотренный статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Отдельное внимание представляется необходимым заострить на том, что объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, описана со ссылкой на систематичность вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Данную норму закона можно толковать как отсутствие состава преступления в том случае, когда вовлечение были однократным. Проблематичность указанной формулировки закона отмечают многие исследователи. Так, например, А.С. Дурнев полагает, что понятие систематичности следует увязывать с тем или иным временным промежутком, в противном случае доказывание наличия состава преступления становится крайне сложным [7, с.591]. Утверждение справедливое. Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность, например в употребление алкогольных напитков, может иметь два и более раз в течение недели, а может и в течение года либо нескольких лет. Систематичность предполагает все же какую-то периодизацию, потому что обвинить в совершении преступления лицо, с которым несовершеннолетний употребил алкоголь трижды в течение трех лет, можно, но вряд ли целесообразно. Представляется, что в подобных случаях будет более правильным применение иных мер воздействия, особенно если в остальное время несовершеннолетний алкоголь не употреблял. Уголовное наказание – строгая мера, оно должно назначаться с учетом ра-

зумности и адекватной оценки действий лица, совершившего неправомерный поступок, а также с учетом общественной опасности последствий.

Следует отметить, что, несмотря на то, что все случаи вовлечения несовершеннолетнего в употребление алкоголя либо наркотических средств не всегда можно достоверно установить, суды в приговорах определяют временные промежутки, в течение которых взрослый тем или иным способом совершал данное преступление. Например, периодичность вовлечения несовершеннолетнего в употребление наркотических средств и алкогольных напитков путем уговоров, дачи советов, а также предоставления непосредственно алкоголя и наркотических веществ в течение полугода была установлена Московским городским судом [8].

Проблемы при квалификации данного состава преступления могут возникнуть при разграничении вовлечения несовершеннолетнего в употребление одурманивающих веществ от склонения к употреблению наркотических и психотропных веществ (п. «а» ч.3. ст.230 УК РФ). Сложность заключается в том, что наркотические и психотропные вещества также можно отнести к числу одурманивающих. Различие будет лишь в том, что в первом случае речь идет о «вовлечении», а во втором случае о «склонении».

Для отграничения состава ст. 151 УК РФ от ст. 230 УК РФ необходимо обратить внимание на то, что согласно составу 230 УК РФ ответственность наступает за склонение к потреблению наркотических средств (марихуана, кокаин, героин, синтетические наркотики и др.), предмет преступления по ст.151 УК РФ несколько отличается.

В случаях склонения несовершеннолетнего к употреблению сильнодействующих ядовитых веществ, действия виновного подлежат квалификации по совокупности приговоров, т.е. по ст.151 УК РФ и по ст.234 УК РФ.

По мнению Горностаевой В.А [9, с.48], трудности при квалификации также возникают при определении субъективной стороны преступления, поскольку нередки случаи, когда несовершеннолетний сам проявляется инициативу при употреблении спиртных напитков или наркотических веществ, а взрослые попросту не препятствуют этому и исполняют желания несовершеннолетнего. В данном случае необходимо наличие условия относительно предложения к употреблению со стороны взрослого.

Так, в Постановлении «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 года №1, Пленум Верховного суда разъясняет, что иными способами, указанными в ст.151 УК РФ, являются «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить антиобщественные действия… Действия взрослого могут выражаться как в форме обещаний, обмана или угроз, так и в форме предложения совершить антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий» [5].

Составы преступлений ч.1 ст.150, ч. 1 ст.151 и ст.151.1 УК РФ следует рассматривать в качестве смежных составов. Разграничение данных составов по признакам объективной стороны заключается в том, что объективной стороной ч.1 ст.151 УК РФ является вовлечение несовершеннолетнего в такие действия как: систематическое употребление алкогольной и иной одурманивающей продукции, а также в бродяжничество, попрошайничество. Действия виновного выражаются в форме уговоров, обещаний, угроз или предложения, а также путем психологического воздействий. Т.е. в данном случае виновный с помощью определенных действий подталкивает несовершеннолетнего к употреблению спиртных напитков, а в анализируемой статье речь идет только о вовлечении в преступные деяния.

Объективная сторона ст. 151.1 УК заключается в неоднократной продаже несовершеннолетнему алкогольной продукции. Субъект преступления не использует такие действия как уговоры, угрозы и иные действия, побуждающие несовершеннолетнего приобретать и употреблять алкогольную продукцию. В данном случае несовершеннолетний сам принимает решение о приобретении алкогольной продукции, а продавец содействует ему в этом путем продажи. В некоторых случаях процесс реализации и потребления алкоголя несовершеннолетним совпадают, т.е. продавец не только продает алкоголь несовершеннолетнему, но и также вовлекает его в систематическое употребление. В данном случае преступление квалифицируется по совокупности составов.

Также необходимо отличать такие составы преступлений как ст.150 УК от 151.2. УК РФ. При разграничении данных составов необходимо также обратить внимание на объективную сторону данных преступных деяний. Так, объективной стороной ст.151.2 УК РФ являются действия, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправный действий, предоставляющих опасность для жизни. Под действиями, предоставляющими опасность для жизни, подразумеваются склонение или вовлечение несовершеннолетних в опасные «игры», например, проезд на поезде с внешней стороны; хождение по крыше зданий; игры с огнем; перебежать оживленную проезжую часть или железнодорожные пути при приближающемся поезде и пр.

Состав преступления по ст.151.2 УК РФ также необходимо отличать от склонения к совершению самоубийства (ст.110.1 УК РФ) и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст.110.2 УК РФ). Субъективная сторона данных составов выражается в прямом умысле, направленном на склонение и побуждение непосредственно на совершение потерпевшим самоубийства. Субъективной стороной ст. 151.2. является умысел на вовлечение несовершеннолетнего в действия, угрожающие жизни и здоровью несовершеннолетнего, не связанных с самоубийством.

Юридический анализ ч.1 ст.151.2 УК РФ показал, что субъективная сторона состава преступления выражена в форме умысла. Следовательно, возникает вопрос о пути, по которому пойдет правоприменительная практика при определении умысла при совершении преступления. В том случае если правоприменительная практика пойдет по пути признания состава рассматриваемого преступления материальным, то вина лица, его совершившего, может характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом [10].

Как уже отмечалось выше, в связи с принятием Федерального закона от 07.06.2017 № 120-ФЗ, помимо упомянутой ст. 151.2, в УК РФ были включены еще две нормы, предусмотренные ст.110.1, ст.110.2. Введенные нормы также охраняют жизнь и нормальное развитие несовершеннолетнего по замыслу законодателя, и помещение этих норм в главу 16 УК РФ служит основанием, по нашему мнению, для разграничения от смежных составов из главы 20.

Из названия данного Федерального закона следует, что основной причиной установления ответственности за рассматриваемые деяния послужило усиление механизмов, направленных на охрану несовершеннолетних от различных посягательств.

Однако из содержания состава ст.110.1 следует, что потерпевшим по этому виду преступления может быть любое лицо, независимо от возраста. Только в качестве квалифицирующего признака, указанного в ч.3 ст.110.1, установлено, что данное преступление может быть совершено в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного.

Субъектом преступления по ст.151.2 может быть только лицо, достигшее возраста совершеннолетия, по ст.110.1 субъект – общий.

Из диспозиции ст. 151.2 предусмотрено, что обязательным условием уголовной ответственности является отсутствие в деянии виновного признаков склонения к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) или в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ). Только при наличии склонения или иного вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни, которые могут проявляться в примерах, указанных выше, деяние подлежит квалификации по данной статье. Это главное отличие, заключающиеся в различие объективной стороны ст.151.2 и ст.110.1 УК РФ. В действительности же, несовершеннолетнего, которого, например, удалось вовлечь в совершение какого-то преступления, потом вовлекатель может устранить таким образом, или эти преступные деяния могут быть взаимосвязаны.

Для обобщения практики необходимо внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) путем включения статьи 151.2 наряду со ст.151 и ст.150.

В случае вовлечения несовершеннолетнего в занятие проституцией следует квалифицировать только по части 3 ст.240. Непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетней в занятие проституцией выступает общественная нравственность в области сексуальных отношений. Под вовлечением в проституцию подразумеваются действия, направленные непосредственно на возбуждение у несовершеннолетнего желания заниматься подобной деятельностью.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что при квалификации преступлений по составам ст.150 УК РФ необходимо обращать внимание на особенности оценки объективной и субъективной сторон данных преступлений и не допускать ошибок в квалификации со смежными составами, к которым относятся составы ст.110.1, 110.2, 151.1, 151.2,230, 234 УК РФ.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 302.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. №13. Ст.1871;

3. Радькова Л.С. Механизмы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 3.

4. Горностаева В.А. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (статья 151 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Череповецкие научные чтения 2016. Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 3-х частях / Отв. ред. Е.В. Целикова. 2017. С. 48.

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 29.

6. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 200.

7. Дурнев А.С. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 8. С. 591.

8. Постановление Московского городского суда от 23.11.2017 № 4У-7292/2017 // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

9. Горностаева В.А. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (статья 151 Уголовного кодекса РФ) // Череповецкие научные чтения - 2016: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 3 ч., Череповец, 16–17 ноября 2016 года / Отв. ред. Е.В. Целикова. Череповец, 2017. С. 47-49.

10. Семенцова И.А. Актуальные вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 3 (118). С.131.

УДК 343.242

О ВОЗРАСТЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2021 г. Е.В. Серегина[1,2], С.И. Улезько[1,3], Е.А. Кочергина[1]

[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

[2]Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice,
66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

[3]Чеченский государственный университет
364093, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Chechen State University
32, Sheripova st., Grozny, Chechen Republic 364093

Статья посвящена вопросам существующих возрастных различий при совершении преступления и наступлении уголовной ответственности несовершеннолетних в зарубежных странах. Анализ опыта разных стран свидетельствует о том, что в уголовном законодательстве границы возраста привлечения к уголовной ответственности разнятся, как и подход законодателя к назначению несовершеннолетним наказания.

Авторы делают вывод о том, что вектором политики по отношению к ответственности несовершеннолетних правонарушителей является её гуманизация, что на сегодняшний момент не в полной мере соответствует криминогенной обстановке и потребностям российского социума. На основе методов обобщения и конкретизации научных исследований, анализа зарубежного уголовного законодательства, изучение уровня преступности несовершеннолетних в России обосновывается целесообразность закрепления в российском уголовном законодательстве принципа дифференциации возраста наступления уголовной ответственности.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, возраст уголовной ответственности, дифференциация ответственности, уголовная ответственность, наказание, зарубежные страны, преступность.*

The article considers the issues of existing age differences in the committing of a crime and the occurrence of criminal liability of minors in foreign countries. An analysis of the experience of different countries shows that in criminal legislation, the limits of the age of criminal liability vary, as does the approach of the legislator to the imposition of punishment for minors.

The authors conclude that the policy vector in relation to the liability of juvenile offenders is its humanization, which at the moment does not fully correspond to the criminogenic situation and the needs of the Russian society. Based on the methods of generalization and concretization of a scientific research, the analysis of foreign criminal legislation, the study of the level of juvenile delinquency in Russia, the expediency of fixing the principle of differentiation of the age of criminal liability in Russian criminal legislation is justified.

Key words: *minors, age of criminal liability, differentiation of liability, criminal liability, punishment, foreign countries, crime.*

Современный этап общественного развития сопряжен с серьезной проблемой, которая представляет значительную угрозу для благополучия общества. Практически все государства столкнулись сегодня с беспрецедентным ростом преступности. Не является исключением и Россия. При этом, несмотря на то, что статистические показатели свидетельствуют о постепенном сокращении общего количества зарегистрированных преступлений с участием несовершеннолетних (в 2,1 раза), в меньшей степени – уровня (на 100 тыс. несовершеннолетних в популяции) и доли в общем объеме преступности (в 1,3 раза), но среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, наблюдается рост насильственных преступлений, которые совершаются с особой жестокостью. Распространение получили и такие новые виды криминальные явления с участием несовершеннолетних, как преступления террористической и экстремистской направленности, когда несовершеннолетние совершают насильственные посягательства, с целью устрашения, захвата заложников, насильственного лишения свободы с целью издевательств [1, с. 56]. Эксперты большинства развитых стран отмечают девальвацию моральных ценностей у значительной части молодого поколения, жизненным смыслом которого становится «ничегонеделанье», что в свою очередь обуславливает распространённость алкоголизации и наркомании в подростковой среде.

Текущий уровень преступности несовершеннолетних настоятельно требует принятия неотложных мер на уровне мирового сообщества. Несмотря на то, что детерминанты подростковой преступности в разных странах имеют особенности и специфику, но при этом у них много и общих черт, в частности, специалисты единодушны в том, что преступность среди несовершеннолетних – это основа воспроизводства всей преступности. Свой первый криминальный опыт взрослые преступники получают в детстве и юности. Криминологические исследования доказывают, что более половины профессиональных преступников совершили первое правонарушение в 12–16 лет. Именно поэтому законодатели всех стран делают попытки оптимизировать меры уголовной ответственности, применяемые к несовершеннолетним преступникам. В свою очередь законодательство разных стран по-разному определяет и возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних, и меры наказания им назначаемые [2, с. 133].

Исследование возраста наступления и дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних в современный период актуализируется ростом детской преступности в нашей стране. Особую тревогу вызывает ситуация, когда преступные деяния, такие как умышленное причинение смерти и тяжкого вреда здоровью, совершаются детьми в возрасте от 9-12 лет, но в силу установленного отечественным законодательством возраста эти деяния не могут считаться преступлениями, так как совершены ненадлежащим субъектом.

А.В. Давыденко считает, что такое положение обусловлено чрезмерно либеральным уголовным законодательством в отношении несовершеннолетних, что детерминирует увеличение количества убийств, совершенных лицами, не достигших возраста 14 лет, которые остаются безнаказанными по причине недостижения возраста уголовной ответственности [3, с. 136]. Отсутствие сдерживающих факторов, по мнению ряда представителей общественности, прежде всего тех, кто по долгу профессиональной деятельности работает с несовершеннолетними (педагоги, психологи, сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних и др.), способствует необоснованной жестокости подростков и детей, уровень которой постоянно возрастает, а ситуация с детской преступностью становиться всё более непредсказуемой. В связи с этим всё чаще возникает вопрос о необходимости дифференциации возраста уголовной ответственности. Такой анализ необходим в силу того, что совершенствование деятельности субъектов профилактики преступности несовершеннолетних предполагает использование прогрессивных разработок как отечественной, так и зарубежной науки, и практики в этой сфере. С учётом тенденций открытости и интеграции в борьбе с преступностью мирового сообщества, весьма

интересным и полезным представляется опыт целого ряда стран, которые на законодательном уровне закрепили принцип дифференциации возраста наступления уголовной ответственности.

Положительный практический опыт зарубежных стран по превенции и профилактики несовершеннолетней преступности необходим не только правоохранительным структурам России. Его анализ важен для корректировки государственной политики в этой сфере, для совершенствования правовых регуляторов общественных отношений и разработки мер повышения эффективности взаимодействия различных общественных институтов.

Не требует доказательств то обстоятельство, что преступность несовершеннолетних – сложное явление. В международном праве отсутствуют границы возраста уголовной ответственности, правовые системы различных государств по-разному подходят к его определению. При этом имеют место ситуации, когда в рамках одной законодательной системы в разных правовых актах устанавливается разный возраст, например в США в различных штатах он отличается. Аналогичная ситуация и в Мексике, где возраст уголовной ответственности также разнится в зависимости от штата и находится в границах от 6 до 12 лет, а в некоторых штатах ограничение по возрасту уголовной ответственности вообще отсутствует.

Весьма противоречивая ситуация в Великобритании, где в Законе «О детях и подростках» 1969 г. возраст уголовной ответственности установлен с 14 лет, а по праву – с 10 лет. При этом в Соединённом королевстве особняком стоит Шотландия, где уголовная ответственность начинается с 8 лет, но такая ситуация, скорее, является исключением, так как в большинстве европейских стран долгое время возраст уголовной ответственности был установлен с 18 лет – Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды, Швейцария. Впоследствии на основании изучения общественного мнения и связанных с этим последствий в ряде перечисленных государств возраст уголовной ответственности был снижен. Так, в Германии уголовная ответственность в современный период наступает с 14 лет [4, с. 37].

В исследовании Г.В. Горбатенко отмечается, что в одних государствах возраст уголовной ответственности – это абсолютное понятие, а в других относительное. При этом в большинстве европейских государств несовершеннолетние, попадающие под уголовную ответственность, подвергаются наказанию в редких случаях [5, с. 186].

Под абсолютной уголовной безответственностью понимается такое установление законодательства, согласно которому несовершеннолетние, не достигшие возраста уголовной ответственности, не могут быть привлечены к ней ни при каких условиях. Такое правило действует в Англии, Уэльсе, Испании, Нидерландах, Португалии и Швейцарии и некоторых других странах. При этом возраст привлечения к уголовной ответственности в этих странах отличается. Так, в Швейцарии – это 7 лет, однако в этой стране активно обсуждается законопроект об увеличении этого критерия до 10 лет. Противоположная ситуация в Нидерландах, где раньше уголовная ответственность наступала с 14 лет, а в 1994 году этот возраст был снижен до 12 лет. При этом верхний предел составляет 21 год. На рассмотрении Парламента Испании находится законопроект, который предполагает сокращение возраста уголовной ответственности с 16 до 13 лет [6]. Презумпция безответственности, долгое время существовавшая в Англии и Уэльсе для детей от 10 до 14 лет, была отменена.

Категория относительной уголовной безответственности, действующая в ряде стран Европы, предполагает, что несовершеннолетний правонарушитель, не достигший возраста совершеннолетия по уголовным делам, признается безответственным, но это правило не действует при определенных обстоятельствах. Перечень таких обстоятельств в разных странах отличается, к ним относятся моральные критерии, зрелость и проницательность несовершеннолетнего, «способность хотеть и понимать». Законодательство Бельгии и Франции более сурово к несовершеннолетним в этом вопросе и закрепляет понятие адекватности мер, которые должны приниматься специализированными судами в отношении несовершеннолетних [7, с. 69].

В ряде зарубежных государств судам предоставлено право привлекать к уголовной ответственности лиц от 18 до 21 года. Такой подход позволяет сделать вывод о наличии двух границ возраста уголовной ответственности несовершеннолетних: абсолютной и пониженной. Например, в Нидерландах нижний предел уголовной ответственности установлен с 12 лет, а верхний – с 21 года.

В отдельных странах установлен специальный возраст уголовной ответственности. Это – Замбия, Кения Соломоновы острова. В этих странах относительно отдельных видов преступлений, прежде всего преступлений о половой неприкосновенности, законодатель исходит из того, что подростки мужского рода к половому сношению не способны, а следовательно, не могут признаваться субъектом сексуальных преступлений.

Д.М. Елизаров полагает, что установление фиксированного возраста уголовной ответственности способствует ограничению произвола судей [8, с. 122]. В частности, отдельные авторы считают, что закрепление в уголовном законе точного возраста, с которого правоприменитель может привлечь несовершеннолетнего к уголовной ответственности, в полной мере отвечает принципу законности, а широкое судейское усмотрение по делам с участием несовершеннолетних недопустимо. В противном

случае это может детерминировать нарушение принципа равенства всех граждан перед законом [9, с. 47].

Что касается международного законодательства, то Конвенция о правах ребенка рекомендует государствам-участникам устанавливать такой минимальный возраст, ниже которого предполагается, что дети в таком возрасте не способны нарушать уголовное законодательство [10]. Категоричные международные стандарты относительно установления возраста уголовной ответственности отсутствуют, лишь в замечаниях общего порядка №10 Комитета по правам ребенка указывается, что минимальный возраст наступления уголовной ответственности ниже 12 лет считается не приемлемым международным сообществом. При этом акцентируется внимание на том, что государства-участники не должны снижать минимальный возраст ниже 12 лет, если возраст установлен выше данной границы. Помимо этого, была высказана рекомендация увеличивать минимальный возраст наступления уголовной ответственности, например, до 14 или 16 лет. Безусловно, предложенная рекомендация не ограничивает право государств-участников устанавливать возраст на уровне 18 лет. Таким образом, поступили в Бразилии и ряде других государствах.

В статье четвертой Пекинских правил также определяется, что рассматриваемый возраст не должен устанавливаться на слишком низком возрастном пределе с учетом эмоциональной, духовной, интеллектуальной зрелости [11].

Анализ уголовного законодательства разных стран позволяет утверждать, что в шестидесяти из них в современный период сохраняется принцип «doliincapax». Такая практика, по мнению Комитета по правам ребенка, несёт опасность риска дискриминации. Законодатели различных стран исходят из того, что детей, которые достигли минимального возраста наступления ответственности, следует относить к особым субъектам уголовной ответственности, реализуемой в рамках ювенальной юстиции. В подавляющем числе государств действует специальное ювенальное законодательство с собственными институтами и процедурами, целью которых является реализация уголовной политики по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Таким образом, анализ зарубежного законодательства о возрасте уголовной ответственности свидетельствует о том, что большинство стран идут по пути его дифференциации. Полагаем, что дифференцированный подход к установлению возраста уголовной ответственности является более объективным, чем сопряженный с конкретными возрастными рамками, так как установление фиксированного возраста уголовной ответственности препятствует реализации принципа индивидуализации наказания.

В зависимости от возраста привлечения к уголовной ответственности, в большинстве зарубежных стран разграничиваются и виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним. В рамках ювенальной юстиции в зарубежных странах предусмотрены различные меры пресечения и виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Так, в США, Франции, Испании, странах Латинской Америки и других применяются арест, досудебное заключение под стражу и тюремное заключение. Отечественные исследователи отмечают, что в некоторых странах сконструированы и применяются адекватные программы по превенции делинквентного поведения подростков, разработчики которых исходят из того, что досудебное и после судебное содержание несовершеннолетних и малолетних правонарушителей под стражей, их изоляция от социума неприемлемы в качестве мер пресечения и наказания. При этом в ряде государств продолжает действовать практика, когда несовершеннолетние преступники, которые достигли возраста уголовной ответственности, попадают под действие общей уголовной юстиции на таких же условиях, как и взрослые, что противоречит принципам Конвенции о правах ребенка, а также увеличивает риск насилия по отношению к несовершеннолетним в местах содержания под стражей. Тем более, зачастую в таких местах господствуют криминальные настроения и опасность насильственных действии в отношении несовершеннолетних. Впоследствии такие подростки нуждаются в психологической помощи [12, с. 4].

В большинстве стран, прежде всего европейских, меры наказаний, применяемых к несовершеннолетним, в большей части имеют дисциплинарную и воспитательную направленность. Примером может стать опыт ФРГ, где лишение свободы как вид уголовного наказания достаточно часто назначается судами несовершеннолетних, прежде всего за тяжкие преступления, но при этом к лицам моложе шестнадцати лет на практике оно никогда не применяется. Подобное положение и в Бельгии, и в странах Скандинавии, где преимущественными видами наказания выступают опека и воспитание.

В Испании действует органический закон № 5/2000, регламентирующий уголовную ответственность несовершеннолетних от 14 до 18 лет. По отношению к ним применяется специальный правовой режим, согласно которому максимальное наказание, которое допускается для указанной категории лиц, – это пребывание в специальном центре (не более 5 лет) за совершение преступлений, которые в УК Испании квалифицируются как серьезные. Во всех других случаях суды выносят решение об условно-досрочном освобождении от наказания (до 3-х лет) [13, с. 37]. Основа Испанского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних – философия интеграции ребенка в об-

щество, и поэтому заключение несовершеннолетнего под стражу может быть применено только в исключительных случаях.

В Португалии преимущественным видом наказания, где согласно уголовного законодательства ответственность за совершенное преступление предполагает тюремное заключение до двух лет, которое суды, как правило, выносят в отношении несовершеннолетних решение о применении «мер защиты, помощи и воспитания», которые регламентируются законом «О защите несовершеннолетних».

В Нидерландах ответственность за деяния несовершеннолетних правонарушителей осуществляется вне рамок уголовного судопроизводства «strictosensu», посредством личного возмещения. Однако голландским судьям, так же как и в Бельгии, предоставлены полномочия самостоятельно снижать возраст уголовной ответственности за совершенное преступление. Тяжесть совершенного деяния и личностные качества несовершеннолетнего преступника могут опосредовать принятие судом решения о признании молодого правонарушителя совершеннолетним по достижению 16 лет. Следствием этого является применение к таким лицам норм общего уголовного закона [14, с. 107].

Наиболее жесткое законодательство в Европе в отношении ответственности несовершеннолетних за совершенные преступления действует в Англии, где установлена возможность заключения несовершеннолетних, достигших двенадцатилетнего возраста, под стражу. В этой стране существуют специальные тюрьмы для несовершеннолетних.

В отдельных странах (Германия, Испания, Нидерланды) реализуется правило об отсрочки возраста уголовной ответственности – до 21 года. В Швейцарии этот критерий продлён до 25 лет. В Португалии ответственность за преступления, совершаемые молодыми преступниками (16-21 год), регламентируется не нормами уголовного законодательства, а специальным законом.

Анализ уголовного законодательства, действующего в разных странах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, свидетельствует о том, что эта категория лиц подлежит уголовной ответственности и наказанию с определенного возраста, критерии которого в различных странах разные, так же как и виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям.

Подводя итоги, можно резюмировать, что единая позиция по поводу оптимального возраста уголовной ответственности на современный период отсутствует. Нет единообразия и в определении минимального возраста уголовной ответственности в различных странах мира. Уголовные кодексы ряда стран не содержат норм о дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних, её реализация осуществляется на общих основаниях, однако в большинстве государств, прежде всего европейского континента, сконструирована и действует развитая система противодействия правонарушениям несовершеннолетних, которая включает в себя и ювенальное законодательство, в котором установлены специальные меры ответственности, назначаемые данной категории лиц. В ряде стран эти меры выведены за пределы уголовного закона и реализуются вне рамок уголовно-правовых отношений, что свидетельствует о попытках гуманизации института уголовной ответственности и наказания в отношении несовершеннолетних. Действующая система уголовной ответственности несовершеннолетних, в том числе и в контексте установления минимального возраста уголовной ответственности, не вполне совершенна, что опосредует необходимость её модернизации.

В целом, изучение опыта отдельных зарубежных стран в применении более разнообразных мер воспитательного воздействия, специализированных санкций по сравнению с отечественным законодательством является полезным и перспективным в целях превенции преступности несовершеннолетних.

Полагаем, что отсутствие принципа возрастной дифференциации уголовной ответственности негативно сказывается на предупреждении преступности несовершеннолетних. Противникам снижения возраста уголовной ответственности можно противопоставить современные психологические исследования, доказывающие, что процесс взросления современных детей сегодня происходит намного стремительнее, чем ранее, и все больше преступлений совершаются лицами в возрасте 12-13 лет. Поэтому, основываясь на опыте зарубежных стран, считаем целесообразным ввести в УК РФ такую юридическую конструкцию как «особый субъект уголовной ответственности», к которому отнести несовершеннолетних лиц, совершивших особо тяжкие преступления в возрасте от 12 до 14 лет. Таким образом, будет установлена дифференциация возраста уголовной ответственности несовершеннолетних – абсолютного с 14 лет и пониженного с 12 лет. Такое решение будет способствовать снижению уровня преступности несовершеннолетних.

Литература

1. Юрков Г.А. Насильственные преступления несовершеннолетних: характеристика, типология личности, предупреждение (по материалам Удмуртской Республики): Дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 179 с.

2. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2016. 1054 с.

3. Давыденко А.В. Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста // Право и жизнь. 2014. № 187 (1). С. 136 - 138.

4. Кулагина В.А. Возраст уголовной ответственности в действующем российском и зарубежном законодательстве / Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2019. С. 36 - 38.

5. Горбатенко Г.В. Теоретико-правовые аспекты определения возраста как признака субъекта преступления в отечественной и зарубежных системах права // Вестник ВИ МВД России. 2020. №3. С. 184 - 188.

6. Laresponsabilitepenale des mineurs. Table des matières. Travauxparlementaires. // URL:https://www.senat.fr/lc/lc52/lc52_mono.html.

7. Барышникова К.Г. Возраст уголовной ответственности в зарубежных странах // Academy. 2017. №4 (19). С. 68 - 70.

8. Елизаров Д.М. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних в Российской Федерации и зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2020. №3 (31). С. 120 - 122.

9. Дементьев О.М. Проблемы возраста уголовной ответственности: учебное пособие. Тамбов: ТГТУ, 2010. 80 с.

10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) / Сборник международных договоров СССР. М., 1993.

11. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.) // Советская юстиция. 1991. № 12-14.

12. Быстров В.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних в России и за рубежом // Молодой ученый. 2016. № 8.1 С. 4 - 6.

13. Горбачев А.Н. Юридическая ответственность несовершеннолетних по законодательству Испании. Коллективная монография. Брянск, 2018. 182 с.

14. Казакова Т.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних правонарушителей за рубежом // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 7-1. С. 106 - 108.

УДК 343.9

ОКАЗАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2021 г. С.К. Сулейманов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований сегодня достаточно широко распространены. В последние годы мировое сообщество предпринимает значительные усилия по противодействию манипулированию результатам состязаний. В статье отмечается достаточная эффективность организационных мер профилактики, таких как отслеживание подозрительных ставок в букмекерских конторах и на тотализаторах, организация горячей линии по анонимному информированию о фактах манипулирования результатам соревнований, налаживание взаимодействия с Интерполом, Европолом и правоохранительными органами отдельных государств, предпринятая некоторыми спортивными федерациями.

***Ключевые слова**: спортивные соревнования, манипулирование, коррупционные контакты, спортсмен, судья, принуждение.*

Illegal influence on the results of official sports competitions is quite widespread today. In recent years, the international community has made significant efforts to counteract the manipulation of the results of competitions. The article notes the sufficient effectiveness of organizational prevention measures taken by some sports federations, such as tracking suspicious bets in bookmakers and sweepstakes, organizing a hotline for anonymous information about the facts of manipulating the results of competitions, establishing cooperation with Interpol, Europol and law enforcement agencies of individual states.

***Keywords**: sports competitions, manipulation, corrupt contacts, athlete, judge, coercion.*

Многочисленные криминологические исследования свидетельствуют о широкой распространенности оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований. Преступление, ответственность за которое регламентируется ст. 184 УК РФ, не только противоречит этическим нормам в сфере проведения спортивных соревнований и конкурсов, но и представляет угрозу для многих правоохраняемых ценностей (интересов потребителей и добросовестных конкурентов на рынках соответствующих зрелищных услуг; интересов службы и др.). К тому же, манипулирование результатами соревнований тесно связано с деятельностью организованной преступности, которая, по мнению экспертов, контролирует 25 процентов мирового спорта [1].

К числу наиболее криминализированных видов спорта относятся крикет, футбол, теннис, бокс, хоккей, баскетбол, волейбол, бейсбол. Существуют различные преступные схемы создания условий для манипуляции результатами соревнований. В частности, оказание противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований может быть связано:

1) с предварительной договоренностью с участниками состязаний (в литературе это явление применительно к спорту обозначается как «договорные матчи», «спортивное манипулирование»);

2) предварительной договоренностью с судьями, арбитрами (так называемое «предвзятое судейство»);

3) размещением ставок на зрелищные мероприятия (это иногда называется «манипулированием на тотализаторе», «букмекерским» договорным матчем)»;

4) принуждением участников состязания, сопряженном с различными угрозами, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества.

При проведении договорных матчей действия, направленные на умышленную манипуляцию результатом соревнования, могут совершаться из корыстной или иной личной заинтересованности. «Договорные» матчи из корыстной заинтересованности имеют место, когда между состязающимися сторонами (спортсменами или спортивными командами) заключается соглашение о достижении определенного результата в соревновании, за что одна сторона получает незаконное вознаграждение, а вторая сторона – иные преимущества (победу в соревнованиях, право остаться в лиге или перейти в высшую лигу, право на участие в международных соревнованиях и т.п.).

Подкупающей стороной являются, как правило, руководители и собственники спортивных клубов. В.В. Сараев утверждает, что, финансирование договорных матчей в значительном объеме рожда-

ется именно в бюджетах клубов, выделяющих скрытые средства на подкуп судей и соперников [2]. Так, накануне матча между «Динамо» (Санкт-Петербург) – «Иристон» (Владикавказ) лица, заинтересованные в победе «Иристона» предложили капитану «Динамо» Н. Чуракову вознаграждение в размере тысячи долларов за уступки сопернику. Н. Чураков вместе с гендиректором «Динамо» обратился в ПФЛ. Расследованием занялись РФС и правоохранительные органы [3].

Иногда коррупционные контакты возникают между руководителями и собственниками спортивных клубов. В своем интервью администратор популярного сайта о договорных футбольных матчах Димитрович заметил, что стоимость договоренностей между клубами в решающем матче может превышать миллион долларов. Часть из этих денег достается руководству, часть – футболистам. Сумма незаконного вознаграждения игрока может достигать 200 тысяч долларов. Судьи чаще всего осведомлены о том, что команды договорились, и получают за молчание определенные деньги [4].

В некоторых случаях подкупленные спортсмены просто отказываются от участия в соревнованиях. Так, недавно нападающий московского «Спартака» Эммануэль Эменике попал в число 33-х подозреваемых в договорных матчах на чемпионате в Турции. Ему предъявлено обвинение в том, что, будучи игроком команды «Карабюкспор», он специально не вышел на матч против «Фенербахче», чтобы ослабить свой собственный клуб [5].

Довольно часто спортивные конкуренты заключают соглашение о взаимовыгодном обмене очками без дачи (получения) незаконного вознаграждения. Подобный матч обычно заканчивается вничью. Реже: с тем счетом, который устраивает обе команды. В качестве примеров можно привести: матч сборных Швеции и Дании на Евро-2004, где им надо было сыграть со счетом 2:2 чтобы выйти из группы; матч Лиги Чемпионов между Порту и Арсеналом со счетом 0:0, когда им нужно было сыграть вничью [6]. Предварительное соглашение между состязающимися заключается и для того, чтобы сформировать «пул команд-победителей».

Манипулирование результатами соревнований может быть связано с предвзятым судейством судей, действующих из корыстных побуждений, либо «патриотических» убеждений. Так, в 2006 г. на чемпионате России по футболу был зафиксирован ряд инцидентов с предвзятым судейством [7]. Подкупленные судьи для обеспечения нужного исхода состязания используют самые разнообразные приемы: удаления и пенальти; психологическое подавление «заказанной» команды посредством акцентировании внимания на малейших нарушениях ее игроков и игнорировании нарушений ее конкурентов. Известны случаи предвзятого судейства в спортивной и художественной гимнастике, синхронном плавании, фигурном катании, фристайле, лыжных гонках, шорт-треке. Так, много было пересудов о подкупе судей на соревнованиях по фигурному катанию в 2002 г. на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити. После того как этот инцидент получил широкую огласку, МОК и Международный союз конькобежцев пересмотрели первоначальные результаты и вручили два комплекта золотых медалей: россиянам Елене Бережной и Антону Сихарулидзе, а также канадцам Джеми Сале и Давиду Пеллетье.

В 2004 г. на XXVIII летних Олимпийских играх в Афинах были откровенно занижены оценки российскому гимнасту Алексею Немову за финальные упражнения на перекладине. После бурных протестов зрителей, двое судей изменили свои первоначальные оценки. Российская олимпийская делегация подала апелляцию в Международный олимпийский комитет. МОК осудил действия судей, но так и не привлек их к ответственности [8].

В целях склонения судей к предвзятому судейству заинтересованные лица могут использовать какую-то слабость арбитра (пристрастие к алкоголю, увлечение азартными играми, сексуальные предпочтения и т.п.) и затем шантажировать его, могут использовать иные способы принуждения либо просто предложить незаконное вознаграждение (его размеры варьируются от нескольких тысяч до полумиллиона долларов – в зависимости от ранга соревнования). Некоторые судьи получают вознаграждение от двух сторон и в дальнейшем оставляют себе только деньги победителей.

Манипулирование результатами соревнований может быть обусловлено тем, что виновные лица стремятся получить незаконное вознаграждение в виде выигрыша при заключении пари в букмекерских конторах или на тотализаторе, действующих как легально, так и нелегально, как онлайн, так и офлайн.

Иногда манипулируют результатами соревнований, делая ставки против себя, сами спортсмены (команды спортсменов), другие участники состязаний. По словам В. Винокурова, в МХЛ договорные матчи организуются самими игроками, играющими на тотализаторе. Основной причиной является финансовая необеспеченность игроков этой лиги (их зарплаты колеблются в диапазоне от 13т.р до 50т.р). В других лигах (ВХЛ и КХЛ) договорные матчи происходят крайне редко (всего 1-2 за сезон), чтобы организаторы матча получили прибыль, разорив букмекерские конторы [9].

В некоторых случаях подпольные тотализаторы организуют люди, владеющие инсайдерской спортивной информацией. Так, менеджер НХЛ Рик Токкет организовал и спонсировал нелегальный тотализатор спортивных событий, используя свои связи в спортивной среде. Поддержку и защиту Токкету обеспечивал его партнер по бизнесу, который был чиновником, вхожим в полицейские круги.

Однако чаще всего побуждают спортсменов к «сдаче» матча представители преступных организаций, специализирующихся на азартных играх. Открыто говорили о том, что им поступали предложения о договорных матчах, многие теннисисты [10].

Очень развита система подпольных тотализаторов и нелегальных букмекерских контор, контролируемых преступными синдикатами, в Юго-Восточной Азии. В связи с игрой на подпольных азиатских тотализаторах упоминаются и скандалы, связанные с неожиданным прерыванием матчей в английской Премьер - лиге [11].

Итак, исследования показывают, что манипулирование результатами соревнований характерно для всех видов спорта. При этом существует наработанные схемы совершения этого общественно-опасного деяния. Основной проблемой является то, что подобные деяния очень нелегко раскрыть и доказать.

В последние годы мировое сообщество предпринимает значительные усилия по противодействию манипулированию соревнованиями посредством правовых и организационных мер. Что касается правовых мер, то общественные отношения, складывающиеся в сфере спорта, регулируются и охраняются как на международном, так и национальном уровнях. Новейшим международно-правовым нормативным актом, направленным на борьбу с коррупцией и другими злоупотреблениями в сфере спорта, является «Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями» [12]. Конвенция предусматривает для стран - участников обязанности установления уголовного преследования: 1) за манипулирование спортивными соревнованиями, включающими действия по принуждению, коррупции или мошенничеству (ст. 15); 2) за преднамеренное пособничество и подстрекательство к совершению указанных деяний (ст.17). Кроме того, Конвенция призывает противодействовать случаям манипулирования спортивными соревнованиями, связанными с размещением ставок на спортивные мероприятия, путем совершенствования государственного регулирования деятельности спортивных и букмекерских организаций.

Подписание Россией вышеуказанной Конвенции подтолкнуло законодателя к реформированию норм отечественного законодательства. В частности, были внесены изменения и дополнения в нормы Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», административного и уголовного кодексов России.

К числу эффективных организационных мер, практикуемых некоторыми спортивными федерациями (например, ФИФА и УЕФА), можно отнести: отслеживание подозрительных ставок в букмекерских конторах и на тотализаторах, организацию горячей линии по анонимному информированию о фактах манипулирования результатам соревнований, налаживание взаимодействия с Интерполом, Европолом и правоохранительными органами отдельных государств.

ВЫВОДЫ:

1. Исследования показывают, что манипулирование результатами состязаний характерно для многих зрелищных коммерческих конкурсов (конкурсов красоты, талантов и др.) и практически для всех видов спорта. К числу негативных тенденций следует отнести сращивание этой преступной деятельности с организованной преступностью, приобретение ею трансграничного характера.

2. В последние годы мировое сообщество предпринимает значительные усилия по противодействию манипулированию результатам состязаний. К числу эффективных организационных мер, практикуемых некоторыми спортивными федерациями (например, ФИФА и УЕФА), можно отнести: отслеживание подозрительных ставок в букмекерских конторах и на тотализаторах, организацию горячей линии по анонимному информированию о фактах манипулирования результатам соревнований, налаживание взаимодействия с Интерполом, Европолом и правоохранительными органами отдельных государств.

Литература

1. Хоумен Д. Организованная преступность – главная угроза для мирового // URL: https://olympic.ru/news
2. Сараев В.В. С Конвенцией на борьбу с договорными матчами и коррупцией в спорте // URL: // https://SportsCrime.ru
3. Воронин В. Договорные матчи в России. История вопроса // URL: https://www.sports.ru/football/142172660.html
4. Дубов Р. Матч договорной. Цена фиксированная // URL: https://fclmnews.ru
5. Семьянинов А. Спартаковца Эменике будут судить в Турции // URL: https://dlib.eastview.com/browse/doc/26687201
6. Иванцов К. Какие матчи были признаны договорными в России и за рубежом // URL: https://www.euro-football.ru
7. Скандал в Коллегии футбольных арбитров (2006) // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/158574

8. Алексеев С. В. Особенности регулирования труда и правового статуса спортивных судей // Спорт: экономика, право, управление. 2013. № 2. С. 8-13.
9. Винокуров В. Договорные матчи в КХЛ существуют // URL: http://www.sports.ru
10. Ли В. Теннис – рай для проходимцев // URL: https://www.sports.ru/tennis/1025975694.html
11. Курилев Н.И. Проблема отмывания денег через футбольный сектор // URL: // http://www.barcafan.ru/
12. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями от 18.09.2014 г. // URL: // http://base.garant.ru/70738696/1/

УДК 343.326

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© 2021 г. С.И. Улезько[1,2], А.С. Гордиенко[1]

[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

[2]Чеченский государственный университет
364093, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Chechen State University
32, Sheripova st., Grozny, Chechen Republic 364093

Автор обращается к проблемным аспектам дифференциации уголовной ответственности за преступления террористической направленности, её характер и основания (критерии). Акцентируется внимание на специфике правовой регламентации противодействия преступлениям террористического направленности; особенности конструкции системы квалифицирующих признаков, рассматриваемых преступлений. Отмечается, что в современной судебной практике наличествуют чрезмерно широкие пределы дифференциации уголовной ответственности за преступления террористической направленности: от лишения свободы пожизненно до прекращения уголовного преследования за одно и то же деяние, что нарушает принцип справедливости. Делается вывод о необходимости приведения в соответствие средств дифференциации уголовной ответственности дифференцирующим обстоятельствам.

Ключевые слова: *дифференциация, преступления террористического характера, классификация, правовая регламентация, уголовный закон.*

The authors address problematic aspects of the differentiation of criminal liability for crimes of a terrorist nature, its nature and grounds (criteria). Emphasis is placed on the specifics of the legal regulation of countering terrorist crimes; features of the design of the system of qualifying features of the crimes in question. It is noted that the modern judicial practice contains excessively wide limits to the differentiation of criminal liability for crimes of a terrorist nature - from life imprisonment to criminal prosecution termination for the same act, which violates the principle of justice. It is concluded that the means of differentiating criminal liability must be brought into line with differentiating circumstances.

Key words: *differentiation, crimes of a terrorist nature, classification, legal regulation, criminal law.*

Сохраняющаяся угроза возрастания преступлений террористического характера опосредует необходимость ужесточения уголовной политики, в том числе и поиск мер в части оптимизации ответственности за совершение преступлений террористического характера.

Не требует доказательства, что рассматриваемые преступления, являясь проявлением и воплощением терроризма, несут угрозу любому правовому порядку, так как посягают на его стабильность: политическую, экономическую и социальную, но также и на основные права и свободы человека и гражданина. Сказанное актуализирует необходимость решения проблем, которые возникают в судебной практике при назначении наказания за преступления террористической направленности с учётом дифференциации уголовной ответственности.

Опасность преступлений террористической направленности признается всем мировым сообществом, которое постоянно предпринимает попытки минимизировать возможности совершения этих преступлений и их последствия. Этому вопросу посвящено множество нормативных актов, принятых

не международном уровне. Это ряд конвенций ООН по борьбе с терроризмом различного вида и преступлениями террористического характера. В них указано, что террористическая преступность не может быть оправдана никакими обстоятельствами, следовательно, лица, виновные в совершении таких преступных посягательств, должны нести адекватную содеянному ответственность и соответствующее справедливое наказание за содеянное.

В нашей стране противодействие терроризму и преступлениям террористического характера осуществляется на основе установлений Конституции России [1]; специальных законодательных актов антитеррористического характера: «О противодействии терроризму» [2], «О противодействии экстремистской деятельности» [4] и др.; общепризнанных принципов и норм международного права; международных договоров РФ, регламентирующих деятельность по противостоянию террористической угрозе.

Верховенство в массиве законодательных актов принадлежит Уголовному кодексу Российской Федерации [3] – специфическому юридическому инструменту в противодействии преступлениям террористической направленности. В нём содержится ряд статей, суть которых – ответственность за терроризм и преступления террористического характера (ст.ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 227, 277, 278, 279, 360 УК РФ).

Несмотря на то, что в целом правовая основа противодействия терроризму в нашей стране практически сформирована, однако, по мнению экспертов, сегодня она нуждается в усовершенствовании. Большинство представителей научной общественности и практические работники предлагают усилить уголовную ответственность за ряд преступлений террористической направленности. При этом законодатель не вполне системно излагает содержательные и конструктивные признаки рассматриваемых преступлений, а также недостаточно корректно дифференцирует ответственность за эти преступления.

Как известно, за каждый вид преступления в УК РФ предусмотрен соответствующий вид ответственности, иными словами законодатель осуществляет градацию уголовной ответственности посредством правовых средств, закреплённых в Общей и Особенной части российского уголовного закона.

Многими российскими учеными дифференциация уголовной ответственности рассматривается как «расслоение в уголовном законе» [8, с. 38]. Сущность и возможности дифференциации законодатель использует для того, чтобы индивидуализировать уголовно-правовые последствия за совершенное преступление с учётом общественной опасности совершенного деяния.

В уголовно-правовой доктрине и в судебной практике устоявшимся признаётся подход, в соответствии с которым основанием классификации преступлений признаётся степень их общественной опасности. Этот показатель используется правоприменителем и в качестве критерия дифференциации уголовной ответственности, в том числе и при назначении наказания за преступления террористической направленности с учетом степени опасности виновного лица. Такой подход поддерживается большинством специалистов в сфере уголовного права.

А.Н. Игнатов считает, что в основу дифференциации уголовной ответственности должно быть положено изменение степени общественной опасности деяния, что детерминирует изменение ответственности в сторону её снижения или увеличения. Указанный автор называет рассматриваемые основания критериями. Он полагает, что законодатель типизирует в уголовном законе изменение степени общественной опасности, совершенного преступления [5, с. 99].

В уголовно-правовой доктрине наличествует точка зрения, в соответствии с которой не только степень и характер общественной опасности выступают критериями (основанием) дифференциации уголовной ответственности, она также зависит от опасности лица, которое его совершило. Собственно, эти два указанных обстоятельства составляют основу построения системы классификации преступлений по субъекту; института рецидива и наказания.

Изложенное в полной степени относится и к дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности.

В целях более глубокого понимания института дифференциации уголовной ответственности за преступления террористического направленности, необходимо провести анализ отдельных положений Особенной части УК РФ.

Начальным этапом криминализации деяний выступает их нормативно-легальное описание, которое законодатель размещает в статьях Особенной части УК РФ, выделяя и классифицируя их по признакам объективной стороны [10, с. 145].

Обратимся к законодательной трактовке террористического акта: «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов государства, международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза их совершения».

Законодатель не ограничивает террористическим актом круг преступлений террористической направленности. Их перечень намного шире. Изучение различий признаков объективной стороны преступлений террористического характера является первоначальным основанием дифференциации уголовной ответственности.

Детализирование содержания большей части преступлений террористического направления по объективной стороне производится в материалах судебной практики, а также в разъяснениях высших судебных инстанций.

Состав террористического акта, изложенный в статье 205 УК РФ, предполагает уголовную ответственность, которая наступает при условии, если действия, совершенные виновными лицами, имели характер наведения испуга и устрашения по отношению к обществу, могли вызвать «гибель людей, значительный имущественный ущерб и иные тяжкие последствия». Иными словами, чтобы деяние было квалифицировано как террористический акт, оно должно вызвать у людей страх за свою жизнь и здоровье; опасения за безопасность близких, сохранность имущества и др. [6, с. 126]. Действия, совершенные в ходе террористического акта, должны быть по последствиям, сопоставимыми со взрывом или поджогом. К последним можно определить такие деяния как: вооруженные нападения на города, захват общественных учреждений и мест, таких как: дошкольные учреждения, общеобразовательные школы, поликлиники и госпитали, здании органов государственной власти и муниципалитета, военизированных подразделений и территориальных органов внутренних дел, а также культурно-развлекательных мест населения. Кроме того, к иным действиям относят: отравление жизненно-важных источников общества, уничтожения различного рода инженерной коммуникации государства и общества.

Угроза вышеуказанных деяний может выражаться различными способами и посредством различных средств.

Кроме террористического акта, явными преступлениями террористической направленности, как уже было указано, эксперты называют составы 205.1- 205.5, 208 и др. УК РФ. Перечисленные в них деяния – это только незначительная часть проявлений терроризма, за которые законодатель установил уголовную ответственность.

Что касается дифференциации ответственности за преступления террористического характера, то в этом аспекте необходимо отметить, несколько моментов:

- первый: законодатель закрепил в уголовном законе широкую систему норм, в которых описаны возможные проявления терроризма по объективной стороне в целях уголовно-правового противодействия терроризму;

- второй: законодатель реализует дифференциацию уголовной ответственности за преступления террористического характера посредством создания особой конструкции системы квалифицирующих признаков, рассматриваемых преступлений. При этом в качестве оснований дифференциации ответственности выступают различные обстоятельства, отличающиеся по характеру и исключительной степени опасности обстоятельства;

- третий: законодатель дифференцирует уголовную ответственность за преступления террористического характера посредством установления специальных оснований возможного освобождения от уголовной ответственности, например, в примечании к ст. 205 УК РФ [9, с. 144].

Таким образом, при всем расширении значимости дифференциации уголовной ответственности, наличие чрезмерно широкие пределы дифференциации уголовной ответственности за преступления террористической направленности – от лишения свободы пожизненного до прекращения от уголовного преследования за одно и то же деяние не является обоснованным. Полагаем, что дифференциация уголовной ответственности за преступления террористического характера должна быть оптимизирована, иными словами, необходимо, чтобы средства дифференциации уголовной ответственности реально соответствовали дифференцирующим обстоятельствам при отсутствии противоречий в общей системе таких средств. Указанные недостатки дифференциации уголовной ответственности нуждаются в выражении позиции высших судебных инстанций в виде нового, расширенного постановления Пленума Верховного Суда РФ по делам террористического характера.

Литература

1. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
4. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

5. Игнатов А.Н. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления террористического характера // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №6. С. 98-101.
6. Кокоева Л. Т., Колиева А. Э., Гармышев Я. В. Совершенствование уголовной ответственности за преступления террористической направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №1. С. 125-131.
7. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. 38с.
8. Уголовное право. Общая часть. В 2 т: учебник для вузов / И.А. Подройкина [и др.]; ответственный редактор И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С.И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 280с.
9. Хараев А. А. Тенденция уголовно-правовой политики в сфере антитеррористической направленности // Социально-политические науки. 2018. №3. С. 143-145.
10. Черкесов С. Х. О некоторых аспектах дифференциации уголовной ответственности за преступления террористического характера // Вестник СЕВКАВГТИ. 2015. № 2. С. 145-150.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1 343.98

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

© 2021 г. И.И. Короленко, Л.П. Горбатюк

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются уголовно-процессуальные особенности и принципы, от соблюдения которых зависит успех проведения обыска и выемки. В связи с принятием 27 декабря 2018 г. Федерального закона № 533-ФЗ, предусматривающего включение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новой статьи – 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий», авторы предлагают формулировку дополнительного принципа, необходимого при производстве обыска и выемки, – это копирование с цифровых устройств.

Ключевые слова: *принципы обыска и выемки, криминалистическая тактика, копирование с цифровых устройств, применение технических средств.*

The article discusses criminal procedural features and principles, the observance of which depends on the success of the search and seizure. In connection with the adoption on December 27, 2018 of Federal Law No. 533-FZ, which provides for the inclusion in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of a new article – 164.1 "Features of the seizure of electronic media during investigative actions", the authors propose the formulation of an additional principle necessary in the production search and seizure is a copying from digital devices.

Keywords*: principles of search and seizure, forensic tactics, copying from digital devices, the use of technical means.*

Среди многообразия возможных способов доказательств на этапе предварительного расследования можно отметить обыск и выемку. Однако необходимо провести данные следственные действия своевременно и оперативно, ведь именно данные факторы обеспечивают выяснение обстоятельств дела, восстановлению и защите нарушенных прав потерпевшего.

В настоящее время отличительной чертой исследований производства обыска и выемки является то, что не имеется системного подхода к изучению данной темы, а имеющиеся исследования относятся к способам их проведения, и сводятся лишь к криминалистическим моментам. Разработанность принципов криминалистики углубляет теорию данной науки и таким образом оказывает влияние на степень ее зрелости [9, с. 97]. Но проблемные вопросы сути и структуры основополагающих принципов криминалистической тактики, как мы считаем, не в полной мере изучаются в учебной и научной литературе, в связи с чем данный момент остается не урегулированным.

Принципами принято считать фундаментальные и специальные познания в эволюции криминалистической науки, также можно их трактовать как формулировку правила. Принципы криминалистики мы можем условно разделить на две группы, а именно на общие и специальные принципы.

Но криминалистика, как и любая наука, в своей теории не может ограничиваться лишь общенаучными принципами, ей необходимо также наличие принципов построения и развития, ведь криминалистическая тактика является способом организации экспертной деятельности, судопроизводства, производства досудебного следствия. Данный момент предоставил бы возможность построения должной системы производства предварительного расследования, тем самым значительно упростив ее.

Фундаментальные положения, на которых строится осуществление и проведение судебных, следственных и иных действий, совершаемых по уголовным делам, называются специальными принципами. Как известно, права граждан защищены основным законом нашей страны - Конституцией РФ [1], поэтому предполагается, что обыск и выемку можно смело считать отличительными следственными действиями, ведь именно во время их производства ограничиваются права граждан, регламентированные статьями 25 и 35 Конституции. Поэтому должностное лицо (следователь либо дознаватель), уполномоченное на выполнение вышеуказанных следственных действий, обязано знать закрепленные законодателем границы прекращения либо ограничения прав пользования своим имуществом для граждан. В ином случае незаконные действия следователя либо дознавателя могут быть квалифицированы как должностное преступление, а протоколы обыска либо выемки могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами.

Обыск и выемка все же являются наиболее результативными способами получения доказательственной базы.

Но результативность данных следственных действий стоит в прямой зависимости от выполнения определенных правил, следования следующим принципам:

1. Соблюдение законности – в связи с тем, что во время проведения обыска либо выемки ограничиваются права граждан, которые регламентированы ст. 25 Конституции РФ, поэтому при производстве данных следственных действий от должностного лица требуется неукоснительное соблюдение закона.

2. Обеспечение фактора внезапности. Данный принцип влияет на результативность следственных действий. Для того чтобы его соблюсти, должностное лицо обязано любыми возможными законными способами организовать следственно-оперативной группе своевременное появление на мете проведения следственного действия. Ведь у предполагаемых преступников не должно быть возможность скрыть следы преступлений.

3. Объективность, всесторонность и полнота обследования в ходе обыска (выемки). Объективность – данный принцип обязывает должностных лиц фиксировать все проводимые мероприятия, а также то, что было обнаружено при выполнении данных действий в реальной последовательности, чтобы в процессуальном документе все соответствовало действительности. Под всесторонностью понимается установление и определение каждого вещественного доказательства, которое необходимо для разработки версий совершения преступлений, а в дальнейшем и для их проверки. Полнота обследования объекта предполагает, что должностное лицо выявило все возможные при данном следственном действии доказательства, у него не возникнет необходимости в повторении проделанной работы [4].

4. Ситуационность. Можно отнести данный принцип абсолютно ко всем следственным действиям, он считается общим. Он определяет действия должностного лица в какой-то конкретный момент, в связи со сложившейся обстановкой. Основным является осуществление деятельности в настоящее время [6, с. 84].

5. Единое руководство обыском (выемкой). Данный принцип закрепляет следующее. На следственном действии, которым руководит должностное лицо (следователь, дознаватель), присутствуют иные лица. Это могут быть оперативные сотрудники, которые не только обеспечивают охрану, но и занимаются поиском значимой информации; специалисты; представители общественности; граждане, у которых проводится обыск (выемка); понятые, без которых невозможно провести данные следственные действия. Понятые имею права фиксировать свои замечания в процессуальных документах, при возникновении спорных ситуаций понятым придется явиться в суд [5, с. 79].

Законодательством РФ предусмотрено, что при возникновении случаев неотложности обыска, в соответствии с частью 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], провести его имеет право также орган дознания по поручению следователя. В данном случае решения, указания следователя являются императивными для всей следственно-оперативной группы (далее – СОГ). Дознаватель в свою очередь осуществляет руководство и организовывает деятельность каждого участника СОГ, несет ответственность за законное проведение следственного действия, за его объективность, всесторонность, полноту производства.

6. Планомерность обыска (выемки) – предполагает определение его границ; конкретизация способов поиска вещественных доказательств; акцентирование внимания на существенных моментах; определение места и методов для фиксации проводимых следственных действий: проведение ориентирующей, узловой или обзорной фотосъемки; возложение на каждого из участника СОГ задач [8, с. 155].

Помимо вышеуказанных мероприятий по организации следственного действия (обыска, выемки), должностное лицо, обладая сведениями о наличии видеонаблюдения в месте проведения обыска (выемки), планирует действия СОГ таким образом, чтобы максимально соблюсти принцип скрытности своего прибытия.

Принцип планомерности способствует результативности проведения обыска (выемки).

7. Использование технических средств и помощи специалиста. В современном мире просто невозможно без использования достижений науки, а именно технических средств, выявить необходимые вещественные доказательства. В последующем их нужно зафиксировать, изъять в соответствии с законом, показать связь обнаруженного предмета с совершенным преступлением. Использование технических средств осуществляется при помощи специалистов (лиц, обладающих специальными званиями в конкретной области) [10, с. 146].

Примером является арест преступников, которыми совершались убийства в течение нескольких лет. Все преступники проживали в разных местах и на съемном жилье. Одновременно у всех были проведены обыски с целью выявления на их одежде и обуви следов крови потерпевших [12]. После того как были осмотрены личные вещи злоумышленников с помощью источника криминалистического света, исследованы пятна, которые были похожи на кровь, при помощи тест-полос «Гемофан», сотрудниками было произведено изъятие вещей, на которых имелись следы крови. Естественно, что преступники отказывались от того, что изъятые со следами крови вещи принадлежат им. Они утверждали, что вещественные доказательства принадлежат собственнику квартиры. В данном случае органом предварительного расследования было вынесено постановление о проведение молекулярно-генетической экспертизы. Для ее проведения у подозреваемых лиц изымались образцы буккального эпителия. По итогам экспертизы было установлено, что изъятые вещи принадлежат именно преступникам, а кровь, обнаруженная на одежде, потерпевшим.

Заключение специалиста, выполненное по итогам обследования места обыска (выемки), помогло проверить версии о возможных местах нахождения вещественных доказательств, логично и правильно описать все выполненные действия в протоколе.

8. Следующий принцип – это соблюдение криминалистических правил обращения с объектами. В соответствии с этим принципом обнаруженные предметы первоначально осматриваются в том месте, где и были впервые обнаружены, они не перемещаются, не берутся в руки, фиксация с помощью фото- и видеоустройств производится по принципу запечатлевающей съемки [7, с. 102]. Затем в протоколе обыска все подробно описывается. Сначала описываются общие признаки, далее, после использования технических средств, описывают обнаруженные частные признаки. Запрещено производить любые пояснительные надписи и др. непосредственно на обнаруженных в ходе обыска объектах. Надлежащая упаковка объектов, обнаруженных в ходе обыска, должна обеспечивать их сохранность [11, с. 166].

9. Копирование с цифровых устройств. В связи с принятием 27 декабря 2018 г. Федерального закона № 533-ФЗ, предусматривающего включение в УПК РФ новой статьи 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий»[2], можно сформулировать еще один необходимый принцип обыска (выемки) – это принцип копирования с цифровых устройств.

Данный принцип означает, что следователь (дознаватель) теперь получил право осуществлять в ходе рассматриваемых следственных действий изъятие информации, производя ее копирование с электронных и цифровых устройств, которые содержат доказательственную информацию, не производя изъятие данных устройств. И это является очень важным нововведением, так как ранее следователь (дознаватель), обнаружив на устройстве, сервере или иных цифровых устройствах информацию, которая имеет отношение к уголовному делу, был обязан изъять данное устройство и после поместить его в помещение для хранения вещественных доказательств. То есть, если компанией при осуществлении своей деятельности использовалось значительное количество компьютеров (например, несколько десятков), то логично, что у следователя (дознавателя) возникали определенные трудности с их транспортировкой, хранением и др. А компания, в свою очередь, становилась неработоспособной на определенное время и, соответственно, несла убытки.

Осуществляя копирование необходимой, имеющей значение для расследования уголовного дела информации с цифровых устройств, следователь (дознаватель) теперь получает возможность не производить их изъятие. Осуществив копирование информации, следователь (дознаватель) должен описать все свои действия в протоколе, поясняя, какие им использовались технические средства, а

также тактику их применения и фиксируя результаты. Носители информации следователь (дознаватель) прилагает к оформленному протоколу проведенного следственного действия.

Таким образом, обыск и выемка являются достаточно сложными следственными действиями. Данный способ получения доказательств является эффективным, но связан с ограничением прав граждан, а также затрагивает личные интересы граждан, именно поэтому закон требует, чтобы следователи действовали только в дозволенных пределах, соблюдая все общие и специальные принципы, рассмотренные в настоящей работе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // Официальный интернет-портал URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. (ч. I). Ст. 4921.
4. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (Постатейный) // URL: https://www.studmed.ru/view/bezlepkin-btkommentariy-k-ugolovno-processualnomu-kodeksu-rf-postateynyy_2f9d1e80c15.html. (Дата обращения: 21.05.2021).
5. Винберг А.И. О научных основах криминалистической тактики // Правоведение. 1965. №3. С. 78-83.
6. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений // Изд-во БГУ. - Минск. 1979. - 128 с.
7. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий // Вышэйшая школа. Минск. 1971. 272 с.
8. Бертовский Л. В. Криминалистика: учебник для бакалавров // РГ-Прес. М. 2018. 960 с.
9. Сорочкин А.С. Криминалистическая тактика: учебник для высш. учеб. заведений. М.: Юрлитинформ. 2013. 278 с.
10. Себякин А.Г. Специфика помещений, используемых для организации и проведения азартных игр // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 192-195.
11. Технико-криминалистическое сопровождение расследования преступлений. Учебное пособие / под общей ред. А.М. Багмета. М. 2016. 229 с.
12. Убийства на трассе М4 «Дон», дело банды GTA – Биографии и справки // URL: https://chip-penza.ru/raznoe/banda-na-trasse-m4-gta-ubivali-oni-bez-razbora-delo-bandy-gta-biografii-i-spravki.html

УДК 343.14

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

© 2021 г. С.Г. Матинов, А.В. Николаев, А.А. Арзуманян

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье авторы исследуют положение признания вещественных доказательств по уголовным делам. При этом дано толкование этой нормы УПК РФ и оценка понятия предмета, на которых сохранились следы совершенного преступления, имеющие значение для уголовного дела. В статье исследована природа возникновения вещественных доказательств в системе уголовного судопроизводства. Также дана оценка значимости вещественных доказательств при доказывании по уголовным делам. Кроме того, исследованы обстоятельства получения вещественных доказательств при производстве следственных действий.

***Ключевые слова**: вещественные доказательства, осмотр места происшествия, следы, следователь, дознаватель.*

In the article, the authors investigate the situation of recognition of material evidence in criminal cases. At the same time, the interpretation of this norm of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the assessment of the concept of the object on which traces of the committed crime have been preserved that are important for the criminal case are given. The article examines the nature of the emergence of material evidence in the criminal justice system. An assessment of the significance of physical evidence in proving criminal cases is also given. In addition, the circumstances of obtaining material evidence in the course of investigative actions are examined.

***Keywords:** physical evidence, inspection of the scene, traces, investigator, investigator.*

Порядок и правила признания вещественных доказательств по уголовным делам регламентирована специальной и отдельной статьей 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1]. Указанная норма статьи неразрывно связана с такими следственными действиями как осмотр места происшествия, обыск, выемка и осмотр документов и предметов.

Прежде чем дать оценку значимости признания вещественных доказательств и его месте в уголовном судопроизводстве, необходимо исследовать природу его возникновения. Вещественные доказательства собираются с начала доследственной проверки и расследования уголовного дела. Это прежде всего с момента осмотра места происшествия, когда обнаруживаются и изымаются следы преступной деятельности. Соответственно составляется протокол осмотр места происшествия, где обязательно должно быть указано, где обнаружены следы и орудия преступления, с подробным их описанием и каким образом они изъяты и упакованы. В дальнейшем эти следы исследуются в ходе судебных экспертиз, и если обнаружится их причастность к преступлению и преступнику, то они будут признаны вещественными доказательствами как один из главных аргументов обвинения в причастности обвиняемого в совершении инкриминируемого деяния.

Кроме того, авторы допускают изъятие предметов и документов по преступлениям в сфере экономики на стадии доследственной проверки, среди иных процессуальных действий, как получение объяснений; изъятие образцов для сравнительно исследования и иных мероприятий. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что сбор материалов на стадии доследственной проверки может быть включен в обвинительное заключение как документы, представляющие доказательства [2, с.100].

Еще одним, если можно назвать, «поставщиком» вещественных доказательств являются результаты производства обыска и выемки. Не вдаваясь в подробности осуществления этих в некотором смысле схожих следственных действий, где обыск является принудительным действием, а выемка добровольным предоставлением требуемых предметов и документов, эти процессуальные мероприятия прежде всего направлены на обнаружение и изъятие предметов или документов, имеющих значение по уголовному делу. Также по результатам обыска или выемки составляется соответствующий протокол, где лицо, производящее эти следственные действия, указывает, каким образом были изъяты предметы и документы с описанием и их перечислением. Если изъятое в ходе обыска и имущество (предметы и документы) будут иметь отношение к совершенному преступлению, то они в дальнейшем будут признаны вещественными доказательствами.

При этом изъятие предметов и документов в ходе предварительного следствия или дознания не исключает возможность их владельцев обжаловать это решение в суде соответствии со статьей 125 УПК РФ. Очевидность полноценного и объективного рассмотрения в суде обжалования решения по изъятию предметов и документов по преступлениям в сфере экономики автор ставит под сомнение. Как ранее отмечали авторы в своих публикациях, суды не должны вовлекаться в ходе досудебного производства в ход следствия и дознания, что может ставить под сомнение правильность и законность отнесением законодателем положения по передаче некоторых мер от прокурора суду [3, с.137].

И последним следственным действием, непосредственно связанным с признанием вещественных доказательств, можно назвать осмотр предметов и документов. Осмотр предметов и документов является предтечей перед признанием вещественных доказательств. В ходе расследования уголовного дела следователь или дознаватель, достоверно установив принадлежность и причастность изъятых предметов и документов, должен их осмотреть, составив соответствующий документ, где каждое имущество (предмет, документ, след) подробно и детально описывается в протоколе осмотра.

Говоря о признании вещественных доказательств, нельзя не сказать и о заключении эксперта, на основании которого устанавливается принадлежность следов к совершенному преступлению и к условному подозреваемому или обвиняемому. После заключения эксперта можно сказать, что следователь или дознаватель в ходе расследования уголовного дела уже достоверно убеждается в принадлежности изъятых следов, предметов и документов к совершенному преступлению или преступнику и после этого признает их вещественным доказательствам.

Приступая к исследованию природы вещественных доказательств, следует отметить, что к ним законодателем отнесены любые предметы. В данном случае ключевым словом в данной норме следует отнести слово «любые». При этом законодатель перечислил и обозначил следующие предметы: которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. С учетом того, что законодатель хотя и употребил ключевое слово «любые», отнесенным к вещественным доказательствам, однако довольно точно и в полном объеме сам же их перечислил.

Во главу угла и краеугольным камнем в числе первых были отнесены орудия преступления и иные средства совершения преступления, которые сохранили следы преступления. К орудиям преступления относятся огнестрельное, взрыво-техническое или холодное оружие, ядовитые вещества, а также иные оказавшиеся под рукой у преступника предметы. То, что орудию преступления уделено главное внимание, является абсолютно правильным решением, потому как это относится к обстоятельствам совершения деяния и предъявления обвинения. Помимо орудия преступления законодатель к вещественным доказательствам отнес и оборудование, и иные средства совершения преступления или сохранили на себе их следы. К оборудованиям можно отнести всевозможные технические средства, например автомобиль или специальные предметы отмычки жилищных помещений. В данном случае имеется ввиду прежде всего сохранение следов на этом оборудовании. К следам и их образованиям можно отнести отпечатки пальцев рук, обуви и протекторов шин, крови и иных биологических веществ. И опять же, возвращаясь к осмотру места происшествия, важным шагом дальнейшего признания вещественных доказательств является обнаружение следов преступления на первоначальном этапе расследования. В итоге осмотр места происшествия и обнаружение там следов и орудий преступлений является залогом раскрытия преступления.

Следующим отнесенным к вещественным доказательствам законодателем отнесены предметы, на которые были направлены преступные действия. К этим предметам прежде всего следует отнести похищенное имущество. Все похищенное имущество, включая негодное имущество и документы, подлежит осмотру и признается вещественными доказательствами, разумеется, после их обнаружения и изъятия. К негодному имуществу относятся предметы, которые не имеют ценности для потерпевшего и были похищены преступниками впопыхах вместе с остальными ценными вещами. Документы, хоть не имеют материальной ценности, также признаются вещественными доказательствами, потому как необходимы потерпевшему для повседневной общественной жизни. Помимо похищенного имущества предметами, на которые были направлены преступные цели, следует отнести и самого потерпевшего, его одежду и физическое тело. Хотя нанесение потерпевшему вреда здоровью и жизни определяется путем освидетельствования и проведением судебно-медицинской экспертизы, зафиксированные повреждения тоже должны быть признаны вещественными доказательствами.

Отдельными предметами признанию вещественных доказательств законодатель отнес деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления. Изъятие денег и ценностей производится на основании и по правилам статей 164 и 164.1 УПК РФ. Это прежде всего по постановлению следователя, дознавателя, органа дознания и суда, осуществление выемки и обыска.

Именно в ходе производстве выемки и обыска производится изъятие имущества, куда входят деньги и ценности по уголовным дела в сфере экономики [4, с.105].

И последним пунктом, что может быть причислено к вещественным доказательствам, законодатель указал на иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств дела. Указанный пункт говорит о тех предметах, которые не вошли в вышеперечисленные наименования, что может включать термин «любые». Однако авторы считают данный пункт избыточным и излишним и может дойти до абсурда, когда к средствам для обнаружения преступления может быть причислена криминалистическая техника, с помощью которой изымались следы преступления. А само установление обстоятельств, каковыми могут быть, например, через электронные носители информации, не могут быть признаны вещественными доказательствами. К примеру, имеется видеоинформация о совершенном преступлении и преступнике из камер наблюдения, изъятая и записанная на флешку, которая, безусловно, является вещественным доказательством, но сами камеры наблюдения нельзя включать в предметы вещественных доказательств, хотя данная информация относится к обстоятельству преступления.

В части 2 статьи 81 УПК РФ речь идет о предметах, которые должны будут признаны вещественными доказательствами. Оформление признания вещественных доказательств законодателем установлено через соответствующее постановление. Кроме того, вещественные доказательства должны быть отдельно осмотрены, что включает в себя подробное и детальное их освещение. Однако как должен быть оформлен осмотр вещественных доказательств, законодатель напрямую не указал, но в части 2 статьи 176 УПК РФ дано указание об осмотре предметов. В результате осмотр предметов должен быть оформлен соответствующим протоколом как отдельным следственным действием. В постановлении же о признании вещественных доказательств должны быть перечислены предметы и следы, где и когда они были обнаружены и на основании каких следственных действий. При этом сначала должен быть произведен осмотр предметов, а потом уже вынесено постановление о признании вещественных доказательств.

Резюмируя положение признания вещественных доказательств по уголовным делам, авторы предложили свое толкование этой нормы УПК РФ, где дали оценку понятию предмета, на которых сохранились следы совершенного преступления, имеющие значение для уголовного дела.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019), подп. Президент. РФ 18.12.2001г, опубликован в Российской газете. 22.12.2001г. №2861 (0).

2. Матинов С.Г., Матинова З.Г., Арзуманян А.А. Сравнительные положения изменения норм УПК РФ и УПК РСФСР в части возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: Материалы 1 Всероссийской научно-практической конференции, 8-9 июня 2020г., Пятигорский государственный университет, 2020.

3. Матинов С.Г., Матинова З.Г., Позднышов А.Н. Сравнительные положения изменения норм УПК РФ и УПК РСФСР в части передачи полномочий от прокурора суду по избранию меры пресечения, обыска и других мер процессуального принуждения / Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (в режиме online), 21 мая 2020г., Ростовский юридический институт МВД РФ. 2020.

4. Матинов С.Г., Николаев А.В. Признание документов и предметов вещественными доказательствами по уголовным делам экономической направленности / Актуальные проблемы развития цивилистической науки 2020: Сборник научных трудов. М.: Знание-М, 2020, с.104.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ МИРОВЫМ СУДЬЕЙ

© 2021 г. Р.Г. Непранов, С.А. Зотова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье анализируются особенности процедуры рассмотрения уголовных дел частного обвинения у мирового судьи в Российской Федерации. Исследуются вопросы регулирования процедуры такого вида судопроизводства законодательством РФ. Рассматриваются особенности судебного разбирательства по уголовным делам частного обвинения, виды решений, выносимые по итогам судебного разбирательства по уголовным делам частного обвинения.

Ключевые слова: *мировой судья, особенности рассмотрения уголовных дел, дело частного обвинения, частный обвинитель.*

The article analyzes the features of the procedure for considering criminal cases of private prosecution before a magistrate in the Russian Federation. The article examines the regulation of the procedure of this type of legal proceedings by the legislation of the Russian Federation. The features of the trial in criminal cases of private prosecution, the types of decisions rendered following the results of the trial in criminal cases of private prosecution are considered.

Keywords*: magistrate, special characteristics of the consideration of criminal cases, private prosecution case, private prosecutor.*

Исторически сложилось, что частное обвинение считалось единственной формой судебной защиты нарушенных прав и интересов, из которой потом образовывались все современные виды процесса.

Результатом судебной реформы, которая осуществлялась в Российской Федерации на протяжении последних лет, выступила идея о расширении частных начал в уголовном судопроизводстве, смена приоритета социальных ценностей в пользу определенного человека, а не государства. Этот процесс коснулся, в том числе, и производства по уголовным делам частного обвинения, которое напрямую позволяет учитывать личные интересы граждан, которые являются потерпевшими от преступных посягательств [8, 204 с.].

В основном, судопроизводство по уголовным делам у мирового судьи отличается от общих правил относительно рассмотрения дел частного обвинения, и, так как дела частного обвинения – это основная часть дел, находящихся в производстве мирового судьи, важно непосредственно изучить данные особенности, что и является целью нашей статьи.

Говоря об институте частного обвинения, его определение складывается из материальных и процессуально-правовых аспектов.

В материальном – это установление потерпевшим перед судом такого факта как совершение в отношении него преступления и за которое на усмотрение потерпевшего реализовывается уголовное преследование.

В процессуальном – это дела, которые возбуждают посредством передачи заявления потерпевшего в суд, а прекращение таких дел наступает при примирении сторон или при отказе от обвинения.

Следовательно, институт частного обвинения – это совокупность правовых норм, которая упорядочивает перечень уголовных дел частного обвинения, регулирует порядок производства таких дел, их особенности, выделяя такой своеобразный субъект уголовного преследования как частный обвинитель (потерпевший) [4, 36 с.].

Приведем перечень прав, которыми может воспользоваться пострадавший для доступа к правосудию [7, 92 с.], так называемая система условий активного участия этого лица:

1) инициирование судопроизводства;

2) формулирование своей позиции касательно уголовного производства;

3) обжалование действий и решений суда и должностных лиц. Чтобы обеспечивать данный перечень прав, необходимы дополнительная защита прав и интересов лица, пострадавшего от преступления частного обвинения;

4) Пострадавший должен быть обеспечен информацией о ходе судопроизводства;

5) Процессуальные издержки пострадавшего должны быть снижены.

Выделение такого самостоятельного субъекта уголовного преследования как частный обвинитель позволяет увидеть диспозитивность производства по уголовным делам частного обвинения [1]. Данный институт образуется из правовых норм, представленных общими правовыми положениями и принципами, проявляются специфические юридические понятия, относящиеся к частному праву. Принцип состязательности – самый важный принцип для института частного обвинения, без него частный интерес останется беззащитным, его реализация окажется под вопросом.

В рамках уголовного процесса существуют разнообразные виды производств, которые отличаются друг от друга, тем самым образуя дифференциацию уголовного судопроизводства. Перед тем как изучить виды производств исходя из дифференциации уголовного процесса, не обойтись без понятия «уголовно-процессуальное производство». Разделение на виды производств зависит от их направленности, а та, в свою очередь, отражается в предмете и задачах. Таким образом, можно выделить основные, дополнительные и особые виды производств. По сложности процессуальной формы производства бывают обычными, упрощенными и производствами с более сложными процессуальными формами.

Если говорить о том, к какому виду относится производство по уголовным делам частного обвинения, то его можно определить к упрощенным, поэтому стоит проанализировать этот вид более основательно. Упрощение производства у мировых судей представляется необходимым, обязательным, следовательно, не случайным явлением, так как опирается на цели создания института мировых судей. Затраты средств и времени государства и граждан при рассмотрении и разрешении уголовных дел у мировых судей должны быть приемлемы, данное производство требует повышения качества и совершенствования [5]. Существует разделение уголовных производств на простые и сложносоставные, критерием является структура. Производство по уголовным делам частного обвинения относится к простым, так как присутствуют упразднение досудебного цикла доказывания и сокращенные процессуальные сроки.

Согласно ч. 3 ст. 321 УПК РФ рассмотрение заявления по уголовному делу частного обвинения может быть соединено в одно производство с рассмотрением встречного заявления [2]. В данном случае имеет место упрощение уголовного судопроизводства с помощью умножения его составных элементов, рассмотрение и разрешение одновременно двух жалоб.

Можно считать, что упрощение в производстве по уголовным делам частного обвинения выражено в том, что, как правило, отсутствует государственный обвинитель, а потерпевший, в свою очередь, становится после принятия мировым судьей заявления к своему производству частным обвинителем, который собирает и предоставляет доказательства в суд [3].

Уголовные дела частного обвинения относятся к упрощенному судопроизводству, являются простым по своей структуре производством. В производстве исключаются усложненные процессуальные процедуры, устанавливаются сокращенные сроки, вводится фигура частного обвинителя в лице потерпевшего, который занимается сбором доказательств и поддержанием обвинения в суде. Желательная направленность этого производства заключается в том, чтобы уголовные дела были разрешены миром, т.е. примирением за счет совершения процессуально значимых действий.

Без внимания нельзя оставить и такой аспект как возбуждение производства по уголовным делам частного обвинения по заявлениям граждан. В соответствии со ст. 318 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй ст. 20 УПК РФ, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 ч.1 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ. В случае смерти потерпевшего подача заявления осуществляется близким родственником или дело возбуждается следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в случаях, предусмотренных ч.4 ст. 20 УПК РФ.

УПК РФ предусматривает достаточно детальные требования к заявлению по делам частного обвинения. Выполнение таких требований необходимо, так как при производстве по уголовным делам (по общему правилу) отсутствует досудебный этап, когда именно органы предварительного расследования в силу публичного предназначения собирают доказательства совершения преступления, и поэтому мировой судья для решения вопроса о необходимости уголовного процесса первоначально ограничен только теми сведениями, которые предоставил потерпевший.

Стоит упомянуть и о сроках рассмотрения дела с момента принятия заявления частного обвинителя до момента постановления итогового решения. При изучении уголовных дел частного обвинения замечено, что сроки рассмотрения дел в большинстве своем составляют от 1 до 6 месяцев [6]. Нарушения сроков допускаются по причинам объективного характера, вследствие недостатков в деятельности самих судов. Причиной увеличения срока может стать прекращение полномочий судьи, затем уголовные дела предаются для рассмотрения другим судьям, которые вынуждены заново проводить судебные заседания. Законом не ограничивается количество заседаний по конкретному делу, но судопроизводство обязано осуществляться в разумный срок. Может иметь место то, что одна из сторон будет пытаться отсрочить принятие итогового решения, находя различные причины своего отсутствия

и тем самым судебное заседание будут вынуждены перенести. В судебное заседание могут не являться свидетели, которых после безуспешного вызова по повесткам приходилось доставлять в суд принудительно приводом, следовательно, это влекло новое отложение судебных заседаний. Так, срок рассмотрения уголовного дела мировым судьей 4-го судебного участка Кировского судебного района г. Новосибирска по заявлению П. о привлечении к уголовной ответственности К. по ч. 1 ст. 115 УК РФ составил 18 месяцев 3 дня (принято к производству 24.03.2016, рассмотрено 27.09.2017). Длительность рассмотрения уголовного дела вызвана тем, что судьей проведено 30 судебных заседаний, производство по делу приостанавливалось ввиду розыска подсудимого К., судебное заседание неоднократно откладывалось ввиду болезни подсудимого. В перечне доказательств ст. 74 УПК РФ указано заключение эксперта. Назначение судебных экспертиз по уголовным делам частного обвинения, как показывает судебная практика, не достаточно распространенное явление. Предоставление дополнительных доказательств, документов, характеризующих личность подсудимого и назначение судебных экспертиз, также приводит к увеличению сроков рассмотрения уголовных дел частного обвинения. Например, срок рассмотрения уголовного дела мировым судьей 1 - судебного участка Центрального судебного района г. Новосибирска по заявлению К. о привлечении к уголовной ответственности З. по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ составил 1 год 2 месяца 17 дней (принято к производству 17.07.2017 г., рассмотрено 04.10.2018 г.). Длительность рассмотрения уголовного дела вызвана тем, что в указанный период назначено и проведено судом три экспертизы [6].

Каковы же особенности судебного разбирательства по уголовным делам частного обвинения? На наш взгляд, таковыми являются:

- судебное разбирательство должно быть начато не ранее 3 и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления;
- досудебное производство по этим делам не осуществляется; рассмотрение дел осуществляется мировым судьей единолично;
- предмет судебного разбирательства – заявление потерпевшего;
- у сторон есть право на примирение до удаления мирового судьи в совещательную комнату;
- судебное следствие начинается с изложения заявления частного обвинителя или его представителем;
- рассмотрение заявления по уголовному делу может быть соединено в одно производство с рассмотрением встречного заявления;
- неявка потерпевшего без уважительной причины расценивается как отказ от обвинения и влечет за собой прекращение уголовного дела.

Исходя из практики можно отметить, что мировыми судьями при постановлении оправдательных приговоров и при прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям (отказ от обвинения, неявка частного обвинителя) взыскание процессуальных издержек производится по-разному. Также следует добавить, что вызывает вопросы практика взыскания процессуальных издержек, связанных с выплатой вознаграждения адвокату по соглашению. Мировыми судьями в качестве процессуальных издержек расцениваются и взыскиваются с частных обвинителей суммы, выплаченные привлеченным к участию в делах адвокатам не по назначению суда, а по заключенным с ним соглашениям.

Что касается видов решений, которые могут выносить мировые судьи, ими являются: приговор (обвинительный и оправдательный); постановление о прекращении уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям (как свидетельствует практика преимущественно по основаниям в связи с примирением сторон, в связи с отсутствием в деянии состава преступления, а также по другим реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям) [6]. Такие решения могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке в районный суд. При вынесении решения в виде оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела неоднозначно решается вопрос о возмещении вреда и возмещении иных расходов.

В заключение, следует отметить, что процедура возбуждения и рассмотрения уголовного дела частного обвинения имеет ряд отличительных черт, изучение которых имеет важную роль для понимания процесса рассмотрения данной категории дел у мирового судьи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. (ч. I). Ст. 4921.
3. Денисова Ю.Ю. Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения у мирового судьи, пути их решения // Мир народов. Серия: Наука и практика. 2018. № 2 (7). С. 19-23.

4. Ксендзов Ю.Ю. В поиске оптимального порядка разрешения уголовных дел частного обвинения // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 44.
5. Новокрещенов Н.С. Особенности производства по уголовным делам у мирового судьи: Дис . … к.ю.н. Иркутск. 2007. 193 с.
6. Новосибирский областной суд: официальный сайт // URL: http://www.oblsud.n sk.sudrf.ru/. (дата обращения 29.05.2021).
7. Петрушин А.И. Обеспечение права пострадавшего на доступ к правосудию при осуществлении уголовного преследования в порядке частного обвинения: Дис . … к.ю.н. Томск. 2013. 195 с.
8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. Краткий курс. 2 - е изд. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский СПб.: Питер. 2009. 304 с.

УДК 343.144

О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА И ЕГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

© 2021 г. Р.Г. Непранов, И.А. Эсмурзиев

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Современный этап развития как правового государства, в целом, так и правоохранительной системы, в частности, предусматривает компетентное и очень грамотное расследование всех преступлений. Допрос является важнейшим средством собирания доказательств, необходимость в проведении которого возникает практически по каждому уголовному делу. В настоящей статье рассматриваются мнения ученых о значении допроса в уголовном процессе. Анализируются виды и этапы проведения допроса. Предлагается авторское определение допроса как следственного действия.

Ключевые слова: *следственное действие, допрос, подозреваемый, следователь, дознаватель, обвиняемый, законность, показания, тактика, процесс.*

The current stage of the development of a law-abiding state as a whole and its law-enforcement system in particular presupposes competent and professionally done crime investigation. An interrogation is a significant means of finding evidence which necessity arises within almost every criminal case. The article considers perspectives of scientists on the significance of an interrogation in criminal procedure. Analyses the types and stages of conducting an interrogation. Proposes authors' definition of an interrogation as an investigative procedure.

Keywords: *investigative action, interrogation, questioning, suspected, investigator, interrogator, accused, legality, testimony, tactics, process.*

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не содержит определенного понятия следственного действия. В настоящее время по определению понятия следственных действий имеются мнения многих ученых. Проблеме изучения следственных действий уделяли внимание И. Е. Быховский, А. М. Ларин, А. Б. Соловьев и многие другие теоретики.

Современный этап развития как правового государства, в целом, так и правоохранительной системы, в частности, предусматривает компетентное и грамотное расследование всех преступлений. Важнейшим способом расследования различных преступлений выступает допрос.

Следует отметить, что изучение допроса как следственного действия получило широкое развитие в правовой науке.

Статьей 189 УПК РФ [2] регламентируются основные правила проведения допроса лиц по расследуемому делу.

Допрос в уголовном процессе всегда считался самым распространённым следственным действием по сбору необходимых доказательств. Именно благодаря проведению допроса формируется необходимая доказательная база, позволяющая проводить расследования и в дальнейшем раскрывать преступления.

Грамотный и опытный следователь (дознаватель) при проведении допроса применяет психологические приемы и знания криминалистики, благодаря чему получает от допрашиваемого те или иные показания по расследуемому делу [7].

Допрос выступает одним из процессуальных средств получения необходимых показаний и проверки имеющихся доказательств. Допрос позволяет проверить имеющиеся по следственному делу факты.

Так, например, В. П. Бахин называет допрос весьма сложным, но эффективным следственным действием. Это объясняется тем, что допрашиваемый не всегда дает верные показания, пытаясь скрыть правду. Кроме того, важно уметь отличать придуманный допрашиваемым вымысел и намеренно допущенные ошибки.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит легального определения допроса, что дает ученым почву для размышлений на этот счет. При этом стоит отметить, что в доктрине встречаются различные понятия данного процессуального действия.

Так, например, С.А. Шейфер допросом считает «получение в соответствии с установленной законом процедурой от допрашиваемого лица сведений о существенных обстоятельствах дела путем постановки перед ним задачи на воспроизведение и передачу информации в устной форме» [10, с. 86].

При всем уважении к профессору стоит отметить, что данное определение представляется не совсем полным ввиду отсутствия в нем указания на круг субъектов, проводящих допрос, а также на цель данного процессуального действия.

В этой связи можно привести более, на наш взгляд, полное понятие допроса, которое было дано Б.Т. Безлепкиным: допрос – это «регламентированный уголовно-процессуальным законом устный диалог между должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, и свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, который ведется в целях получения фактических данных (устных сведений), имеющих доказательственное значение» [6, с. 256].

Считаем также, что уместным является указание в определении допроса его сути именно в том, что он является следственным действием. Таким образом, сформулируем наше авторское понятие.

Допрос – это следственное действие, которое регулируется уголовно-процессуальным законом и предусматривает собой общение лица, осуществляющего предварительное расследование, с допрашиваемым лицом в целях получения сведений об обстоятельствах, относящихся к уголовному делу.

Таким образом, допрос заключается в коммуникации допрашивающего и допрашиваемого лица, проходящей, как правило, в вопросно-ответной форме. В ходе данного общения следователь (дознаватель) заслушивает и фиксирует показания допрашиваемого об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, чтобы получить личное доказательство – показания. Так, согласно ст. 73 УПК РФ, в уголовном деле необходимый предмет доказывания составляют следующие важные обстоятельства:

1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в качестве доказательств допускаются также и показания подозреваемого, обвиняемого и показания потерпевшего, свидетеля.

Таким образом, обмен информацией в вопросно-ответной форме – это и есть допрос и одновременно способ формирования личного доказательства – показаний [4, с. 9].

Допросу подлежат подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, свидетели. Причем, если для подозреваемого и обвиняемого дача показаний – право, то для потерпевшего и свидетеля – это их процессуальная обязанность, за несоблюдение которой установлена уголовная ответственность (ст. 308 УК РФ). Исключение составляют положения ч.ч. 3 и 4 ст. 56 УПК РФ, предусматривающие случаи как полной и безоговорочной невозможности определенных лиц быть допрошенными в качестве свидетеля (т.н. абсолютный иммунитет), так и случаи, когда возможность дать показания ограничена собственным волеизъявлением потенциального допрашиваемого субъекта (т.н. относительный иммунитет).

Основными задачами следственных действий являются установление конкретных обстоятельств, которые входят в предмет доказывания; получение новых или проверка имеющихся доказательств. Данные задачи, безусловно, в полной мере присущи и допросу как разновидности следственных действий.

Вместе с тем стоит отметить, что перед допросом стоит задача получения не просто каких-либо доказательств, а именно показаний, т.е. получения личных доказательств. Для таких доказательств общим выступают психическое восприятие и необходимое осмысление человеком тех или иных событий с последующей передачей сведений о них [8, с. 293]. Именно поэтому такой вид доказательств как показания всегда содержит элемент субъективности, и при их оценке нельзя не учитывать психологические и интеллектуальные особенности лица, дающего показания. Более того, очевидно, что некоторые допрашиваемые субъекты имеют свой частный (личный) интерес, особенно это касается так называемого допроса в конфликтной ситуации. Частный интерес, например, может проявляться в стремлении подозреваемого (обвиняемого), совершившего преступление, избежать уголовной ответственности полностью или быть привлеченным к уголовной ответственности за преступление с меньшей степенью тяжести, чем совершенное им в действительности. Безусловно, в таких случаях способствовать достижению общей задачи допроса – установить истину по расследуемому уголовному делу – может только настоящий профессионал своего дела, умело подобравший нужную в данной ситуации тактику допроса.

Статьей 189 действующего УПК предусмотрены обязательные права граждан, вызванных на допрос. Соблюдение этих прав имеет исключительно обязательный характер, в связи с чем нарушение закрепленных законом прав влечет ответственность должностных лиц правоохранительных органов.

Конституция РФ ст. 48 гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи [1]. Реализаций закрепленного конституционного права является участие адвоката при допросе. Так, например, адвокат может присутствовать на допросе любого свидетеля и при необходимости давать ему краткие консультации [3].

В психологии допроса существуют следующие этапы:

1. Подготовительный этап допроса. При подготовке к проведению допроса важным является тщательное изучение существенных особенностей обвиняемого лица, а также материалов уголовного дела, материалов архивных дел, в случае наличия судимости у обвиняемого, условия его обычной жизни, в том числе его склонности и интересы. При проведении допроса обвиняемого следователь (дознаватель) может использовать следующие тактические приемы: задать контрольные вопросы относительно фактов, точно установленных в деле; максимально детализировать показания.

Обвиняемый, дающий показания, как правило, излагает обстоятельства события в общих чертах, схематично. Несостоятельность обвиняемого детализировать свои показания разоблачает их ложность. Если обвиняемый утверждает, что у него есть алиби, его необходимо также тщательно и подробно допросить по этому вопросу для дальнейшей объективной проверки алиби; предложить обвиняемому вновь изложить свои показания обо всем событии в целом или каких-либо отдельных ее обстоятельствах; огласить показания других обвиняемых, потерпевших, свидетелей.

2. Основной этап.

Главной первостепенной задачей на этой стадии допроса является распознание возможного искажения сведений. Оно может быть как преднамеренным, так и непреднамеренным [5].

По последовательности проведения различают первичный и повторный допросы. По объему выяснения вопросов основной и дополнительный.

При первичном проведении допроса предмет допроса должен выясняться в полном объеме, за исключением тех случаев, когда из тактических соображений нецелесообразно это делать сразу.

Кроме этого, исключительно как для судебного производства есть основания для выделения следующих подвидов судебного допроса: прямой (основной), перекрестный, шахматный (одновременный) и комбинированный допрос.

В определении понятия перекрестного допроса между учеными также нет единства. Среди выделенных учеными признаков перекрестного допроса общими являются следующие: 1) перекрестный допрос является одним из видов судебного допроса; 2) проводится после прямого допроса; 3) должен ограничиваться вопросами, которые были выяснены во время прямого допроса.

В связи с особой практической целесообразностью и редким применением в судебной практике есть потребность подробнее остановиться на анализе повторного и дополнительного судебного допроса. В литературе эти разновидности судебного допроса именуют «преддопросами».

Прежде всего, важно отметить, что понятие «дополнительный» и «повторный» допрос не являются тождественными. Альтернативой к определению «дополнительный» допрос является не понятие «повторный», а понятие «основной» судебный допрос.

Основным отличием между основным и дополнительным допросом является объем информации, получаемой с помощью проведения таких допросов.

Важно отметить, что любой дополнительный допрос уже является повторным, поскольку проводится не впервые, а после основного допроса. Дополнительный допрос в суде играет компенсационную роль, основной его задачей является устранение пробелов, допущенных во время проведения основного допроса.

Исследование практики судебного рассмотрения уголовных дел показывает, что показания повторно допрошенных в суде лиц, прежде всего, свидетелей преимущественно содержат те или иные новые обстоятельств.

Повторный допрос необходимо проводить по иной схеме, чем основной. Начинается этот допрос по предложению ранее допрошенного лица вернуться к показаниям по сути дела с учетом другой информации, прозвучавшей в суде, и дать правдивые показания. Последовательность постановки вопросов и их форма должны быть иные, чем во время основного допроса. Это значительно усложняет воспроизведение показаний сообщенных во время основного допроса и заставляет допрашиваемое лицо сосредоточиться и воспроизвести восприняты ею события или факты. Если же показания остаются прежними, а допрашиваемый убежден в их заведомой ложности, он переводит допрос на следующий уровень и старается предъявлением конкретных доказательств поколебать позицию допрашиваемого.

При возникновении конфликта основную роль играет психологическая подготовка следователя для сглаживания ситуации [9].

3. Завершение. В момент завершающей стадии допроса формируется основа для последующих встреч. Психологические приемы, используемые для получения необходимых сведений от допрашиваемого, подразумевают создание весьма благоприятной обстановки для проведения очередного допроса.

Таким образом, заключаем, что проведение допроса является наиболее эффективным способом получения необходимых доказательств. Одновременно с этим, допрос является одним из самых сложных из всех следственных действий, что требует от следователя, проводящего допрос, высокой общей и профессиональной культуры, а также глубокого знания психологии человека.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // Российская газета. № 249. 2001.
3. Федеральный закон от 20.08.2004 №119-ФЗ (в актуальной редакции) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. №34. Ст. 3534.
4. Александров А.С. Различие между прямым и перекрестным допросом // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / СПб.: ИД «Петрополис», 2019. С. 7-12.
5. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2018. 456 с.
6. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии: курс лекций. М., 1998. 319 с.
7. Бочкарев М.В. Психологические основы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого. Саратов: СЮИ МВД России, 2018. 140 с.
8. Головко Л.В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 849 с.
9. Порубов Н.И., Порубов А.Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 304 с.
10. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. 191 с.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

© 2021 г. Л.И. Полтавцева[1,2], С.Р. Сапрунов[2]

[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

[2]Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice,
66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

В статье на основе проведенного анализа определены недостатки в законодательном механизме обеспечения мер безопасности лиц, принимающих участие в уголовном производстве России. Обоснована необходимость в комплексной системе защиты данных лиц. Предложены пути совершенствования действующего законодательства в этой сфере с учетом европейских стандартов, в частности относительно усовершенствования Программы защиты свидетелей.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, государственная защита, обеспечение безопасности, европейские стандарты, меры обеспечения безопасности, Программа защиты свидетелей.*

The article, on the basis of analysis identifies the shortcomings in the legislative mechanism for ensuring the security of persons taking part in criminal proceedings in Russia. The article substantiates the need for a comprehensive system for the protection of personal data, as well as suggests ways to improve the current legislation in this area, taking into account European standards, in particular regarding the improvement of the Witness Protection Program.

Keywords: *criminal proceedings, state protection, security, European standards, security measures, Witness protection program.*

Эффективность уголовного судопроизводства во многом непосредственно связана с тем, насколько полно и всесторонне расследованы все обстоятельства дела, установлены ли все необходимые факты и сведения, которые способствуют правильной оценке доказательств и принятию верного процессуального решения. В ряду доказательств сведения, предоставляемые в устной или письменной форме свидетелем, потерпевшим и иными участниками уголовного судопроизводства относительно известных им фактов, имеют весомое значение. Достоверные показания свидетелей способствуют правильной проверке полученных в процессе досудебного расследования сведений, установлению принадлежности доказательств и выявлению новых. Таким образом, обеспечение участия свидетелей и других лиц в уголовном судопроизводстве среди задач органов досудебного расследования и суда является одной из приоритетных. Между тем, желание человека содействовать в целом всестороннему и полному установлению обстоятельства уголовного производства, в частности предоставить достоверные и исчерпывающие сведения, во многом зависит от его уверенности в личной безопасности.

На практике, однако, работники судебных и правоохранительных органов нередко сталкиваются с тем, что свидетели и потерпевшие умалчивают известные им факты и сведения о преступлении, не обращаются в соответствующие правоохранительные органы или суд в связи с реально существующей или потенциальной угрозой применения противоправного воздействия по отношению к ним, их родственникам или членам семей.

Согласно статистическим данным, в качестве свидетелей и потерпевших по уголовным делам российские правоохранители привлекают около 10 млн. человек каждый год [1]. При этом каждый пятый свидетель подвергается давлению физического, психического или морального характера с целью принуждения их к отказу от содействия правосудию. Сказанное убеждает в необходимости надежного и эффективного обеспечения безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве.

Основу правового регулирования в этой сфере составляет Закон РФ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2]. Им предусмотрены основания, поводы (обстоятельства) и порядок осуществления уполномоченными органами РФ правовых, организационно-технических и других мер, направленных на защиту от противоправных посягательств на жизнь, здоровье, жилище и имущество лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. В комплексе эти меры направлены на реализацию одной из главных целей – создать необходимые условия для надлежащего правосудия. Кроме того, действующий Уголовно-процессуальный кодекс России [3] содержит положения, направленные на предупреждение воздействия на потерпевшего или свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Так, например, глава 2 определяет меры обеспечения уголовного производства, которые призваны предупредить возможное негативное влияние на указанных лиц. А статьи 42 и 56 УПК РФ соответственно закрепляют права свидетеля и потерпевшего заявлять ходатайства об обеспечении безопасности в случаях, предусмотренных законом.

Уголовный Кодекс России [4] предусматривает следующие составы преступлений, закрепление которых является важной гарантией безопасности лиц и соответствует рекомендациям Совета Европы и опыту зарубежных стран: ст. 309 УК РФ – «подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу»; ст. 311 УК РФ – «разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса». Обеспечение безопасности тех свидетелей, которые являются осужденными, в связи с участием в уголовном судопроизводстве предусмотрено Уголовно-исполнительным Кодексом РФ [5]: ст. 13 УИК РФ – «право осужденных на личную безопасность»; ст. 68 УИК РФ – «места отбывания ареста»; ст. 84 УИК РФ – «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях».

Небезынтересным нам представляется рассмотрение правовых механизмов защиты свидетелей и потерпевших в сравнительном с европейским опытом аспекте. Основные европейские стандарты содержатся в Рекомендациях Rec (97) 13 и Rec (2005) 9 Комитета министров Совета Европы [6; 7]. Они определяют основные принципы в области защиты свидетелей, надлежащее соблюдение которых на национальном уровне является гарантией сочетания эффективного и справедливого судопроизводства с одновременным обеспечением безопасности свидетелей и потерпевших от незаконного влияния. Прежде всего, следует обратить внимание на различия в перечнях лиц, которые могут получить защиту. Так, согласно упоминавшемуся выше Закону РФ защищаемыми могут быть: потерпевший; свидетель; частный обвинитель; подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, эксперт, специалист, переводчик, понятой; гражданский ответчик и истец, а также их законные представители; родственники и другие близкие лица; иные лица, именуемые в Законе «защищаемые лица». Как видим, защита предоставляется сторонам и их близким лицам. Кроме того, положения Закона являются общими для всех указанных в нем категорий лиц, при этом выбор мер защиты остается на усмотрение уполномоченного органа. Между тем Рекомендации Rec (2005) 9 четко дифференцируют защищаемых лиц на две категории: «свидетель» и «лицо, которое сотрудничает со следствием». Последним является любое лицо, которое привлекается к уголовной ответственности, то есть является подозреваемым, обвиняемым или осужденным. Полагаем, что подобное разграничения имеет принципиальное значение, поскольку меры защиты свидетелей (потерпевших) могут быть не применимы к «лицам, которые сотрудничают со следствием». Таким образом, в законодательстве следует четко отделить статус таких лиц: их права и обязанности; виды мер обеспечения их безопасности.

На сегодняшний день мировая практика защиты свидетелей выработала процессуальные и непроцессуальные меры защиты Процессуальные, как правило, определены в уголовно-процессуальном законодательстве: обеспечение конфиденциальности сведений о личности в материалах уголовного производства; допрос судьей в судебном заседании в дистанционном формате; опознание вне визуального и аудио-наблюдения; допрос, опознание и другие процессуальные действия в режиме видеоконференции, в дистанционном режиме, с использованием технических средств, с созданием акустических и / или видео помех; закрытое судебное разбирательство и т.д. [8].

Уголовно-процессуальным законодательством России также предусмотрены процессуальные меры защиты. На основании Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы» их чаще стали применять на практике. Однако существуют определенные сложности, связанные с тактико-техническим аспектом их применения. Так, для работы со свидетелями и жертвами преступления необходимы специально подготовленные люди, имеющие соответствующий опыт работы. С подобными проблемами сталкивались и США в начале создания программы WITSEC (Федеральная программа защиты свидетелей США (WPP), также известная как Программа безопасности свидетелей). Чтобы решить данную проблему, для сотрудничества были приглашены психологи как частные лица по договору, которые помогали проводить отдельные следственно-розыскные действия с запуганными свидетелями или

жертвами. Полагаем возможным внедрение подобной практики и в России. В частности, за счет включения в статьи УПК РФ соответствующих положений об участии психологов в отдельных видах допросов и других следственных действиях. Предусмотреть в ст.ст. 42 и 56 УПК РФ соответствующее право для свидетелей и потерпевших.

Непроцессуальные меры – это защита свидетеля путем обеспечения его основных прав и свобод путем применения программы защиты свидетелей (ПЗС). Отдельные элементы такой программы можно проследить в упоминавшемся Законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Вместе с тем в нем отсутствует четкое разграничение между процессуальными и не процессуальным мерами, поскольку принятие решения об их применении всегда происходит в рамках процессуальных действий согласно УПК РФ следователем, прокурором, судьей.

Кроме того, законодатель оставил открытым перечень мер защиты: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания; в отношении защищаемого лица могут применяться также другие меры безопасности.

В пункте 22 Рекомендаций № Rec (2005) 9 Комитета министров Совета Европы отмечено, что основной целью программы защиты свидетелей должна быть охрана жизни и личная безопасность свидетелей / лиц, сотрудничающих с органами правосудия, и их близких, в особенности - обеспечение соответствующей физической, психологической, социальной и финансовой защиты и поддержки. Имеется в виду помощь в переезде (перевозки вещей за счет государства), в трудоустройстве на новом месте жительства, устройство детей в школы, финансовая поддержка в течение определенного времени (при условии, что лицо не обогащается, а только поддерживает свой прежний финансовый уровень), психологическая реабилитация и др.

Полагаем, что предоставление психологической помощи жертвам и запуганным свидетелям, а также полное социальное обеспечение лиц в случае существенного изменения их образа жизни наряду с их физической защитой заслуживают внимания и внедрения в отечественную практику, поскольку в настоящее время наиболее распространенными мерами остаются личная охрана и охрана имущества. А они, к сожалению, не являются долговременным гарантом обеспечения безопасности для свидетелей и потерпевших.

Согласно п. 15 Рекомендаций № Rec (2005) 9, свидетели / лица, сотрудничающие с органами правосудия, которым угрожают, имеют право на получение соответствующей защиты, учитывая конкретные обстоятельства дела и персональные нужды охраняемого лица. Раскрывая информацию, свидетель ставит под угрозу свою жизнь, здоровье, свободу, физическую неприкосновенность или свое имущество. В каждом конкретном случае необходимо оценить уровень угрозы и ее реальность. Этого же требует и ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в качестве основания для принятия соответствующего решения. При проведении такой оценки ключевую роль должны играть орган досудебного расследования и психолог, поскольку в некоторых случаях свидетель, находясь в состоянии психологического стресса, может вполне испытывать не реальную, а воображаемую опасность. Поэтому важно, чтобы свидетелю была предоставлена психологическая помощь для того, чтобы определить обоснованность причин опасения. Актуальным кроме того является вопрос о целесообразности и пропорциональности мер в соответствии с характером угрозы, ведь не к каждому свидетелю целесообразно, например, приставлять личную охрану. За исключением мер безопасности, предусмотренных п.п. 4-7 ч. 1 ст. 6 Закона, которые осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, законодатель не определяет точных критериев, по которым можно определить необходимые и достаточные меры защиты. Вместо этого в Законе используются оценочные понятия: «в случае необходимости», «при наличии угрозы» и др. Расплывчатость формулировки допускает зависимость решения о применении мер безопасности от точности сопоставления затрат на меры обеспечения и уровня угрозы, от оценки фактов и обстоятельств органом, принимающим окончательное решение. Дискреционный характер полномочий и количество уполномоченных субъектов (следователи, прокуроры, судьи), принимающих решение, приводят к недостаточно эффективному использованию предоставленных законом мер. То есть, характер норм, по сути, позволяет применить любую меру защиты к преступлению любой тяжести, даже при явной непропорциональности и отсутствии существенной выгоды для следствия.

Целесообразным в этой связи представляется установление перечня преступлений с определением возможности применять конкретную меру обеспечения безопасности лица. Этот перечень может формироваться как по степени тяжести совершенных преступлений (согласно ст. 15 УК РФ), как это сделано в США и ФРГ, или абстрактно, путем указания на предмет посягательства или характеристику способа совершения преступления (например, преступления, совершенные группой лиц, организованной группой или преступной организацией; терроризм, коррупционные преступления и т.п.). Так, непроцессуальные меры защиты свидетелей в Бельгии и Италии могут использоваться только в случае определенных преступлений. Согласно законодательству Литвы они могут быть использованы за тяжкие преступления [9, с. 93].

Немаловажной в контексте обсуждаемой темы нам представляется структурная организация государственной системы обеспечения безопасности свидетелей. В некоторых странах решение о применении мер безопасности принимается одним должностным лицом (министр юстиции, прокурор или руководитель полиции). В Германии решение о включении в программу или исключении из нее принимаются подразделением, обеспечивающим безопасность лиц, и государственным обвинителем [10]. Передовые практики европейских государств предусматривают создание межведомственной Комиссии, которая принимает решение о включении свидетеля в программу защиты. В Италии и Бельгии ПЗС реализуется многопрофильными органами: комиссией в составе заместителя государственного секретаря Министерства внутренних дел, судей, прокуроров, экспертов в сфере организованной преступности.

В США в рамках программы WITSEC соответствующие меры возложены на Службу судебных приставов, в ФРГ этим занимается специальное подразделение криминальной полиции. В Австрии, Словакии и Великобритании защита свидетелей обеспечивается полицией, в Нидерландах программа действует в рамках исполнительной и судебной власти.

Ключевой момент в приведенных примерах – эти органы имеют оперативную автономию и не участвуют в подготовке дела или расследовании, что соответствует п. 28 Рекомендаций № R (2005) 9 CE.

Согласно ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в Российской Федерации лицами, принимающими решения об осуществлении мер, являются суд, начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. Исполнение таких мер безопасности возлагается на органы внутренних дел РФ, органы федеральной службы безопасности, таможенные органы по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также военной полиции Вооруженных Сил России.

Однако реализация указанных положений на практике находится под ударом скрытых и явных «издержек» в функционировании существующего института обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве: фактически указанные органы являются стороной обвинения и не наделены соответствующей и необходимой автономией; в их деятельности отсутствует координация и качественное взаимодействие; высокая степень раздробленности указанных органов по подследственности затрудняет какою-либо специализацию; отсутствует также единый центр в виде органа координации.

В этой связи полагаем целесообразным создать в Российской Федерации специализированный орган по осуществлению мер защиты лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве. Он может быть сформирован как абсолютно новый и самостоятельный орган, так и как структурное автономное подразделение уголовной полиции. Главная цель – создание единого центра для координации решений и действий органов предварительного расследования в целях обеспечения мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

В заключении следует отметить, что существующие в современной России инструменты для обеспечения безопасности лиц в уголовном судопроизводстве имеют общие черты с европейской практикой, а усматриваемое закрепление в законодательстве наиболее существенных европейских стандартов, дает широкие перспективы дальнейшей гармонизации законодательства в данной сфере действия.

Литература

1. Постановление от 25.10.2018 N 1272 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019 - 2023 годы» // Собрание законодательства РФ, 29.10.2018, N 44, ст. 6764.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2004, N 34, ст. 3534.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, № 2, ст. 198.

6. Рекомендация № R (97) 13 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно запугивания свидетелей и прав стороны защиты // URL: https://www.viaduk.net/clients/vsu/vsuen.nsf/4b0aff764f93110bc2887a7052257d88002fb42d/$FILE/CM_Rec%20(97)%2013.pdf

7. Рекомендация № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы государствам-членам по защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием. URL: https://www.coe.int/t/dg1/legalcooperation/economiccrime/organisedcrime/Rec%20_2005_9.pdf

8. Бобков Я.И. Уголовно-процессуальный статус лиц, к которым применяются меры государственной защиты и безопасности: Дисс. ... к.ю.н. М., 2015. 193 с.

9. Соколов Д.С. Основания и уголовно-процессуальные процедуры государственной защиты участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения: Дисс. ... к.ю.н. Н. Новгород, 2018. 233 с.

10. Зайцев Е.О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: Дисс. ... к.ю.н. М., 2016. 212 с.

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2021 г. И.Г. Рогава, А.О. Аревян

Ростовский филиал
Российского государственного
университета правосудия
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66

Rostov Branch of
Russian State
University of Justice,
66, Lenina St.,
Rostov-on-Don, 344038

Статья посвящена исследованию процессуального положения суда как участника уголовного судопроизводства. Уделено внимание исследованию признаков участников уголовного судопроизводства, которыми в полном объеме обладает суд. Делается вывод о том, что термин «суд» является собирательным и обозначает группу участников уголовного судопроизводства, наделенных государственной властью по отправлению правосудия и других процессуальных функций, обеспечивающих рассмотрение уголовного дела по существу и его разрешение в соответствии с законом. Определены и исследованы элементы правового статуса суда, к которым относятся полномочия, функции и подсудность. Авторы приходят к выводу о том, что в целях уточнения законодательного закрепления понятия суда как участника уголовного судопроизводства необходимо внести советующие изменения в УПК РФ.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, участники, суд, правосудие, процессуальный статус, признаки, функции, полномочия, подсудность.*

The article studies the procedural position of a court as a participant in criminal proceedings. Attention is paid to the study of signs of participants in criminal proceedings, which the court possesses in full. It is concluded that the term "court" is collective and designates a group of participants in criminal proceedings endowed with state power to administer justice and other procedural functions that ensure the consideration of a criminal case on the merits and its resolution in accordance with the law. The elements of the legal status of the court, which include powers, functions and jurisdiction, have been identified and investigated. The authors come to the conclusion that in order to clarify the legislative consolidation of the concept of a court as a participant in criminal proceedings, it is necessary to introduce amendments to the RF Criminal Procedure Code.

Keywords*: criminal proceedings, legal proceedings, participants, court, justice, procedural status, signs, functions, powers, jurisdiction.*

Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации суд является носителем такой исключительной функции как правосудие. Исходя из содержания данной функции, цель деятельности суда состоит в защите и обеспечении прав и свобод лиц и организаций, а также в восстановлении нарушенного права. Данные конституционные положения нашли отражение и в процессуальных кодексах, регламентирующих соответствующий вид судопроизводства. Не является исключением и уголовное судопроизводство, где суд выступает одним из его участников (Раздел 3, Глава 5 УПК РФ).

Действующий УПК РФ отводит участникам уголовного судопроизводства Раздел II. Кроме того, в п. ст. 5 закрепляет, что под участниками уголовного судопроизводства понимаются «лица, принимающие участие в уголовном процессе» [1].

Исследуя участников уголовно-процессуальной деятельности, И.Д. Перлов в качестве их общих признаков назвал «наличие прав и обязанностей, а также выполнение в уголовном судопроизводстве определенных функций» [2, с. 56].

А.И. Александрова участниками уголовно-процессуальных отношений называет лиц и органов, которые «по закону наделены процессуальными правами или обязанностями, определяющими характер их деятельности» [3, с. 71].

К.Ф. Гуценко определяет, что «понятие участников уголовного процесса тесно связано, прежде всего, с предоставлением им уголовно-процессуальных прав и возложением на них соответствующих обязанностей. Эти права и обязанности реализуются в процессе уголовно-процессуальной деятельности и возникающих на ее основе правоотношений для проблем и достижения целей, стоящих перед уголовным судопроизводством» [3, с. 93].

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод о том, что участниками уголовного судопроизводства являются лица, наделенные уголовно-процессуальным законом определенными правами и обязанности. При этом участниками уголовного судопроизводства могут быть как государственные органы и должностные лица, так и граждане. Кроме того, можно заключить, что лицо может стать участников уголовного судопроизводства при наличии следующих признаков:

-указание на данного субъекта в УПК РФ;

-закрепление прав и обязанностей лица в УПК РФ;

-наличие процессуальной правоспособности, т.е. способности осуществлять свои права и обязанности;

-возможность вступать в процессуальные отношения с другими участниками.

Всеми перечисленными признаками обладает и суд. Вместе с тем, анализ норм УПК РФ свидетельствует о том, что законодатель на различных стадиях уголовного процесса применяет различные наименования данного участника: «судья», «суд первой инстанции», «апелляционный суд». Можно сделать вывод о том, что термин «суд» является собирательным и обозначает группу участников уголовного судопроизводства, наделенных государственной властью по отправлению правосудия и других процессуальных функций, обеспечивающих рассмотрение уголовного дела по существу и его разрешение в соответствии с законом.

Для каждого участника уголовного судопроизводства свойственно наличие процессуального статуса, под которым понимается «совокупность правовых возможностей лица и соответствующий объем правовых обязательств» [5, с. 162].

Изучение и анализ научной литературы по вопросам процессуального статуса суда в уголовном судопроизводстве позволили сделать вывод о том, что элементами его процессуального статуса являются: выполняемые функции; характер, содержание и совокупность процессуальных полномочий; подсудность.

Традиционно понятие «функция» трактуется как основные направления деятельности, а применительно к уголовному судопроизводству – основные направления деятельности участников данного вида деятельности.

Однако приведем мнения ученых по вопросу судебных функций в уголовном судопроизводстве.

Так, В.В. Колодко определяет уголовно-процессуальные функции как «назначение участников уголовного процесса, выражающееся в направлениях уголовно-процессуальной деятельности» [6, с. 46]. А.И. Пикалов считает, что «защита участниками процесса признанных законом интересов опосредуется выполнением определенных уголовно-процессуальных функций» [7, с. 276]. С.В. Бурмагин предложил следующее определение понятия «функция»: «Это самостоятельные направления уголовно-процессуальной деятельности, которые регулируются нормами уголовно-процессуального закона и обусловлены назначением суда» [8, с. 8-9].

На сегодняшний день в УПК РФ закрепляет следующие функции суда: отправление правосудия, судебный контроль и судебный надзор, цель которых – назначение справедливого наказания, защита лица от незаконного и необоснованного обвинения, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

При этом функция правосудия состоит из таких частей как рассмотрение и разрешение уголов-

ного дела, где рассмотрение уголовного дела направлено на изучение собранных в ходе предварительного расследования доказательств и обеспечение реализации прав участников уголовного процесса. А в рамках разрешения уголовного дела решается вопрос о виновности либо невиновности лица.

Судебный контроль, осуществляемый на всех стадиях уголовного судопроизводства, – это особая процессуальная деятельность суда, в ходе которой проверяется соответствие деятельности (акта) органа или должностного лица нормам уголовно-процессуального закона.

Судебный надзор представляет собой процедуру проверки с точки зрения законности и обоснованности вышестоящим судом решения суда нижестоящего.

Статья 128 Основного закона нашего государства гласит, что «полномочия, порядок образования и деятельности федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом» [9]. В уголовном судопроизводстве полномочия суда установлены действующим УПК РФ.

Если обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова, то полномочие в нем трактуется как «официально предоставленное кому-либо право заниматься любым видом деятельности» [10, с. 189]. Согласно Юридической энциклопедии, «полномочие» означает «неотъемлемую часть компетенции и статуса органа, должностного лица, а также других лиц, выполняющих функции, предусмотренные законом» [11, с. 367].

Основываясь на приведенных определениях к признакам полномочий суда как участника уголовного судопроизводства можно отнести:

- полномочия суда – это составная часть его компетенции, которая состоит из прав и обязанностей;

- полномочия суда должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе;

- полномочия суда являются «инструментом» выполнения функций, возложенных на суд в уголовном процессе.

Учитывая, что суд является одним из государственных органов и властным участником уголовного процесса, законодатель моделирует его правовой статус с помощью термина «полномочия», регулируя их совокупность в ст. 29 УПК РФ. Исходя из функциональной принадлежности, представляется возможным полномочия суда разделить на следующие группы.

Во-первых, полномочия по разрешению уголовного дела по существу, указанные ч. 1 ст. 29 УПК РФ. К ним относятся: признание лица виновным в преступлении и назначение ему наказания; применение к лицу принудительных мер медицинского характера; применение к лицу принудительных мер воспитательного воздействия; отмена или изменение решения суда нижестоящей инстанции.

Совокупность этих полномочий, по мнению некоторых ученых-процессуалистов, является единственно возможным содержанием термина «правосудие». Аргументация данной позиции сводится к следующему: только при отправлении правосудия суд выполняет свою основную функцию – разрешение судебного спора по существу, все остальные полномочия не связаны с основным назначением судебной власти; решения, принятые судом при осуществлении полномочий в досудебном производстве, являются вспомогательными по отношению к основному акту правосудия – приговору.

Во-вторых, полномочия по контролю за деятельностью органов предварительного расследования (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Суд обязан рассматривать вопросы, касающиеся: избрания мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, продления сроков ограничения свободы обвиняемого (подозреваемого) при задержании свыше 48 часов, заключении под стражу и домашнем аресте; производства следственных и иных процессуальных действий, существенным образом ограничивающих конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства (например, обыска и выемки в жилище, контроля и записи переговоров, осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, наложения ареста на имущество и т.д.). Указанная группа полномочий носит исключительный характер, что следует из правовой формулировки – «только суд» правомочен принимать соответствующие решения, что свидетельствует о том, что другие органы уголовного правосудия не обладают идентичными правами. Основная цель данной группы полномочий – правоохранительная деятельность, поскольку их реализация направлена на защиту человека от чрезмерного нарушения его прав, что в силу специфики уголовного судопроизводства допустимо в установленных законом пределах при применении государственного принуждения.

В-третьих, полномочия суда по рассмотрению жалоб на действия (бездействия) и решения должностных лиц, ведущих производство по делу (ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ). Указанная компетенция не обладает свойством исключительности, поскольку аналогичными полномочия наделены прокурор и руководитель следственного органа (ст. 124 УПК РФ). Суть судебной деятельности по рассмотрению и разрешению жалоб заключается в ее правовосстановительном характере, поскольку таким образом устраняются допущенные нарушения конституционных прав и свобод граждан на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В то же время следует отметить, что поводом реализации полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 29 УПК РФ является жалоба заинтере-

сованного лица, из которой следует, что суд не вправе рассматривать правовой вопрос по собственной инициативе.

В-четвертых, полномочия реагировать на нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, путем вынесения частного определения или постановления в ходе уголовного судопроизводства (ч. 4 ст. 29 УПК РФ). Как отмечает А. Рыжих, судебное реагирование носит превентивный характер, поскольку основной целью реализации соответствующих полномочий является предотвращение «возникновения угрозы субъективному праву или интересам государства в дальнейшей деятельности должностных лиц и организаций» [12, с. 29].

Таким образом, в зависимости от порядка возбуждения судебных процедур, оснований и условий производства судом определенных процессуальных действий, характера принимаемых решений, совокупность судебных полномочий включает в себя: 1) полномочия по разрешению уголовного дела по существу; 2) контрольные полномочия, реализуемые в досудебных стадиях производства по уголовному делу; 3) полномочия по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу; 4) полномочия по реагированию на нарушения законности, прав и свобод граждан, а также выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Следующим элементом процессуального статуса суда является подсудность. И Конституция РФ, и УПК РФ закрепляют право подсудимого на рассмотрение его дело тем судьей и тем судом, к подсудности которых оно отнесено законом.

А.Ф. Кони считал подсудность одним из основных вопрос уголовного судопроизводства [13, с. 87]. И.Я. Фойницкий, рассматривая вопросы подсудности, отметил, что «законы о подсудности имеют большое значение, выходя за рамки интересов процессуальных. В их точном соблюдении заинтересовано все государство; для него важно, чтобы уголовные дела рассматривались теми же судами, которые им созданы, поскольку: 1) в соответствии с делами, с их характером и тяжестью выстраивается организация судебных мест; 2) количество последних рассчитывается исходя из предполагаемого количества случаев; из-за нарушения законов о юрисдикции он может подвергаться колебаниям, которые могут нарушить единообразие их распределения, что приведет к накоплению дел, замедлению производства и к бесполезным спорам о том, какой суд должен рассматривать дело. Но не менее важны законы о подсудности лиц, вовлеченных в уголовные дела; каждому гражданину важно знать, какой суд будет рассматривать его дело, и каждый имеет право требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным судом. Правила подсудности защищают интересы правосудия, обеспечивают права личности и экономят деятельность судебных мест. Поэтому подсудность – это институт общественного порядка» [14, с. 88]. М.С. Строгович писал: «Подсудность – это процессуальное понятие, а определение подсудности каждого отдельного дела - это момент процесса. Процессуальные правила о подсудности имеют огромное значение: они определяют компетенцию всех частей судебной системы, они показывают, что это такое и какое место каждый суд занимает в судебной системе» [15, с. 267].

По мнению И.Л. Петрухина, «подсудность уголовного дела определяется свойствами (признаками) уголовного дела, которые указаны в законе и служат для отнесения конкретного дела к компетенции определенного суда» [16, с. 121]. С.В. Бехало считает: «Подсудность понимается как совокупность свойств уголовного дела, требующая рассмотрения дела по существу определенным судом» [17, с. 103].

Из приведенных определений можно выделить следующие признаки подсудности:

-во-первых, подсудность подразумевает передачу определенного уголовного дела в конкретный суд общей юрисдикции;

-во-вторых, подсудность подразумевает полномочия суда рассматривать данную категорию уголовных дел;

-в-третьих, подсудность определяется свойствами уголовного дела, в том числе местом совершения преступления, субъектом преступления, признаками уголовного дела.

Анализ позиций ученых относительно критериев подсудности уголовных дел позволяет сделать вывод, что большинство авторов подходят к определению подсудности через призму рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, оставляя вопросы юрисдикции в вышестоящих судах без внимания. Такой подход, видимо, связан с тем, что законодатель в статьях 31-36 УПК РФ предусматривает вопросы предмета, территориальной подсудности, подсудности при объединении уголовных дел, а также вопросы изменения подсудности в отношении суд первой инстанции. Инстанция также должна быть указана как критерий подсудности, что особенно важно с учетом создания апелляционных и кассационных судов.

Таким образом, под подсудностью предлагаем понимать совокупность признаков уголовного дела, ходатайств и жалоб, определяющих его принадлежность к подсудности тому или иному суду для рассмотрения дела в первой и вышестоящей инстанциях, а также по рассмотрение заявлений и жалоб

в досудебном производстве.

Суд как участник уголовного процесса занимает центральное место в уголовно-процессуальной системе и обладает индивидуальным процессуальным статусом, включающим в себя полномочия, функции и подсудность.

В целях уточнения законодательного закрепления понятия суда как участника уголовного процесса предлагаем внести в п. 48 ст. 5 УПК РФ следующие изменения:

«Суд как участник уголовного процесса является государственным органом, призванным осуществлять правосудие, судебный контроль и судебный надзор по уголовным делам в соответствии с принципами уголовного судопроизводства, наделенный полномочиями, направленными на достижение назначение уголовного судопроизводства».

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Перлов И.Д. Уголовное судопроизводство в СССР. М., 1959. 102 с.
3. Александрова И.А., Александров А.С., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия. 2007. 342 с.
4. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс: учеб. пособие. М., 2006. 528 с.
5. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под ред. А. А. Усачева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. – 468 с.
6. Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 38.
7. Пикалов И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс): учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. 472 с.
8. Бурмагин С.В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 29 с.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс»
10. Ожегов, С.И.: Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 736 с.
11. Топорнин Б.Н. Юридическая энциклопедия. М., 2001. 1272 с.
12. Рыжих А.Н. Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса: Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 251 с.
13. Кони А.Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. 280 с.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х томах. Т.2. СПб. Изд-во «Альфа». 1996. 607 с.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука. 1969. 468 с.
16. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов (и др.); отв. ред. И.Л. Петрухин. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2014. 688 с.
17. Бехало С.В. Институт подсудности уголовных дел // Российское правосудие. 2019. № 2.

УДК 343.1

ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2021 г. В.Н. Севумян, А.А. Арзуманян

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье раскрывается понятие правового статуса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе. Определяется сущность показаний в уголовном процессе и их значимость. Высказываются авторские предложения по дальнейшему совершенствованию данного вопроса.

***Ключевые слова**: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, доказательства, показания, следствие, дознание.*

The article reveals the concept of the legal status of a suspect, accused, victim and witness in a criminal trial. The essence of the testimony in the criminal process and its significance are determined. The authors' suggestions for further improvement of this issue are made.

***Keywords:** suspect, accused, victim, witness, evidence, testimony, investigation, inquiry*.

Сведения, полученные по результатам допроса подозреваемого в рамках, установленных ст. 76 УПК РФ, на стадии досудебного производства необходимо определять как показания подозреваемого. Подозреваемому задаются вопросы по существу произошедшего преступления, в котором есть основания полагать его вину.

Данные показания подозреваемого будут считаться как одно из средств защиты его интересов, а не только доказательствами. Так, дача показаний становится в законном порядке правом, а не обязанностью [1, с.13].

Подозреваемый в совершении преступления вправе знать, в каком преступлении его подозревают сотрудники правоохранительных органов, и получить в законном порядке один из следующих документов:

- копию постановления о возбуждении в отношении него уголовного дела;
- копию протокола задержания;
- копию постановления о применении к нему мер ограничительного характера.

Подозреваемый самостоятельно принимает решение о дачи показаний, он может отказаться от дачи показаний по сведениям, имеющимся у следствия и дознания, которые его компрометируют [2].

Необходимым является факт предупреждения подозреваемого о том, что данные им показания будут использованы следствием и судом с целью формирования доказательной базы обвинения в отношении него по возбужденному уголовному делу, в том числе если он решит отказаться от своих показаний в суде, кроме случаев, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Если следователь и дознаватель получают информацию, которая дает основание подозревать лицо в совершении преступления по возбужденному уголовному делу, тогда следователь и дознаватель уведомляют это лицо, и в течение трех суток с момента уведомления подозреваемого о имеющихся сведений в отношении него, которые лежат в основе подозрения, следователь и дознаватель должны провести допрос указанного лица.

Подозреваемый может предоставлять информацию во взаимодействии с сотрудниками органов предварительного расследования и дознания, а также судом не только по фактам, которые являются основанием подозревать его в совершении преступления, но и заявлять о иных фактах, имеющих непосредственное отношение к делу.

В процессе допроса подозреваемый может доводить до следователя информацию в свою защиту, которая в дальнейшем должна быть объективно и всесторонне проверена и оценена.

Важно соблюдать права подозреваемого и обвиняемого при назначении и производстве экспертиз, однако наблюдается такая практика, когда работники правоохранительной системы не знакомят лицо с результатами этих экспертиз или делают это несвоевременно, с несоблюдением установленных законом сроков, тем самым нарушая его права и лишая возможности использовать заключение в целях своей защиты [3, с.101].

В рамках проверки версий, имеющихся у сотрудников органа следствия и дознания, должны быть проверены показания подозреваемого, которые изначально выглядят правдивыми, с целью

установления неизвестных обстоятельств преступления, выявления соучастников которых может покрывать подозреваемый.

Необходимо всеми возможными методами противодействовать попыткам оговора невиновных лиц, то есть не допустить признаниями недействительные показания, данные против другого лица. На практике подозреваемый может попытаться оговорить иное лицо по разным причинам, таким как желание отвести от себя внимание органа следствия и дознания в совершении преступления, переложить ответственность с себя или отомстить лицу, с которым у него сложили недоброжелательные отношения, также это может быть следствие идеи осложнить расследование уголовного дела. Если у сотрудника органа следствия или дознания возникают подозрения о даче ложных показаний, необходимо установить на допросе мотив оговора.

Подозреваемый может изложить свои предположения по фактам, которые были ему известны по отдельным событиям преступления и в отношении других лиц, причастных к преступлению, как, например, если подозреваемый оказался на месте происшествия и имеет информацию о лицах, которые совершили преступление и успели покинуть место преступления до приезда правоохранительных органов. Необходимо ввести его в курс дела, пояснить его правовое положение и донести, что сведения, указанные им, не являются доказательствами до их проверки. После проведения проверки в соответствии с законом подозреваемый должен быть допрошен, ему будут оглашены результаты проверки, и он даст показания на основании результатов.

Протокол допроса является процессуальной формой закрепления показываний подозреваемого и сохранят свое значение по делу после проведения допроса и после того, как статус изменится с подозреваемого на обвиняемого. Обвиняемым считается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Оно выносится при наличии оснований полагать, что лицо участвовало в совершении преступления, данные основания изложены в ч. 1 ст. 171 УПК РФ.

Показания данного лица считаются источником происхождения доказательств, так и могут быть средством его защиты от обвинения. Находясь в правовом статусе подозреваемого, лицо может не давать показания и за это не понесет ответственности в рамках статьи о дачи ложных показаний.

Обвиняемый на законных основаниях имеет право:

- давать показания по предъявленному ему обвинению;
- отказываться от дачи показаний и возражать против обвинения.

При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что данные им показания будут использованы следствием и судом с целью формирования доказательной базы обвинения в отношении него по возбужденному уголовному делу.

После предъявления обвинения лицу, его необходимо допросить в трехдневный срок. Обвиняемый может давать пояснения по известным ему фактам, которые имеют важность для уголовного дела, кроме ответов на вопросы по существу обвинения.

Обвиняемый имеет также право выразить свое отношение к предъявленному ему обвинению. В соответствии с законом обвиняемый может признавать или не признавать себя виновным в совершении преступления, в совершении которого его обвиняют, либо признать вину частично. Если обвиняемый признает свою вину, это значит, что он согласен с обвинением. Такое понимание у обвиняемого возникает вследствие того, что он четко понимает, что у сотрудников имеется необходимая доказательная база в отношении него и бессмысленно противодействовать его расследованию, также он может смягчить свое наказание в соответствии с ст. 61 УК РФ. При признании обвиняемым своей вины, данные сведения необходимо проверить, сопоставив с другими доказательствами и проанализировав.

Если подозреваемый и обвиняемый заявляет о своей невиновности и отрицает любое проявление своей вины и противопоставляется обвинению, он должен приводить обоснованные доводы по данному факту. В некоторых случает отрицание вины действительно является следствием невиновности лица и обвинение в отношении него не обоснованы. Со стороны следствия бездоказательное отрицание вины – лишь попытка уйти от ответственности и отвести от себя подозрения.

Отрицание обвиняемым своей вины не может быть признано оправдательным доказательством, если оно противоречит другим доказательствам, собранным по уголовному делу и объективно подтверждающим его вину.

Потерпевшим необходимо признавать лицо, которому причинён какой-либо вред – имущественного, морального или физического характера. Данное лицо может быть допрошено по любым фактам, которые находятся в рамках доказывания по делу, в том числе об отношениях с подозреваемым и обвиняемым, данное право представляет закон (ст. 78 УПК РФ). Начальными показаниями стоит признавать обстоятельства случившегося преступления. Установление характера и вида причинённого вреда входит в предмет доказывая. На основании УПК РФ потерпевшим может быть не только физическое лицо, но и юридическое, если причинён вред его имуществу и репутации в деловых кругах. Права по-

терпевшего юридического лица осуществляет представитель в соответствии со ст. 45 УПК РФ. Подводя итог, необходимо закрепить, что потерпевший – это физическое или юридическое лицо, которое является участником производства на стороне обвинения и наделено обширными правами. Данное лицо непосредственно заинтересовано в положительном исходе дела, полноте собранных доказательств по совершенному преступлению Показания данного лица считаются источником доказательств и средством защиты прав и свобод указанного лица, так и его законных интересов. Поэтому данное лицо заинтересовано в первую очередь в даче точных, подробных и правдивых сведений. Вместе с тем потерпевший вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, данный список лиц определен УПК РФ. При его согласии на дачу показаний необходимо предупредить его о том, что его показания будут использованы как доказательства по делу, даже если он от них откажется в суде, данная мера закреплена в ст. 42 УПК РФ. В то же время потерпевшему запрещено давать ложные показания или отказываться от дачи показаний. За отказ предусмотрена ответственность на основании ст. ст. 307, 308 УПК РФ.

Сведения, сообщенные на допросе, проведенном в ходе судебного разбирательства и на стадии досудебного производства по делу, в соответствии с требованиями ст. 56, 187-191 УПК РФ считаются показаниями свидетеля.

Лицо, которое может быть допрошено в качестве свидетеля должно обладать знаниями о каких-либо обстоятельствах дела, имеющих непосредственное значение для сбора доказательной базы или направления деятельности следствия, данные показания даются в соответствии с законными требованиями ст. 56 УПК РФ. Свидетель допрашивается по любым вопросам, относящимся к уголовному делу, в том числе об обвиняемом, потерпевшем и их отношениях между друг другом, такая мера закреплена в ст. 79 УПК РФ. Необходимо иметь ввиду, что свидетель может отказаться свидетельствовать против самого себя, супруга или близких родственников, список которых определен ст. 5 УПК РФ. Если свидетель дает показания он должен быть предупрежден о том, что они будут использованы в суде в числе других доказательств по делу (ст. 56 УПК РФ) [4].

Показания свидетеля - очевидца являются важными при расследовании и раскрытии преступления, которые необходимо отнести к прямым доказательствам. Такие сведения должны быть сообщены свидетелем, если он напрямую наблюдал их, и они способствуют установлению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления. Если свидетель лично не видел события преступления или иное обстоятельство дела, но сообщает о нем, указывая в качестве источника другое лицо, необходимо принять меры по установлению данного лица и привлечении его в качестве свидетеля. Если такие показания не удается получить от источника информации, тогда необходимо признавать такие показания недопустимыми. Какие-либо предположения свидетеля по поводу источника информации не имеют доказательственного значения, однако такие версии все равно необходимо проверять с целью получение значимой информации, которая, в свою очередь, в дальнейшем может быть признана доказательством, если она будет получена в соответствии с процессуальной формой.

Литература и источники

1. Карякин Е.А. К вопросу о судебных доказательствах в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция, 2006. №4.
2. Пикалов И.А. Уголовный процесс РФ. Учебное пособие. М.: Юристъ, 2007.
3. Карнаухова О.Г., Процесс формирования заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших. М: изд-во Моск. ун-та МВД России, 2015.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 13.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.04.2021). М: Норматика изд-во, 2021

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342.56

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

© 2021 г. А.П. Фоков

Российский государственный университет правосудия
117418, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 69а

Russian State University of Justice,
69a, Novocheremushkinskaya,
Moscow, 117418

Настоящая статья раскрывает основные положения концепции электронного правосудия в Российской Федерации на 2021 - 2024 годы, анализируются законодательство и правовые механизмы применения электронных средств коммуникации и цифровых технологий в судебной деятельности

Ключевые слова: *концепция, электронное правосудие, законодательство, правовые механизмы, судебная деятельность*

This article reveals the main provisions of the concept of electronic justice in the Russian Federation 2021-2024, analyzes the legislation and legal mechanisms for the use of electronic means of communication and digital technologies in judicial activit

Keywords: *concept, electronic justice, legislation, legal mechanisms, judicial activities*

В российской доктрине выделяют два основных этапа формирования электронного государства: начальный период предоставления государственных услуг в электронном виде начиная с 2008 по 2017 год и последующий этап, когда электронные коммуникации при оказании услуг использовали цифровые данные граждан с 2017 года и по сегодняшний день.

На государственном уровне была принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ от 07.02.2008 г. №Пр-212, государственная программа «Информационное общество (2011 – 2020 гг.), которая была одобрена распоряжением Правительства РФ от 20.10.2010 г. №1815 –р.

Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» законодательно закрепил предоставление услуг гражданам в электронном виде.

Нормативным источником, направленным на проведение организационно-технологических мероприятий и создание информационно-технологической платформы для оказания государственных услуг, следует признать Концепцию формирования электронного правительства в Российской Федерации до 2010 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 06.05.2008 г. №632 –р.

Всемирный банк в сотрудничестве с Институтом развития информационного общества в докладе «Цифровое правительство: перспективы для России» предложил новый тип государственного управления, предполагающий «полный перевод услуг в цифровой формат от обращения за этими услугами до их исполнения и достижение такого положения дел, когда ведомственные процессы опираются преимущественно на данные, а не документы» [1].

На современном этапе развития цифрового государства концептуальные положения закреплены в нормативно-правовом документе «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», утвержденном Указом Президента РФ от 09.05. 2017 г.№203 [2]. При этом отмечаем, что данная деятельность направлена на получение новых знаний о правовых явлениях и их дальнейшее углубление в условиях формирования информационного пространства с учетом потребностей граждан, в том числе и в сфере судопроизводства.

Основными документами, определяющими стратегию государства на формирование информационного общества, служат:

- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. №31 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»,
- Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»,
- Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 г. №234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»,
- Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. №490;

- Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период 2020 года [3].

В этих условиях вполне закономерным выглядит внедрение современных информационных технологий в судебную деятельность Российской Федерации, что значительно повышает уровень доступа граждан к правосудию, снижает сроки рассмотрения дел, улучшает качество судебных актов и получение информации о деятельности судов различной юрисдикции.

В последние время проблеме электронного правосудия посвящено большое количество научных и практических материалов, что можно отследить на официальном портале научной электронной библиотеки Elibrary, так по запросу за период с 2013 по март 2021 года по данной тематике 604 публикации [4].

Повышенное внимание исследователей направлено на определение правовых категорий «электронный суд и правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный документооборот» [5], изучению моделей электронного правосудия за рубежом, в том числе и в Китае [6].

Важно отметить, что в общенаучном плане электронное правосудие рассматривается как составная часть электронного (цифрового) государства, в рамках которого реализуются цели и задачи правового государства по повышению защиты прав граждан в условиях применения информационно-коммуникационных технологий.

С позиции автора, совершенно неприемлемо толкование правового термина «электронное правосудие» только с позиции осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий [7] или рассмотрение дела без физического присутствия участников процесса [8] и иные.

Автор полагает, что правовой термин «электронное правосудие» должен сочетать как частные, так и публичные интересы общества и каждого отдельного гражданина, что лежит в основе рекомендации Совета Европы по созданию системы электронного правосудия в Европе, где выделяют этапы:

- доступ к информации о деятельности суда;

-дематерилизация процесса и переход к «электронным» судопроизводству и медиации;

- возможность применять видеосвязь и специальные судебные сети для контактов с судом [9].

Наиболее правильным полагаем представление понятия «электронного правосудия» через призму указанных выше признаков, включая подачу исков и других документов в электронной форме с использованием сети «Интернет» для констатации электронных документов и доказательств с использованием форм судебного делопроизводства [10].

Для обеспечения потребностей граждан государством разрабатываются и внедряются в судебную деятельность разные типы и виды электронных (цифровых) технологий, и в юридической литературе достаточно много попыток представить их классификацию через призму действия правовых механизмов [11], в качестве моделей электронных (цифровых) технологий, например, SMS-оповещение и электронная цифровая подпись [12].

Концепция электронного правосудия – это научное обоснование обновления технологической базы судебной системы в условиях внедрения современных цифровых технологий.

Все указанное предполагает охват всей сферы правосудия и делопроизводства, а также сопутствующих элементов судопроизводства: распределение и перераспределение дел судьям в автоматическом режиме, доступ граждан к судебной защите, оценка нагрузки на судей и работников аппарата судов, обобщение судебной практики и статистика.

В настоящее время в науке о судебной власти вообще и, в частности, в сфере электронного правосудия недостаточно исследован вопрос сотрудничества российских судов с судебными системами международных образований: БРИКС, ШОС, ЕАЭС в условиях организации и деятельности судебной системы в условиях цифровой модернизации.

На научных мероприятиях, автором неоднократно поднимались дискуссионные вопросы о выработке международных документов, в которых необходимо нормативно закрепить дистанционные формы сотрудничества: доступа к суду, участия граждан в судебных заседаниях в онлайн - форматах.

Более того, назрела необходимость нормативно закрепить исключительные полномочия администраторов судов с учетом использования новых видов и форм электронного правосудия.

Пленум Верховного суда Российской Федерации принял Постановление от 27 апреля 2021 г. №7, в котором определил внести в Государственную Думу Федерального собрания законопроект в части совершенствования деятельности администратора суда [13].

Таким образом, Федеральный закон от 08.01.1998 года №7-ФЗ от 30.04.1998 г. (в ред. от 30.04 2021 г.) «О Судебном департаменте при Верховном суде Российской Федерации» предлагает скорректировать полномочия администратора суда (ст.19) следующим образом:

1) принимает меры по организационному обеспечению деятельности суда, подготовке и проведению судебных заседаний;

2) взаимодействует с адвокатурой, правоохранительными и другими государственными органами по вопросам обеспечения деятельности суда;

3) принимает меры по обеспечению надлежащих материальных и бытовых условий для судей и работников аппарата суда, а также участвует в организации предоставления им медицинской помощи и их санаторно-курортного лечения;

4) обеспечивает судей и работников аппарата суда нормативными правовыми актами, юридической литературой, пособиями и справочно-информационными материалами;

5) осуществляет информационно-правовое обеспечение деятельности суда; организует ведение судебной статистики, делопроизводства и работу архива;

6) организует охрану здания, помещений и другого имущества суда в нерабочее время; обеспечивает бесперебойную работу транспорта суда и средств связи, работу хозяйственной службы;

7) организует строительство зданий, а также ремонт и техническое оснащение зданий и помещений суда;

8) разрабатывает проект сметы расходов суда, утверждаемый председателем суда, и представляет его в соответствующее подразделение Судебного департамента или управление Судебного департамента;

9) осуществляет иные меры по обеспечению деятельности суда.

Новации законопроектной деятельности Верховного Суда Российской Федерации о расширении полномочий администратора суда следует признать своевременными, но в то же время в условиях электронного (цифрового) правосудия их необходимо не только расширить, но и скорректировать, т.е. нормативно прописать функции, связанные с процессуальной и организационной деятельностью судов, опосредованную электронным документооборотом.

Делопроизводство в судебной деятельности постоянно совершенствуется, происходит централизованное внедрение систем автоматизации судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Неудивительно, что в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.12.2017 г. №57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [14], регулирующего использование документов в электронном виде унифицировал правила их использования и закрепления в судебных органах.

В этой связи вполне логично, что администратор суда, наделенный правом обеспечения организационно-технологическим процессом деятельности суда, ответственен за качество и достоверность электронного документооборота, а следовательно, и определяет его обязанности как работника аппарата суда.

Более того, в официальном акте «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг», утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. №203 и во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до2024 года утвержден паспорт национальной Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в котором шесть федеральных проектов, как то: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление».

Таким образом, создано обширное поле для законотворческой деятельности для усовершенствования правовых механизмов электронного правосудия в суде.

В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации зарегистрирован и находится на рассмотрении законопроект в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», где предполагается внесение изменений в действующее процессуальное законодательство (ГПК, АПК и Кодекс административного судопроизводства РФ) [15].

Тем самым, законодатель придает особое значение электронному документообороту в судебной деятельности и обеспечивает дополнительную защиту граждан, принимающих участие в осуществлении правосудия в электронном (цифровом) формате.

Подводя итоги, полагаем, что новый этап организации электронного правосудия в ближайшем будущем потребует изменений в правовом регулировании судебной деятельности и судебного делопроизводства в сфере электронного правосудия в судебной деятельности.

Концептуальные подходы совершенствования электронного правосудия, как полагает автор исследования данного вопроса, можно сформулировать следующим образом:

- обеспечение безбумажных связей «гражданин – суд – гражданин», все документы предоставляются в электронном виде, а в необходимых случаях ведение судопроизводства и делопроизводства в традиционной форме;

- судебной администрирование должно включать новые модели организации труда госслужащих – работников аппарата суда, а также возложить на них обязанность в разъяснении гражданам о возможности досудебного урегулирования судебных споров с помощью примирительных процедур;

- необходимо при каждом суде создать телефонизированные «горячи линии» суда, а на официальном сайте судов создать список медиаторов, которые могли бы оказывать содействие гражданам и в обеспечении примирительных процедур.

Литература и источники

1. Цифровое правительство 2020: Перспективы для России: Доклад подготовлен Всемирным банком в сотрудничестве с Институтом развития информационного общества. 2016 Апрель // URL: https :// pubdocs . worldbank . org / en /473131460040867925/ Digital - Government - Russia -2020- RUS . pdf. : (дата обращения: 31.05.2021 г.
2. URL: http:// www.pravo. gov.ru. : дата обращения: 31.05.2021 г.
3. Собрание законодательства РФ. 2020. №30. Ст.4884.
4. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 25.05.2021 г.).
5. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Электронное правосудие. Электронный документооборот: научн.-прак. пособие / под общей ред. С.Ю.Чучи. М., 2017; Воронцова И.В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» //Правовая политика и правовая жизнь. 2019. №3. С.167 – 169.; Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник ун-та им. О.Е.Кутифина (МГЮА). 2019. №12 (64). С. 97-98.
6. Журкина О.В., Максименко Е.И. Цифровое правосудие на примере интернет – судов Китая // Вопросы российского и международного права. 2020. Т.10. №6-1. С.138-143; Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского ин-та управления. 2019. Т.19. №6. С.36-47.
7. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: Дис… канд.юрид. наук. М., 2016. С.78.
8. Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2024 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. №4 (19). С.65 -69.
9. Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. №12. С. 39-40.
10. Правосудие в современном мире: монография / В.И.Анишина, В.Ю.Артемов, А.К.Большова и др. / Под ред. В.М.Лебедева, Т.Я.Хабриевой. М.:Норма, ИНФРА–М, 2012. С.434 -437.
11. Анисимова А.С. Электронное правосудие как показатель информационного развития общества и государства // Цивилистика: право и процесс. 2019. №3 (7). С.15.
12. Назаров А.Д., Шагинян А.С. Организационный сервис «электронное правосудие» как фактор, способствующий минимизации ошибок в уголовном судопроизводстве // Право в информационном обществе: Трансформация или модернизация?: мат-лы У Межд. сравнит.-правового конгресса, Красноярск: Изд.-во Сибир. Федер. Ун.-та. 2019. С132 -135.
13. Официальный сайт: Верховный суд Российской Федерации: vsrf.ru (дата ознакомления: 25.05.2021 г.).
14. Официальный сайт: Верховный суд Российской Федерации: vsrf.ru (дата ознакомления: 25.05.2021 г.).
15. Законопроект №1144921-1 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе». URL:// http://sozd.duma.gov.ru /bill /1144921-7 (дата обращения: 31.05.2021 г.).

УДК 342.56

О ПЕРСПЕКТИВАХ ОБНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

© 2021 г. Т.Г. Новикова, Ю.В. Федоренко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Рассматриваются вопросы обновления системы источников арбитражного процессуального права. В частности, приводится пример правовой системы Швеции. Анализируются нормативно-правовые акты, акты разъяснения права, инструкции для работников аппарата суда. Выявляются коллизии действующего законодательства, и приводятся аргументы относительно внесения соответствующих поправок в законодательство.

Ключевые слова: *арбитражный процесс, система источников арбитражного процессуального права, нормативно-правовой акт, судебная практика.*

The article considers the issues of updating the system of sources of arbitration procedural law. Presents the example of the Swedish legal system. Analyzes normative legal acts, acts of clarification of law, instructions for employees of the court apparatus. Identifies collisions of the current legislation and outlines arguments regarding the introduction of appropriate amendments to the legislation.

Keywords*: arbitration process, system of sources of arbitration procedural law, normative legal act, judicial practice.*

Способами выражения и закрепления арбитражных процессуальных норм выступают источники арбитражного процессуального права – правовые акты различного уровня, содержащие нормы указанной правовой отрасли. При этом, подтверждением самостоятельности отрасли права служит некая система кодифицированных нормативных актов, которые регулируют отношения данной отрасли.

В России основной источник – это нормативный правовой акт. Основной, но не единственный: источником также являются международные договоры Российской Федерации. Учитывая конституционное положение, что арбитражное процессуальное законодательство находится в исключительном ведении РФ, в ст. 13 АПК РФ источники распределены по иерархии. Законодатель выстроил её следующим образом: Конституция Российской Федерации, Международные договоры Российской Федерации, Федеральные конституционные законы и Федеральные законы, далее – нормативные правовые акты Президента РФ и нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации. Помимо этого иерархия включает нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления.

Видовая вариативность источников указывает на следующую общую, характерную отличительную черту процессуальных правовых отраслей: именно право представляется основным источником норм применительно к любой из областей процессуального права.

Другими словами, источниками можно назвать внешне закрепленные и функционирующие правовые нормы, то есть правовые акты, которые содержат нормы данной отрасли права. Для подтверждения существования отрасли права как самостоятельной необходимо наличие системы нормативных кодифицированных актов, которые, по своей сути, будут регулировать отношения данной отрасли права.

Источники арбитражного процессуального права разнообразны и делятся на два основных вида: законы и подзаконные нормативные акты.

Следует иметь в виду, что согласно ст. 3 АПК РФ порядок судопроизводства в арбитражных судах в Российской Федерации определяется Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом "Об арбитражных судах в Российской Федерации", АПК РФ и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами. К числу источников норм арбитражного процессуального права отнесены также международные договоры Российской Федерации. Но следует иметь в виду, что, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусматривает система законодательства РФ, применены будут правила международного договора.

Право выступает в качестве основного источника норм в любой области процессуального права, что отражает характерную особенность процессуальных отраслей права. Вместе с тем, в ряде случаев в качестве источников норм гражданского процессуального права выступают не только федеральные

законы, принятые в соответствии с АПК РФ, но и другие законы, так или иначе регулирующие вопросы надлежащих субъектов, условий возбуждения дела, допустимых доказательств, предмета доказывания и др.

Современный этап развития науки об арбитражном процессе характеризуется переоценкой основных понятий. Значительные социально-экономические изменения, происходящие в стране, отражены в компонентах ресурсной системы прав. Теоретически, само понятие источника права довольно спорное, поскольку его содержание часто зависит от мнения ученого, а не объективной правовой реальности. Из этого может следовать несовершенство законодательной техники.

О сфере толкования закона поднимает вопрос и использование лаконичного языка для выражения воли государства. Некоторые юристы считают, что толкование суда не может быть ограничительным. Объясняется это тем, что сфера действия норм закона определяется законодателем и только он имеет право, в частности, вносить в него поправки, путем расширения сферы действия этого акта на более широкий или более ограниченный круг отношений [1].

М.Н. Марченко выделяет четыре формы судейского права: судебная практика, судебный прецедент, правовая позиция суда и судебное усмотрение [2].

Что касается информационных писем Президиума, с точки зрения их правового характера и характера, с учетом нормативности, обязательности и в то же время строго определенная сфера применения стандартов и положений нормативных актов, следует рассматривать как вид коммерческого акта и одновременно – как источник российского права [3].

Некоторые авторы отмечают теоретическое обоснование и признание судебного правотворчества в процессе правоприменения. Такая мысль отражена в работах Л.С. Явича. Автор считает, что сама задача отправления правосудия предполагает возможность при отсутствии соответствующего закона восполнить пробел и целесообразность контроля суда за законностью нормативных и иных актов управления. Иное дело, что судебные акты не могут подменять собой законодательство и ему противоречить [4].

Схожей точки зрения придерживается и Р.З. Лившиц. Он полагает, что судебная практика в самых различных своих проявлениях – и при отмене судами нормативных актов, и в разъяснениях пленумов высших судов, и при прямом применении Конституции РФ, и при разрешении конкретных споров – становится источником права. Ученый также говорит о том, что «с теоретических позиций закон перестал быть единственным выражением и воплощением права. И, следовательно, не только законодательство может рассматриваться в качестве источника права. Если судебная практика начала отражать и реализовывать гуманистические, справедливые, подлинно правовые начала, то отпали теоретические предпосылки для непризнания ее источником права» [5].

При переводе этих приговоров в сферу деятельности суда в целом, можно провести определенные аналогии о характере действий высших судебных органов. Вопрос в том, может ли суд в своей правоприменительной практике устранить пробел в законодательстве путем создания правовой нормы – один из основных вопросов концепции судебной власти.

Некоторые ученые полагает, что суд «отыскивает право» за пределами закона. Одним из таких ученых является известный процессуалист А.В. Цихоцкий. Он не отрицает наличия у суда правотворческих полномочий. Он говорит о том, что в результате толкования закона суд способен изменить его содержание. Задача толкования при этом сводится к тому, чтобы из отдельных положений закона извлечь правовой принцип и из него вывести норму права.

Таким образом, судебный акт рассматривается в качестве судебного прецедента и соответственно в качестве источника права [6].

Говоря о классификации источников, законодатель использует в основном две: классификация нормативных правовых актов по юридической силе, а также классификация по уровням их принятия. Но в науке выделяют также третью классификацию согласно характеру норм соответствующего нормативного правового акта, а именно акты процессуального и материального законодательства.

Если проводить параллель среди арбитражного процессуального права в зарубежных странах, хотелось бы выделить систему источников шведского материального права. Источниками шведского материального права, если их перечислять в иерархическом порядке, являются законы Европейского Союза прямого действия, Конституция Швеции, нормативно-правовые акты Швеции, судебная практика Верховного суда и Высшего административного суда, подготовительные материалы к законопроектам и доктрина. Решения Верховного суда, по сути, считаются обязательными для применения нижестоящими судами. Верховный суд может отклоняться от правовых принципов, установленных в предыдущем прецеденте, но изменить свою собственную судебную практику он может теоретически только решением, принятым на пленарном заседании суда в полном составе. На практике же суд иногда развивает принципы, уточняя различия между фактами, на основе которых были установлены предыдущий и новый прецеденты. Решения нижестоящих судов не создают прецеденты и имеют значение для разрешения будущих дел только в меру убедительности их доводов.

Конституционные акты и обычные нормативно-правовые акты публикуются в SFS, доступном в Интернете, на шведском языке, например по ссылке www.lagen.nu. Многие торговые нормативно-правовые акты доступны на английском языке на бумажных носителях, а некоторые – в Интернете на официальном сайте правительства Швеции. Закон об арбитраже на английском языке есть на сайте. Законы Швеции (в том числе Закон об арбитраже) отличаются относительной краткостью и общим характером их положений.

Как следствие, из законодательных норм нередко извлекаются толковательные аналогии. Подготовительные материалы к законопроекту считаются важным источником толкования закона. Соображения законодателя обычно излагаются в SOU и законопроекте. Подготовительные материалы к проекту Закона об арбитраже содержатся главным образом в Правительственном законопроекте, на данный момент доступном только на шведском языке.

Параллель проводится именно со Швецией не зря, поскольку есть некоторые схожие черты с судебной системой Российской Федерации.

В Швеции существуют две судебные системы: административные суды и суды общей юрисдикции. Есть также несколько специализированных судов, которые рассматривают определенные виды споров, например споры, касающиеся права интеллектуальной собственности, антимонопольного и рыночного регулирования и трудового права. Это либо отдельные суды, либо специальные отделы районных или апелляционных судов.

В судах общей юрисдикции рассматриваются как гражданские, так и уголовные дела. Система судов общей юрисдикции состоит из районных судов, шести апелляционных судов и Верховного суда. В компетенции судов общей юрисдикции находится рассмотрение большинства коммерческих споров. Их решения и постановления могут быть обжалованы в одном из апелляционных судов. В компетенцию апелляционных судов входит также рассмотрение по первой инстанции исков об обжаловании арбитражных решений, вынесенных в пределах их юрисдикции. Для обжалования решений и постановлений, вынесенных по коммерческим делам в районных и апелляционных судах, требуется разрешение на обжалование. Роль апелляционных судов заключается в тщательной проверке дела на основе тех же материалов, что были представлены в районном суде.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что обновление системы источников права необходимо Российской Федерации. Но для этого законодатель может взять за основу судебную систему других стран. В статье приведен пример системы источников шведского права, с которой есть как схожие элементы, так и различные. Анализируя ошибки различных стран, мы можем реформировать систему источников арбитражного процессуального права, минуя ошибки в законодательстве.

Литература

1. Темушкин О.П. Толкование закона Пленумом Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1976. № 12. С. 33–40.
2. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. С. 99.
3. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. С. 437–438.
4. Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985. С. 140.
5. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 5.
6. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4.
7. Андерссон Ф., Исакссон Т., Юханссон М., Нильссон У. Арбитраж в Швеции / под ред. Джонни Херре. Статут. 2018. 304с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПАРИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПАНДЕМИЧЕСКИХ УГРОЗ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

© 2021 г. А.М. Старостин

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Автор анализирует возможные направления деятельности государственных органов власти по реализации одной из важных целей национального развития России в области науки и высшего образования на период до 2030 г. в условиях глобальных пандемических угроз. Оцениваются изменения в области управления эффективного высшего образования за последние 10 лет. Предлагаются меры укрепления системы высшего образования как «мягкой силы», в особенности в Черноморском макрорегионе. Показаны пути повышения эффективности НИР в вузах, связанные с проблемно-проектным подходом к решению ключевых для региона проблем.

Ключевые слова: *эффективность управления высшим образованием; рейтинговые измерители; «мягкая сила», гражданская социализация; волонтерство; проблемно-проектный подход; гражданская мобилизация; вызовы и угрозы национальной безопасности.*

The author analyzes the possible activities of state authorities to implement one of the important goals of Russia's national development in the field of science and higher education for the period up to 2030 in the context of global pandemic threats. The changes in the management of effective higher education over the past 10 years are evaluated. Measures are proposed to strengthen the higher education system as a "soft power", especially in the Black Sea macroregion. The ways of increasing the efficiency of research in higher education institutions related to the problem-project approach to solving key problems for the region are shown.

Keywords*: efficiency of higher education management; rating measures; "soft power", civil socialization; volunteerism; problem-project approach; civil mobilization; challenges and threats to national security.*

После принятия новой редакций Конституции РФ произошло обновление перечня стратегических задач по развитию Российской Федерации на период до 2030 г., что отражено в Указе Президента РФ «О Национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [1]. Здесь определены пять Национальных целей для прорывного развития РФ на период до 2030 года. Среди них вторая цель: «возможность для самореализации и развития талантов». В рамках этой цели отражены ключевые показатели, среди них: «Обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет «создания эффективной системы высшего образования».

Критерии эффективности системы высшего образования не имеют четкого определения, но вместе с тем достаточно разнообразны и в настоящее время в значительной мере сориентированы и исходят из многочисленных международных и нескольких Национальных рейтингов ВУЗов. Особенности построения рейтингов ВУЗов отражают прежде всего социально-экономическую востребованность основных продуктов высшего образования: выпускников вузов и научных результатов, прежде всего в экономически-рыночных и наукометрических показателях. Поскольку рыночная кадровая конъюнктура и система наукометрических показателей достаточно подвижны, а вузы как социокультурная система весьма инертны, места, занимаемые в рейтингах, порой значительно изменяются [2].

Вместе с тем, существуют и другие показатели эффективности, которые можно отнести к системе показателей социально-культурного эффекта и влияния на глобальное и глокальное (национальное, региональное) развитие [3;182]. По преимуществу это смешанная система экспертных оценок, социально-статистических показателей и показателей общественного мнения.

Обобщая также комплексные показатели функционирования российской системы высшего образования (ВО), можно выстроить следующее резюмирующее заключение, содержащее оценки положительно-эффективного и стабилизирующего влияния российского ВО в сочетании с негативными и

инерционными моментами, снижающими эффективность социального развития. Так сказать, ключевые моменты, pro и contra эффективность [4; 10-12].

Итак, Pro.

1. ВО в России по сравнению с ВО в СССР, т.е. за последние 30 лет, существенно выросло и в абсолютном, и в удельном измерении (число студентов на 1000 чел. населения, число лиц с ВО среди взрослого населения). Это рост примерно вдвое. И, хотя в развитых странах (ОЭСР) эти показатели тоже росли динамично, но ныне Россия по ним входит в первую пятерку стран, что, несомненно, говорит об интеллектуализации и динамичном росте человеческого капитала как драйвера других сфер жизни.

2. Опережающий рост ВО по сравнению с ростом экономики, сферы услуг, строительства, транспорта и других сфер позволил кардинально переформатировать структуру экономики и преодолеть по сути вечный разрыв, существовавший в СССР между сферой производства и потребления. Наиболее значимый вклад здесь внесла сфера ВО, обеспечив компетентную, профессиональную поддержку модернизации экономической, политической, культурной сфер и вхождения РФ в мир рыночных отношений и демократии.

3. Реструктуризация системы ВО, появление в ее составе нового типа вузов – исследовательских, опорных, инновационного профиля университетов позволило переместить часть научно-образовательного потенциала из сферы ВПК, производственно-промышленных отраслей в другие отрасли и существенно изменить инновационный потенциал ряда непроизводственных отраслей, определяющих процессы перехода к постиндустриальному, информационному обществу (СМИ, информационные технологии, медицина, фармацевтика, культура и образование, управление).

4. Отечественное ВО в ее авангардной части позволило подготовить значительную часть специалистов и ученых, которые смогли переместиться в развитые страны для работы и освоения новых технологий, продолжения образования, научных исследований в более продвинутых отраслях, нежели в России. Зарубежный обмен в сфере образования и науки увеличился многократно. Удалось восстановить и экспортный потенциал ВШ в части подготовки специалистов из зарубежья. Несмотря на вхождение в поле международной конкуренции в области профессиональной подготовки, отечественная ВШ, перестраиваясь под принятые международные стандарты, входит в глобальную систему ВО, занимая во многом конкурентосопоставимые позиции в первой десятке экономик мира.

5. За счет развития научного и интеллектуального потенциала ВШ, вкупе с ресурсами РАН, за последние 30 лет удалось во многом реконструировать реальную картину развития России в XX веке, да и скорректировать в сторону большего реализма и аутентичности маркеры и образы, поддерживающие историческую память России в целом, что позволяет восстановить ее цивилизационную идентичность. Конечно, перечисленные позиции могут быть пополнены, но в целом тенденции, раскрывающие потенциал указанной миссии российского ВО, в его позитивном, конструктивном измерении достаточно понятен. Но необходимо сопоставить изложенные позиции в альтернативном измерении. Без этого, т.е. без анализа позиций contra в тех же измерениях, не будет до конца ясно: насколько достаточны, полны, эффективны шаги в данном направлении и какие здесь есть риски?

Итак, доводы Contra:

1. Динамичный количественный рост системы ВО, действия по принципу «разрешено все, что не запрещено» привели к резкому преобладанию частных вузов и филиалов, дающих т.н. «легкое образование», а то и простую его имитацию. Оказались сбиты, сломаны достаточно высокие по мировым стандартам требования к качеству российского образования и специалистов. До 80 % выпускников к началу 2010-х гг. не соответствовали требованиям ВО. Появился обширный слой функционально неграмотных специалистов. Понадобились огромные усилия, предпринятые в последние 8-10 лет, для реорганизации и упорядочения системы ВО, дабы она хотя бы на уровне ведущих 15-20 % вузов стала соответствовать стандартам ВО. Объем «производства» специалистов с ВО многократно превышает потребности современной российской экономики. Выпускаемые специалисты лишь на 20-25 % востребованы и работают по специальности. Произошла переструктуризация и переакцентировка базовых функций ВО, когда на ведущие места выдвинулись функции общегражданской и культурной социализации студенческой молодежи вместо функций высшей профессиональной подготовки. ВШ и поныне, хотя и в меньших масштабах, нежели в 90-х – начале 2000-х гг., выполняет социально-компенсаторную функцию, парирующую пагубные последствия массовых процессов социальной маргинализации.

2. Опережающий рост социально-гуманитарного, юридического и экономического образования оказался существенно избыточным и серьезно повлиял на представленность в ВО инженерно-технических и естественнонаучных специальностей и секторов образования и науки, что стало сдерживать и тормозить развитие инновационных процессов в российской экономике и повлекло существенную сдачу позиций и представленность на мировом рынке в части высокотехнологических и инновационных продуктов. Рядом энергичных шагов эти тенденции сокращены. Но образовавшиеся раз-

рывы между реальной экономикой, ВО и наукой пока не устранены, что не позволяет России занять свое место на рынке инноваций.

3. Доля инновационного образования в системе российского ВО находится на уровне 10-15 % от числа вузов и их выпускников, что недостаточно для обеспечения ускоренного перемещения специалистов новой формации согласно выдвинутых амбициозных программ экономического развития России на кратко- и среднесрочную перспективу. К тому же часть наиболее подготовленных выпускников уезжают за рубеж. Сказывается тормозящим образом и не вполне адекватная российским условиям американизированная модель взаимодействия науки и ВО. Наш позитивный опыт в этом плане отодвигается на задний план и блокируется под влиянием западноориентированного экспертно-управленческого сообщества.

4. Экспортный потенциал современной системы ВО пока уступает советскому, ввиду существенно сократившейся высокоиндустриальной и инновационной части экономики, которая создавала и должна создавать значительные экспортноориентированные ниши для российской промышленности и системы высокопрофессиональной подготовки и переподготовки зарубежных студентов и специалистов.

5. Деятельность системы ВО по созданию культурно-мировоззренческого и социокультурного контекста в высокопрофессиональном образовании далека от полноты и пока значимо зависит от ценностной, нормативной, методической оснастки системы ВО западноориентированных образовательных норм, стандартов, учебников, методологических и методических парадигм в гуманитарной подготовке студенчества, что поддерживает состояние если не разрывов и бикультурных парадигм, то ориентаций на подходы, не соответствующие отечественной культурной идентичности. И поддерживает альтернативные механизмы гражданской и цивилизационной социализации.

Резюмируя сказанное об альтернативных проявлениях в инновационных и инерционных трендах и их балансе в системе отечественного ВО, как думается, этот баланс находится в состоянии «полупозишен» с перспективой перехода в состояние лидера, драйвера инновационных сдвигов нашего общества и с удержанием основных ориентиров и мотивов на реализацию стратегических национальных интересов и защиту национальной безопасности.

Что касается глокальной (региональной) специфики, то она детерминируется, помимо общенациональных задач и функций, региональной спецификой: геополитической, геоэкономической, социальноэтической, демографической и культурной. В этом плане для региона Причерноморья (и даже чуть южнее – Южно-российского) характерен ряд инерционных и ситуативных трендов. Прежде всего это специфика военно-политической напряженности в приграничных зонах, связанная с давлением крупнейшей мировой группировки государств НАТО, не снижающейся в последние почти 10 лет [5]. На этом векторе противоречиво сказались последствия Covid-19 в 2020-2021 гг. С одной стороны, общий вектор усилился, с другой, появились эпидемические факторы, отсрочивающие действия некоторых его общих механизмов.

Однако в целом глокализационные характеристики нашего макрорегиона остаются достаточно инерционными. Вот они:

С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в нашем регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов: две чеченские войны, два Карабахских и Приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета Безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем, что срывает или сдерживает реализацию больших потенциальных возможностей привлечения сюда крупных инвестиций глобального уровня на развитие энергодобывающей, транспортно-логистической, рекреационной, торговой сфер. И, как следствие, не происходит ожидаемого скачкообразного развития занятости, роста уровня жизни, развития культуры и образования.

Поэтому весьма значимо обсудить проблемы стабилизации нашего региона, что, естественно, должно основываться на понимании глобального контекста, условий и возможностей встраивания в него макрорегиона. А также на выявлении непосредственных детерминант внутреннего порядка, как способствующих, так и препятствующих стабилизации и росту.

В последующий период предстоит решение задач расширения лимитрофной зоны за счет укрепления дружеских и партнерских отношений с приграничными государствами и их регионами, а также укрепления оборонительной приграничной инфраструктуры. Это сеть транспортных коммуникаций, портов, ремонтных заводов, полигонов, складов и других элементов оборонительной инфраструктуры и логистики. Направленность ее функций связана с антитеррористической деятельностью и потенциальными угрозами со стороны Ближне-Средне Восточных макрорегионов (Южное направление) и Юго-Восточной Европы с ее новыми союзниками.

В связи с со сказанным, отдельно спроецируем основные позиции на состояние и проблемные направления развития системы ВО Юга России и, в особенности Причерноморье.

В систему ВО ЮФО входит свыше 150 вузов, а с учетом СКФО и Крыма – до 200. В российские рейтинги, выделяющие ТОП -100, помещают от 5 до 10 вузов. Наиболее крупные и известные это: ЮФУ, ДГТУ, НПИ, КубГУ, Пятигорский ГУ, Крымский ФУ, Каб-Балк. ГУ, Сев-КавкФУ. В вузах Юга России обучаются более 10% студентов России, 92 % из них в государственных и муниципальных.

Следует отметить, что за год пандемии система ВО показала себя как одна из самых устойчивых и социально эффективных систем. В ней сохранился (в некоторых вузах даже несколько вырос) контингент обучаемых и работающих, удалось в основном сохранить показатели набора в вуз. Значительно ниже среднечисленных показатели заболеваемости и смертности. Сохранились в целом и объемы и показатели научной деятельности.

Учитывая успешные шаги РФ по обеспечению населения вакцинированием и санитарно-медицинской защитой, можно прогнозировать рост числа иностранных студентов.

Вместе с тем, анализ последствий пандемии показывает, что эффективность функционирования системы ВО в регионе Причерноморье может быть усилена в социо-культурном и социально-политическом аспекте. Как бы в развитие функции поддержки намеченных тенденций социально-гражданской социализации.

Это касается прежде всего двух направлений:

А) военно-патриотическая социализация и овладение компетенциями и навыками деятельности в мобилизационный период;

Б) расширение волонтерской деятельности и формирование, прежде всего на базе Вузов, центров организации и подготовки (обучение) к волонтерской работе.

Что касается развития научной составляющей в рамках системы ВО, то, как можно видеть из формулировки национальной цели, предполагается дополнительный импульс к интеграции ВО и науки. В этом плане нужно заметить, что вряд ли удастся перевести даже самые известные вузы, по крайней мере в регионе Причерноморья, в статус Большой науки, если не предпринять шаги для оформления главных или федеральных центров государственного заказа. Учитывая историю формирования таких вузов как МФТИ, МИФИ, МВТУ, МАИ, МЭИ, Военмеха, ряда Уральских и Сибирских вузов и ряда других, которые либо специально созданы, либо профилированы под советские большие проекты (атомный, ракетный, энергетический) [6]. В современной России тоже появились большие проекты. Но их масштабы и относительная затратность пока недостаточно оптимальны. Вот что показывает в этом плане сравнительный анализ.

Масштабными финансово-экономическими средствами современная Россия обладает, что говорят примеры реализации больших проектов в последние 20 лет [7,14].

Таблица 1. Мегапроекты последних 20 лет

	Период	Оценка в валютном эквиваленте* (млрд долл.)
Модернизация электроэнергетики (ДПМ)	2006–2012	127
Госпрограмма вооружений 2011–2020 (в части закупок вооружений и НИОКР)	2011–2017	106
Магистральные экспортные газо- и нефтепроводы, включая расширение и обустройство морских портов и прочей инфраструктуры, производство ТБД	1999–2019	90
Ивент-девелопмент (АТЭС Владивосток-2012, Олимпийские игры Сочи-2014, Чимпионат мира по футболу-2018)	2007–2018	82
Проект «Ямал-СПГ», включая затраты на инфраструктуру	2011–2018	31
ФЦП «Крым»	2015–2021	14
* В расчете по среднегодовым курсам рубля к доллару США соответствующих лет. Источник: расчеты «Эксперта» по открытым источникам.		

Однако эти проекты все же на порядок уступают большим проектам советского периода, прежде всего по параметрам социально-организационного, инженерно-инфраструктурного и управленческого характера. Из цифр в вышеприведенной таблице видно, что по финансовым возможностям, которые у современной России имеются, можно было бы осуществить не 6, а более 15 проектов масштаба лунной программы или орбитальных станций. Однако это невозможно, поскольку для этого нет надлежащей производственной, кадровой и научно-технической базы, да и никто из современных видных политиков или финансистов ничего подобного и не предлагает, ибо нет у них еще и того качества, о котором писал в своих воспоминаниях Ю.А. Жданов, как «стратегическое дальновидение»:

«Ныне времена изменились… Но задача геостратегического прогнозирования и дальновидения всегда будет актуальна для нашей страны» [8; с.148].

Что касается профилей таких возможных генеральных заказчиков и доли вузовских подрядчиков из Причерноморского региона, то можно обозначить если не перечень проектов, то основные направления и кластеры больших государственных научных проектов. К ним относятся: портовое строительство и развитие портового хозяйства; кораблестроение; сельхозмашиностроение и его обслуживание; сельскохозяйственная переработка и пищевая промышленность; спортивно-туристический и курортный кластер; медицинско-оздоровительные центры; международная и транспортная инфраструктура; производство, поставки и экспорт пресной воды.

Соответственно, и вузовско-научная инфраструктура будет эволюционировать под «Навесом» таких крупных организационно-проектных центров, и вузы станут входить в ведущие группы международных и отечественных рейтингов, как произошло это с вузами физтеховского профиля, обслуживавших когда-то Минсредмаш и развивавшихся под его «Навесом», а ныне входящих в группы отечественных и мировых лидеров современного высшего образования.

Существует несколько моделей административно-политической координации и экспертизы больших научно-прикладных региональных проектов. Один – всем известный Ждановский Северо-Кавказский научный центр высшей школы, существовавший и в советский, и в постсоветский период, но требующий коррекции.

Другой вариант – формирование региональных отделений Минэкономразвития окружного уровня. Это проект, в направлении создания которого обозначилось движение несколько лет назад, но затем было отложено. Существуют и другие варианты. Речь только идет о том, чтобы данные проекты работали на реальную инновационную экономику, а не ограничивались монетарными маневрами.

В настоящее время формируются научно-образовательные вузовские холдинги с участием НИИ и производственных структур по проблемно-проектному принципу. Очевидно, что такие новые объединения должны быть привязаны к представителю генерального заказчика, типа тех, о которых отмечалось выше.

В масштабах страны идет ряд экспериментов в вузах, вроде эксперимента в МГУ, связанного с переходом к структуре научно-образовательных школ, вместо факультетов и институтов.

Вполне возможно, что в итоге сформируется адекватная инфраструктура в вузах и в рамках институтов со стороны государства и крупных корпораций, дабы обеспечить реализацию крупных научно-производственных и инфраструктурных заказов, в рамках которых масштабно заработает вузовская фундаментальная и прикладная наука. К тому же предстоит большая работа по ее существенному усилению и по численности научных работников, и по числу научных организаций, и по опытно-лабораторной и конструкторской базе. Ведь на сегодняшний день основные ресурсы такого рода размещены не в вузах, а в академических и отраслевых НИИ (более чем на 80% от всего научного потенциала России) [9, с. 54]. Вот тогда национальная задача, поставленная Президентом страны в области науки, будет реализована.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ №474. 21 июля 2020 г. // Российская газета № 159, 22 июля 2020 года.
2. Балацкий Е.В., Екимова Н. А. Конкуренция социально-экономических университетов России // Вестник Российской Академии наук. 2018. Т. 88. №10. С.897-907.
3. Качество и эффективность высшего образования / Джуринский А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы. М. Прометей. 2018. С. 182-206.
4. Старостин А.М. Философия высшего образования как инструмент междисциплинарного анализа и прогноза / Философия высшего образования в глобальном и социальном измерении. Ростов н/Д. Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С.10-19.
5. Семенов В.С. Перспективы урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины // Международная жизнь. 2019. №3. С.109-113.
6. Васина Т. ВПК СССР. М.: Центрополиграф, 2018.
7. Гурова Т., Ивантер А., Скоробогатый П., Ульянов Н. Реиндустриализация как новый консенсус // Эксперт. № 43. 21 – 27 октября 2019.
8. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д.: Феникс, 2004, с.148
9. Константинов А. Удвоение русского Хирша // Эксперт. 2021. №14. С.54-55.

УДК 323

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ В ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОД В РОССИИ

© 2021 г. Т.А. Мосиенко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В работе рассматриваются актуальные вопросы, связанные с защитой прав детей в постковидный период, который показывает, что проблемы, возникающие как в семье, так и за ее пределами, невозможно своевременно разрешить в полном объеме. По мнению автора, защита прав детей является приоритетной задачей не только родителей, но и лиц, на которых законом возложены такие права и обязанности.

Как во время пандемии, так и в постковидный период возрастает социальная роль государства по оказанию материальной поддержки семьям с детьми, семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Ключевые слова: *COVID-19, пандемия, самоизоляция, ребенок, супруги, родители, семья, конфликты, прекращение брака, воспитание, защита прав ребенка, родительские права и обязанности, материальная поддержка, социальное государство, ненадлежащее исполнение прав и обязанностей родителей.*

The work examines topical issues related to the protection of children's rights in the postcovid period, which shows that the problems which arise both in the family and outside it cannot be resolved in a timely manner in full. According to the author, the protection of children's rights is a priority task not only for parents, but also for those who are entrusted with such rights and obligations by law.

Both during the pandemic and in the postcovid period, the social role of the state increases in providing material support to families with children, families in difficult life situations, as well as orphans and children left without parental care.

Keywords: *COVID-19, pandemic, self-isolation, child, spouses, parents, family, conflicts, termination of marriage, upbringing, protection of the rights of the child, parental rights and responsibilities, material support, welfare state, improper fulfillment of the rights and obligations of parents.*

Для современной России COVID-19 стал еще одним серьезным испытанием как для родителей, так и детей, так и для всей семьи в целом.

В период самоизоляции супруги были вынуждены постоянно находиться дома вместе с детьми либо другими членами семьи, что во многих случаях показывало несовместимость и невозможность длительного нахождения друг с другом и вызывало раздражительность и частые скандалы по поводу и без, только лишь потому, что были все время рядом.

Оказалось, что к такой ситуации многие супруги были попросту не готовы и не могли договариваться друг с другом. Особенно вызывало раздражение необходимость организовать обучение ребенка на дому в режиме online, а многие не могли содержательно помочь ребенку в выполнении домашнего задания и при этом зачастую в семье отсутствовало надлежащее техническое обеспечение, что не позволяло ребенку в полной степени осваивать образовательную программу и реализовать свое право на получение образования. Образовательные учреждения также были не готовы предоставить надлежащим образом образовательные услуги, так как значительно возросла нагрузка на педагогический состав и инфраструктуру (сервер оказался неготовым к высокой интенсивности работы), а многие учителя не владеют в достаточной степени современными компьютерными технологиями и были вынуждены давать ребенку задание по скайпу.

Тем более, что многие семьи оказались в крайне тяжелом материальном положении: родителям сократили заработную плату или они вовсе лишились работы, что привело к потере возможности приобретать необходимые лекарственные препараты, продукты питания и даже оплачивать услуги ЖКХ.

Необходимо отметить, что в этой борьбе побеждают те семьи, в которых семейные отношения построены на любви, взаимопомощи и взаимопонимании, а не только на материальном благополучии.

Хотя надо сказать, что в этот сложный период семья должна сплотиться и выживать вместе, но 70 % от общего количества семей в России прекратили семейно-брачные отношения, при этом ссылаются не только на пандемию, но и отсутствие заработка и невозможности прокормить свою семью, потерю чувств друг к другу [1].

В России ежегодно увеличивается количество неполных семей, чаще всего родитель, прожива-

ющий отдельно от ребенка, проявляет полное безразличие к судьбе своего чада, которое проявляется в различных формах, например, в злостном уклонении от уплаты алиментов, в отсутствии необходимой заботы, внимания, в том числе в отношении детей, страдающих тяжелыми хроническими заболеваниями и нуждающихся в дорогостоящем лечении.

В то же время, родитель, с которым проживает ребенок или дети, вынужден влачить жалкое существование, а другой при этом считает, что если он платит алименты, которые, как правило, являются мизерными суммами, то этого вполне достаточно и к нему не может быть предъявлено никаких претензий ни по закону, ни по совести.

Ежедневно мы можем наблюдать в средствах массовой информации призывы о помощи больным детям, которые нуждаются в дорогостоящих лекарствах, не зарегистрированных в России. Суммы, необходимые на лечение, исчисляются многими миллионами, и поэтому родители не могут надлежащим образом защитить своего ребенка, так как у них попросту отсутствуют такие огромные денежные средства, а государство снимает с себя ответственность за подрастающее поколение.

В России действует государственная семейная политика [2], которая является составной частью социальной политики, но она не в состоянии оказать материальную поддержку таким нуждающимся детям. Однако в своих принципах все же провозглашает защиту прав детей и родителей, но, несмотря на существование различных благотворительных фондов, оказывающих материальную помощь детям-инвалидам, детям-сиротам и семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, на практике такая помощь все-таки является недостаточной.

Представляется необходимым отметить, что в государственном бюджете Российской Федерации, являющейся социальным государством согласно статье 7 Конституции РФ [3], на наш взгляд, должны быть заложены расходы на лечение российских детей. Это будет способствовать обеспечению надлежащей защиты прав ребенка (детей) и денежные средства, потраченные на лечение, позволят сохранить здоровье детей нации, укрепить семейные отношения, а также сократить количество отказных и брошенных детей, что благоприятным образом скажется на демографическом состоянии нашей страны.

Следует сказать, что защиту прав и интересов ребенка осуществляют родители, если они не лишены или не ограничены в родительских правах (ст. 56 Семейного кодекса РФ [4]), без специальных на то полномочий, при условии, что эта защита отвечает интересам ребенка. Однако если защита противоречит интересам ребенка, то такую защиту будет осуществлять либо орган опеки и попечительства, либо назначенное им лицо, либо прокурор.

В данной норме раскрываются особенности защиты прав детей лицами, на которых законом возложены такие обязанности (опекун (попечитель), приемные родители, близкие родственники), так и должностными лицами органов опеки и попечительства до достижения ребенком возраста совершеннолетия.

Из-за страшной пандемии в России за прошедший год отсутствует естественный прирост населения. Так, в 2020 году в России родилось 1 604 344 ребенка, умерло 1 828 910 детей, убыль составила 224 566 детей, в частности, в Южном федеральном округе наблюдается аналогичное положение: родилось 173 257 детей, умерло 210 304 ребенка, убыль составила 37 047 детей [5].

Таким образом, статистические данные показывают проблему демографического кризиса, поэтому, на наш взгляд, государство должно быть заинтересовано в сохранении каждого рожденного ребенка, матери и семьи в целом.

Следует заметить, что в настоящий период времени в Ростовской области наблюдается высокий рост заболеваемости COVID-19, что и в 2021 году может привести к сокращению численности населения в области, да и рождаемости.

Бесспорно, пандемия сыграла отрицательную роль в семейных отношениях, тем более что в постковидный период родители ослабили требования к детям путем предоставления большего времени для прогулок на свежем воздухе, развлечений и свободного времяпрепровождения, не контролируя при этом, чем занимается их ребенок.

Данные послабления, наш взгляд, не всегда отвечают интересам семьи да и самого ребенка, что в отдельных случаях может привести к нежелательным и трагическим последствиям.

Примером может служить случай, произошедший в г. Новочеркасске, когда несовершеннолетний ребенок самовольно взял ключи от автотранспортного средства, посадил в машину еще пятерых несовершеннолетних детей и не справился с управлением. Результат такой поездки – шестеро погибших детей, но при этом все семьи детей характеризуются положительно.

Аналогичным примером постковидного синдрома может служить следующий случай гибели детей из г. Волгограда (школа олимпийского резерва), когда детей должны были отправить на спортивные соревнования.

На наш взгляд, родительские права и обязанности не были выполнены надлежащим образом по организации поездки детей на соревнования и родители в свою очередь, не выяснили у руководите-

ля школы:

- во-первых, какое автотранспортное средство будет использовано для поездки, в каком техническом состоянии оно находится;
- во-вторых, каким образом будет обеспечена безопасность движения сотрудниками ГИБДД на дороге;
- в-третьих, сколько водителей отводится на поездку и проверено ли их состояние здоровья,
- в-четвертых, наличие сопроводительных документов;
- в-пятых, кто из тренеров будет сопровождать детей в поездке и как будет организован отдых детей в такой длительной поездке.

Надо отметить, что один водитель управлял автотранспортным средством от г. Волгограда до Ставропольского края без отдыха и результатом такой непродуманной поездки, как известно, стала авария на дороге, которая привела к трагическим последствиям и гибели пятерых детей. Конечно, ответственность руководителя школы будет определяться судом, а детей уже не вернуть.

По нашему мнению, приоритетная защита прав детей должна осуществляться не только родителями, но и должностными лицами, а в этот сложный для страны период времени особенно актуальной является необходимость усиления контроля за состоянием здоровья несовершеннолетних, а также своевременная помощь семьям с детьми, в том числе материальная и медицинская.

Самоизоляция общества в период пандемии предоставила возможность детям в большей степени посещать различные сайты интернета, искать и получать информацию обо всех аспектах жизни, в то же время родители не всегда могли проконтролировать действия своих детей в глобальной информационной системе, так как они сами были заняты работой на «удаленке».

В этот период многие несовершеннолетние девочки, изучив и получив теоретические познания сексуальных отношений, решили их применить на практике. Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что в России в 2020 году три девочки 12 лет и 24 девочки 13 лет родили первого ребенка; одна 14-летняя родила уже второго, а 15-летняя – третьего ребенка [6].

Всего же у несовершеннолетних девушек от 12 до 18 лет родилось 11 247 детей, из них 10 508 первыми детьми, 682 – вторыми, 45 – третьими, 2 – четвертыми и 1 – пятым. В 2019 году у несовершеннолетних было зарегистрировано 11 361 родившийся, что на 114 детей больше 2020 года [6].

Таким образом, указанные цифры показывают значимость воспитания детей не только в семье, но и за ее пределами и поэтому, на наш взгляд, общество должно подходить с большей ответственностью в регулировании таких сложных отношений как рождение детей несовершеннолетней матерью, тем более что в 12-13 лет мать не может установить свое материнство путем регистрации рожденного ребенка и поэтому Семейный кодекс РФ должен сделать исключение и позволить несовершеннолетней матери зарегистрировать ребенка в органах ЗАГСа [7], а на родителей такой матери возложить полную ответственность за воспитание несовершеннолетней матери и внука (внучки).

Хочется надеяться, что снижение числа рождений у молодых матерей, вызванное работой школ, органов опеки и попечительства, различных организаций помощи детям по разъяснению нежелательности ранней беременности и ее последствий, продвижению ценностей семьи, образования, будет иметь длительный эффект и девочки 12-13 лет будут играть в «дочки-матери» с игрушками, а молодые несостоявшиеся бабушки и дедушки больше времени уделять своим подрастающим дочерям и не допускать такой ранней беременности.

Помимо этого, 42 девушки в свои 17 лет матерями стали в третий раз. По общему количеству таких случаев лидирует Ставропольский край – там их выявлено семь. На втором месте оказалась Ростовская область, третье место еще один регион на юге страны – Краснодарский край – поделил с Тамбовской и Владимирскими областями, что, на наш взгляд, является недопустимым упущением как со стороны родителей, так и образовательных учреждений. Но во всех случаях родители должны нести семейно-правовую ответственность.

Представляется необходимым отметить, что родители должны быть заинтересованы в первую очередь защитой прав ребенка и с ними в дошкольных и образовательных учреждениях будут проводиться разъяснительные мероприятия по правилам поведения детей как в семье, так и в общественных местах.

Следующей серьезной проблемой, вызванной пандемией, является рост особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. По данным прокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысячах преступлений. Большинство несовершеннолетних (а это 83 %) в 2020 году совершили преступления против собственности, 8 % против жизни и здоровья и более 4 % участвовали в совершении преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков в качестве закладчиков и распространителей [8].

О серьезности ситуации говорит и выросшее почти до 145 тысяч число подростков, поставленных в прошлом году на учет подразделениями по делам несовершеннолетних. Из них более чем 70 тысяч совершили административные правонарушения, не достигнув 16-летнего возраста, но

прокуратура не дает статистических данных о привлечении родителей таких детей к ответственности, тем более что для несовершеннолетних характерна значительно более высокая доля групповых преступлений, чем для взрослых преступников. Поэтому ежегодно почти половина несовершеннолетних, совершивших преступления, действовали в группе, а родители в это время не знали, чем занимаются их дети.

Произошедший трагический случай в г. Казани, когда 19-летний преступник пришел с оружием в гимназию № 175, при этом изготовил самодельные бомбы, руководствуясь информацией из интернета, за две недели до совершения преступления получил лицензию на ношение оружия, готовился тщательным образом к убийству детей, показал, что образовательные учреждения на сегодняшний момент не способны обеспечить безопасность детей, а родители не могут быть уверены в том, что их ребенок не подвергнется опасности, находясь в школе. Результат такого преступления – гибель семи детей и двух взрослых и получение серьезных ранений и увечий 21 человеком, которые находятся в тяжелом состоянии в лечебных учреждениях.

Следует также отметить, что преступник шел по городу с расчехленным оружием и мимо проходящие люди не обратили внимание и не сообщили в правоохранительные органы об этом, все это показывает, что сотрудников полиции не заменят видеокамеры и поэтому предлагаем вернуть их на улицы городов, а также доверить им охрану детей в школах и не допустить работников частных охранных предприятий в школы, так как многие из них отбывали срок за совершенные ранее преступления.

Надо сказать, что самоизоляция и постковидный синдром не прошел бесследно как для общества, так и для семьи, а рассмотренные нами статистические данные свидетельствуют об актуальности и необходимости исполнения прав и обязанностей родителями надлежащим образом.

На основании всего сказанного, следует сделать вывод о том, что родители не должны быть озабочены только зарабатыванием денег, для того чтобы обеспечить семью, но и обязаны проявлять интерес к судьбе ребенка и его проблемам, постараться решать их совместно с ним, при этом, разъясняя несовершеннолетнему правила поведения и основы безопасности в обществе, а также его ответственность за неправомерное поведение, при этом, воспитывать в нем сострадание к близким людям и окружающим в целом.

Литература и источники

1. Развод: статистика и причины расторжения брака в России // URL: http://zakonguru.com/semejnoje/razvod.

2. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 (ред. от 05.10.2002) «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // Российская газета. 21.05.1996. № 94.

3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.03.2021) // Российская газета. 27.01.1996. № 17.

5. Новостной портал DELFI // URL: http:// www.rus.delfi.lv.

6. Новостной портал Газета.ru // URL: https://www.gazeta.ru.

7. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 20.11.1997. № 224.

8. Судебная статистика РФ // URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/0.

НАШИ АВТОРЫ

Алимова Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Oly_spi@mail.ru

Аревян Артур Оганесович – помощник судьи Советского районного суда г. Ростова-на-Дону, магистрант 1 курса кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». arevian@yandex.ru

Арзуманян Андрей Альбертович – доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент. andrew71984@mail.ru

Безуглый Сергей Николаевич – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, 8 4722 30-12-63

Беляева Елена Николаевна – доцент кафедры информатики и информационных таможенных технологий Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», кандидат экономических наук, доцент, полковник таможенной службы. 8 863 244-15-43

Бекирова Севилия Зауровна – доцент кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент. bekir72@mail.ru

Берестовой Дмитрий Александрович – аспирант кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». berestovoy_7@mail.ru

Горбатюк Лия Петровна – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Гордиенко Александр Сергеевич – магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)». ugpravo_crim404@mail.ru

Григорьева Наталья Станиславовна – доцент кафедры «Экономика и инновационные рыночные исследования» ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», кандидат экономических наук, grigorievans@bk.ru

Дубина Юлия Юрьевна – аспирант кафедры налогообложения и финансового учета ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал. 8 863 203-63-45

Емченко Людмила Юрьевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». emchenko.ludmila@mail.ru

Жегалова Анна Андреевна – ассистент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». kafedra.kimp@yandex.ru

Зотова Сабина Александровна – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Исик Ляна Владимировна – доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат экономических наук, доцент. lyana-isik@yandex.ru

Канаки Валерия Владимировна – доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат экономических наук, доцент. vvkanaki@mail.ru

Карлаш Анастасия Николаевна – магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». ugpravo_crim404@mail.ru

Кизим Анатолий Александрович – профессор кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор экономических наук, Arko1980@mail.ru

Кича Мария Вячеславовна – доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук. 8 863 297-58-72

Клочкова Александра Леонидовна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». klochkova_alexa86@mail.ru

Колодкина Вера Николаевна – доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». kolodkina.vera@list.ru

Королевский Андрей Иванович – магистрант Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 8 863 297-58-72

Короленко Ирина Ивановна – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. gr_process38@mail.ru

Коруненко Елена Юрьевна – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. ugpravo_crim404@mail.ru

Кочергина Елизавета Алексеевна – магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)». KocherginaLiza@yandex.ru

Кочергина Лариса Алексеевна **–** магистрант 2 курса кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». ugpravo_crim404@mail.ru

Лесников Геннадий Юрьевич **–** главный научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, профессор. 8 495 983-93-23

Мархгейм Марина Васильевна **–** заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор, 8 4722 30-12-64

Матинов Сурен Георгиевич **–** доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», sumatru10@mail.ru

Меженская Галина Викторовна **–** доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». meghen@list.ru

Мосиенко Татьяна Александровна – профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент, kafedra37@bk.ru

Насиров Юрий Зейфулаевич **–** доцент кафедры «Пищевых технологий и товароведения» ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат экономических наук, yura-nasirov@rambler.ru

Непранов Руслан Григорьевич **–** доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. gr_process38@mail.ru

Николаев Александр Викторович **–** заведующий кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент. procpravo@yandex.ru

Новикова Татьяна Григорьевна – магистрант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Осадчая Наталья Георгиевна – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, 8 863 297-58-72

Полтавцева Алина Владимировна **–** старший преподаватель кафедры гражданского процесса ФГОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» alisa55@yandex.ru

Полтавцева Лариса Ивановна – профессор кафедры уголовно-процессуального права Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор юридических наук, профессор. lar_poltav@mail.ru

Працко Геннадий Святославович – профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»; профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; заведующий кафедрой гражданского права и процесса, профессор кафедры «Теория государства и права» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, доктор юридический наук, профессор. nashum82@mail.ru

Рогава Инга Георгиевна – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». inga-rogava@mail.ru

Савон Игорь Витальевич – профессор кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор экономических наук, профессор, rsue.spmes@bk.ru

Сазанова Екатерина Алексеевна – доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», кандидат юридических наук. sazanovaekaterina@gmail.com

Самыгин Петр Сергеевич **–** профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор социологических наук, samygin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович **–** профессор кафедры управления персоналом и социологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор социологических наук, serq1952@mail.ru

Сапрунов Сергей Романович – магистрант 2 курса Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; секретарь судебного заседания Ростовского областного суда. saprunovserega@mail.ru

Сбитнева Елена Андреевна **–** студентка бакалавриата юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». kafedra37@bk.ru

Севумян Варлен Николаевич – доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент. sevar_@mail.ru

Серегина Елена Владимировна – профессор кафедры Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент. seregina51@mail.ru

Скрипин Петр Викторович – доцент кафедры «Пищевых технологий и товароведения» ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат технических наук, skripin.peter@yandex.ru

Слобожанский Евгений Валерьевич – студент бакалавриата юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». lolly2874@gmail.com

Собакарева Екатерина Валерьевна – научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». 8 863 207-86-10

Старостин Александр Михайлович – директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор политических наук, профессор. amstar2912@mail.ru

Сулейманов Самалуди Камалдинович – аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Sksuleymanov@bk.ru

Улезько Сергей Иванович – заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»; профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», доктор юридических наук, профессор. ugpravo_crim404@mail.ru

Федоренко Юлия Вячеславовна – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, gr_process38@mail.ru

Фоков Анатолий Павлович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, эксперт международной организации по борьбе с коррупцией (ГРЕКО). fokovam@yandex.ru

Цуриков Игорь Максимович – студент 4 курса, Институт экономики, управления и права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 8 495 250-61-18

Чаплыгин Ростислав Александрович – магистрант по направлению «Менеджмент», профиль «Маркетинг» кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». sekretar@hz3.krkr.ru

Черник Дарья Владимировна – магистрант Академии экономики и управления ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», dasha.dasha.1963@mail.ru

Чижикова Юлия Алексеевна – доцент кафедры исторических наук и политологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат исторических наук. yulia_scheff@mail.ru

Шатверян Нелли Григорьевна – доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». nelli_o@mail.ru

Шевченко Александр Михайлович – профессор кафедры экономических, естественно-научных и гуманитарных дисциплин Гуковского института экономики и права, филиала ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор социологических наук, 8 86361 8-63-61

Шпак Татьяна Ивановна – доцент кафедры «Пищевых технологий и товароведения», ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат сельскохозяйственных наук, septemberday@mail.ru

Эсмурзиев Илез Абукарович – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru